

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

ЧАСТЬ 2

Филологические исследования

Департамент образования и молодёжной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
БУ Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

**Часть 2.
Филологические исследования**

**Ханты-Мансийск
2015**

УДК 811
ББК 81+82+83
П 78

Редакционная коллегия: д. филол. н. В.Н. Соловар, к.филол. н. Н.А. Белова,
к. филол. н. Ф.М. Лельхова

Ответственный редактор к.филол.н. Ю.В. Исламова

Редактор-составитель С.А. Герасимова

Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера:
Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч.2.:
Филологические исследования. – Воронеж: ООО «МАКС-ПРИНТ», 2015.
– 270с.

В сборнике публикуются доклады Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием «Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера», состоявшейся 28-29 мая 2014 года в г. Ханты-Мансийске.

Сборник адресован филологам, культурологам и всем интересующимся культурой коренных малочисленных народов Севера.

Редколлегия сборника может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей несут авторы.

УДК 811
ББК 81+82+83

*Рекомендовано редакционно-издательским советом
Обско-угорского института прикладных исследований и разработок*

ISBN 978-5-9907004-8-2 (Часть 2)
ISBN 978-5-9907004-9-9

© Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок, 2015
© Коллектив авторов, 2015
© ООО «МАКС-ПРИНТ», г. Воронеж, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

Бахтиярова Т.П. Бытовая лексика верхне-лозьвинских манси.....	5
Возелова Л.Г. Фразеологические единицы с компонентом сам «сердце» в хантыйском языке	10
Исламова Ю.В. Социальные явления в гидронимии Ханты-Мансийского района ХМАО-Югры.....	14
Каксина Е.Д. Антропонимы в составе географических названий.....	25
Лельхова Ф.М. Глаголы с семантикой перемещения жидкости в хантыйском языке (на примере шурышкарского диалекта).....	38
Нахрачёва Г.Л. Система стательных моделей, описывающих глаголы деструкции в хантыйском языке.....	46
Онина С.В. Многозначность слова в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта).....	58
Потпот Р.М. Символическое значение лексических единиц, обозначающих части дома (на материале казымского диалекта хантыйского языка)	73
Сергеев С.А. Лексика духовной культуры в рукописном словаре XVIII века В. Крекнина и И. Платунова.....	82
Соловар В.Н. Модель элементарного простого предложения с семантикой состояния атмосферы (на материале обско-угорских языков)	89
Шиянова А.А. Лексическая сочетаемость имен прилагательных, характеризующих внешность человека, в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта).....	97
Хорват Чилла Коренные уральские языки в сфере «Web 2.0». Влияние интернета на возрождение мансийского языка.....	103

Biro Bernadett Action nominal construction in northern mansi.....	119
Sipőcz Katalin Non-standard negation in Mansi	136

Фольклор и литература

Бурыкин А.А. Современные мифы. Мифологизация истории появления и развития письменности у малочисленных народов Севера.....	156
Бурыкин А.А., Соловар В.Н. Следы жанрового синкретизма и жанровых трансформаций в мифологических рассказах и малых жанрах хантыйского фольклора	171
Дядюн С.Д. Образы духов в хантыйских быличках (на материале казымского диалекта)	182
Кумаева М.В. Роль пословиц и поговорок народа манси в воспитании подрастающего поколения	191
Миронова В.П. Основные критерии выбора жениха и невесты (на материале карельского фольклора).....	196
Панченко Л.Н. Человек и его окружение в песенном творчестве народа манси.....	207
Попова С.А. Мансийские «личные песни»: «судьба» в один век.....	216
Слепенкова Р.К. Песенный фольклор у хантов полноватского приобья».....	224
Водясова Л.П. Средства реализации когеренции текста в прозе Народного писателя Мордовии К.Г. Абрамова	239
Динисламова С.С. Функционально-семантическая многозначность образа «дома» в повестях Ювана Шесталова (на примере повести «Синий ветер каслания»).....	247
Жиндеева Е.А. Картина мира в структуре контекстного анализа современного художественного произведения в вузе.....	255
Шеянова С.В. Универсальное и национальное в современном мордовском романе.....	261

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Бытовая лексика верхне-лозьвинских манси

Т.П. Бахтиярова

Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок, Ханты-Мансийск

Аннотация. Бытовая лексика любого народа представляет ценнейший материал для изучения его истории. Основным пластом словарного материала мансийского языка являются исконно мансийские слова, включая слова бытовой лексики. Они составляют основную часть его богатства, определяющую самобытность мансийской речи, её глубокое национальное своеобразие.

Ключевые слова: бытовая лексика, верхне-лозьвинские манси, оленеводство.

Лексика – совокупность всех слов в языке, его словарный состав. Раздел языкознания, который занимается изучением словарного состава языка, установлением значения и происхождения слов, их употребления в речи, называется лексикологией.

Лексика мансийского языка характеризуется богатством форм для обозначения понятий, связанных с охотой, оленеводством, рыбным промыслом, обозначения водоёмов и природных территорий.

Территориально мансийские диалектные группы могут быть, представлены следующим образом: северная (рр. Обь, Сев. Сосьва, Ляпин, верховья Лозьвы), западная (рр. Пелым, Нижняя и Средняя Лозьва, Вагильск), восточная (р. Конда) и южная (р. Тавда).

В настоящее время основная масса мансийского населения проживает в Тюменской области. Небольшие по численности группы

занимают обычно бассейн какой-либо реки: манси обитают в бассейне р. Конды (левый приток Иртыша), за исключением её низовьев, в верховьях рек Лозьвы и Пелыма, большая их часть живёт по левому притоку Оби – р. Северная Сосьва и её притоку р. Ляпин. Это территории Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области и Свердловской области. Верхне-лозьвинские манси проживают на берегу реки Лозьва. Традиционные занятия – охота, рыболовство, земледелие, собирательство. Рыболовство распространено на реках Лозьва, Тошемка, Тохта и Ауспия. Из промысловых рыб ловят щуку, таймень, хариуса и карася. Самой ценной рыбой является хариус. Для передвижения верхне-лозьвинские манси используют лодки, изготавливают из кедра; охотничьи лыжи изготавливают из ели, нарты делают из березы. Для охоты используют различные ловушки, капканы, петли. Отметим и то, что в верхне-лозьвинском диалекте используется несколько лексических обозначений разных видов болот: *хори* ‘болото с кочками и омутами, где растёт голубика’; *янкылма* ‘болото, где растёт клюква’; *хулькъя кёлый* ‘травянистое болото с озером’; *няр* ‘болото с красноголовым мхом, где растёт морошка’; *нярс* ‘топкое болотце, покрытое сверху красноголовым мхом’; *хульткай* ‘трясина’; *самай* ‘топь с ржавой водой’; *посма* ‘влажная местность с подземными, просачивающимися водами’.

Изучение лексики мансийского языка и особенностей его формирования остаётся одной из важных задач современного мансийского языка. Нами исследуется бытовая лексика верхне-лозьвинских манси. Верхне-лозьвинский диалект (говор) распространён в районе реки верхней Лозьвы – *алы Лусум*; манси здесь живут в основном в деревне Тресколье – *Керасколынья пāвыл*, Юрте Бахтиярова – *Кимыцупа пāвыл* и в отдалённых охотничьих юртах. В лексике выделяются классификационные группы, к одной из которых относится бытовая лексика.

Бытовая лексика верхне-лозьвинского диалекта, как и любая другая лексика, включает в свой состав слова повседневного обихода, называющие предметы и явления быта, т.е. общего уклада жизни, окружающей нас обстановки, обычаев, нравов и т.д.

Рассмотрим по группам и другие лексические обозначения:

– **слова повседневного обихода:** *колтāгыл* ‘семья’, *юрт хум* ‘друг’, *ишкола* ‘школа’, *рўпата* ‘работа’, *лѣнх* ‘дорога’, *пўри* ‘свадьба’, *ѣл щѣпитан вāрмалъ* ‘похороны’ и т. д.;

– **наименование домашней утвари:** *кōл* ‘дом’, *колнак* ‘комната’, *пасан* ‘стол’, *ўлас* ‘стул’, *пāl* ‘кровать’, *искап* ‘шкаф’, *иснас* ‘окно’, *āви* ‘дверь’;

– **наименование кухонной утвари:** *касай* ‘нож’, ‘вилка’, *хуп* ‘ложка’, *āны* ‘чашка’, *курыска* ‘кружка’, *щайпут* ‘чайник’, *пут* ‘кастрюля’, *пāнт āхвтаc āны* ‘сковорода’;

– **название продуктов питания:** *исмит* ‘суп’, *картонка* ‘картошка’, *нѣвыль* ‘мясо’, *нянь* ‘хлеб’, *сиртэп* ‘крупа’, *солвал* ‘соль’, *саккар* ‘сахар’;

– **название домашних животных:** *кўтюв* ‘собака’, *кāти* ‘кошка’, *мис* ‘корова’, *лув* ‘лошадь’;

– **слова, связанные с охотничьим промыслом:** *писаль* ‘ружьѣ’, *касай* ‘нож’, *ѣсай* ‘лыжи’, *сыталь* ‘ножны’, *вор кол* ‘охотничья изба’, *лэс* ‘петля’, *керняль* ‘капкан’, ‘приманка’, *мансын* ‘глухарь’, *кисуп* ‘рябчик’, *хайтнут* ‘волк’, *соруп* ‘лось’.

В основном это общеупотребительная лексика, частично – разговорно-бытовая лексика. Так же сюда входят название предметов, явлений, действий, оценки отношений, личностных качеств, которые отражают уклад жизни человека и окружающей его среды, привычки и обычаи, нравы и традиции.

Лозьвинская лексика неповторима в своём звучании, очень много необычного и нового можно выявить именно из бытовой части.

Ввиду большой территориальной разобщенности различия

между диалектами мансийского языка довольно сильны. Особенно сильны фонетические различия, расхождения в морфологии менее значительны. Есть и лексические различия, так в северных диалектах мансийского языка употребляется оленеводческая лексика, заимствованная из ненецкого языка, а в лексику кондинских манси входят больше татарские заимствования. Взаимопонимание между людьми пользующимися сосьвинским и кондинским диалектами мансийского языка затруднено, например:

мāныр – что / *нэсн̄яр, н̄яр*¹

сир – шест, жердь / *сэр, орсийив*

самъёр – веко / *с̄амйер*

т̄бр л̄омт – лоскут, тряпка / *ла̄пц̄эх; щ̄апр̄эх*

тув-в̄а̄рункв – приделать, приладить / *тов-в̄а̄рх*

тулмантанут вор, грабитель / *тулм̄эхха̄р*

х̄урмит третий / *хурм̄ат*

тяклин курчавый, кудрявый / *щ̄акл̄'эн, щ̄акл̄'э̄н, с̄эхр̄эн, с̄эх̄эр̄э̄н*

щ̄ёвнахнэ сойка / *сойк̄а*

Расхождения между диалектами усугубляются за счет большого количества татарских заимствований в кондинском диалекте.

В заключение отметим, что бытовая лексика – это не только одна из самых важных частей мансийской лексики в количественном отношении, она в значительной мере определяет специфику словарного состава, особенности его системы, путей развития и обогащения. Бытовая лексика мансийского языка в полной мере отражает повседневный обиход манси, куда входят названия предметов, явлений,

¹ Примеры кондинского диалекта мансийского языка приведены из мансийско-русского словаря. См. Баландин А.Н., Вахрушева М.П. Мансийско-русский словарь: с лексическими параллелями из южно-мансийского диалекта. Л.: Учпедгиз, 1958.

действий, оценки отношений, личных качеств, которые отражают уклад жизни человека, привычки, обычаи, нравы и традиции.

Также отметим и то, что на сегодняшний день верхне-лозьвинский диалект является малоизученным, предстоит вложить еще много сил и знаний для его изучения.

**Фразеологические единицы с компонентом *сам*
(сердце) в хантыйском языке**

Л.Г. Возелова

Научный центр изучения Арктики, Салехард

Аннотация. В данной работе проведен семантический анализ фразеологических единиц с компонентами *сам* ‘сердце’ в хантыйском языке, выделены фразеосемантические группы.

Ключевые слова: хантыйский язык, фразеологические единицы, семантический анализ.

Среди выразительных средств любого языка особое место занимают фразеологические единицы. Фразеология дает исследователю уникальную возможность проникнуть во внутренний мир человека, выявить его основные культурные, нравственные ценности, главные особенности национального характера. «Фразеологический состав любого языка – наиболее культурно-национален, поскольку система образов, закрепленных в нем, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и, так или иначе, связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [1, 215].

Рассматривая фразеологический состав любого языка, можно заметить, что значительное количество фразеологизмов формируется из компонентов слов, соотносимых с названиями частей человеческого тела, так называемых соматизмов.

Фразеология является показателем общего и специфического в культурах разных народов, отражает специфику национального характера. Изучение фразеологической базы языка возможно при исследовании её отдельных микросистем.

В этой связи в качестве объекта исследования нами были выбраны фразеологизмы с компонентом-соматизмом «сам» в хантыйском языке. Это объясняется, во-первых, тем, что исследуемые фразеологические единицы занимают значительный пласт во фразеологическом фонде рассматриваемого языка; во-вторых, изучение данных фразеологических единиц помогает понять, как проявляются разнообразные сферы жизни носителей данного языка.

Известно, что сердце – орган с символикой различных чувств, переживаний, настроений.

Сердце – символ, имеющий место во многих культурах. В русской культуре сердце – место локализации эмоций, хотя, согласно В.А. Масловой, в китайской наивной картине мира, например, эмоции локализуются в почках, в африканской – в печени и носу, во французской – в селезенке [2, 138].

При анализе ФЕ хантыйского языка были выделены следующие фразеосемантические группы: *Наң муй шовар сам лэсэндл*.

1. **ФЕ со значением качественной оценки лица; так сампи** ‘с крепким сердцем’; *самэд шовр хорпи* ‘сердце как у зайца’; *Наң муй шовэр сам лэсэн?* ‘Ты разве заячье сердце съел?’; *Кен сам* ‘лёгкое сердце’; *Кев сампи ху* ‘с каменным сердцем человек’; *Самлы-мохелды* ‘без сердца, без печени’; *карты сямпику* ‘с железным сердцем человек’; *хойат пела сямэн* ‘к людям с сердцем’; *Сам эдты йиты амэт* ‘от сердца идущая’; *Самэн* ‘с сердцем’; *Самлы* ‘без сердца’; *йам сампи хоят* ‘с хорошим сердцем человек’; *самэн пох/эви* ‘с сердцем мальчик’; *самэд лэпат* ‘сердце мягкое’; *самэн нэмолды шйаиш ант тайал* ‘твое сердце никакого чувства не имеет’.

2. **ФЕ, описывающие эмоционально-психическое состояние человека**, можно разбить на следующие подгруппы:

а) **ФЕ со значением «испытывать тоску, душевное страдание, беспокойство»:** *Самлэн моштасды* ‘сердцем почувствовал’; *Кен сам* ‘лёгкое сердце’; *самемэн тохи талдайам* ‘сердце туда тянет’; *сам*

дыпем ньяр урэн овал ‘сердце обливается кровью’; *сам дыпем вещькат на сыстам* ‘сердце честное и чистое’; *сам хура доңал* ‘в щель сердца заходит’; *самем даkki манишилда* ‘разрывается на мелкие кусочки’; *самем похнаптада* ‘сердце моё протыкают’; *самем рома веры* ‘сердце успокой’; *Самема ант рахэл* ‘сердцу не подходит’.

б) ФЕ со значением «испытывать любовь, симпатию по отношению к кому/чему-либо»: *И самэн, и мохэлэан уддэңэн* ‘одним сердцем, одной печенью живут’; *самемэ рахтынэ* ‘сердцу подходящая женщина’; *сам дыпия доңкты* ‘внутри сердца зайти’; *самем хурдэл судтам иты* ‘сердце горит, как искра’; *самэ рахэлтылэм* ‘к сердцу придвинусь’; *самемэн мосмэн тайлэм* ‘в сердце нужным держу’; *Сама доңты* ‘зайти в сердце’; *пәң ма сәмема мосдэн* ‘ты-я сердцу моему нужен’; *ма самема доңас* ‘я в сердце мое вошел’.

3. ФЕ, выражающие оценку действия или состояния человека: *Кен сам* ‘лёгкое сердце – испытывать облегчение’; *сәмем йошән йаха шомарда* ‘сердце рукой сжимают’; *сәмем патыя йохтәс* (ирон.) ‘сердце моё пришло́ в са́мый низ’; *сәмем хоҗты мәнәс* ‘букв: сердце моё куда-то ушло’; *сәмам вохла* ‘сердце зовёт’; *самем торыйал* ‘сердце дрожит’; *самем айа йувалыйал* ‘сердце становится меньше’; *самем войан овдә* ‘сердце маслом течёт’; *сәм мәнты хорпи* ‘сердцу зайти’; *сәм вохты* ‘сердце звать’.

4. ФЕ со значением «испуг»: *Самем ал тарыйал* ‘сердце просто трясётся’; *Самем нох похмәс* ‘сердце моё – вверх, испугалось’; *Самем щиты манәс* ‘сердце так ушло’; *Самды хащ ант питсәм* ‘без сердца чуть не остался’.

Таким образом, сердце – центр жизни человека. Как отмечает Б.П. Вышеславцев, «сердце – это центр круга, из которого могут исходить бесконечно многие радиусы; или световой центр, из которого могут исходить бесконечно разнообразные лучи. Поэтому сердце – это центр жизни вообще: духовной, психической, физической. Оно участвует в выражении различных видов деятельности сознания, таких, как

память, интуиция, мышление и т. д.» [3, 273].

Почти все ФЕ, вошедшие в данную парадигму, связаны с чувствами и эмоциями, которые испытывает человек (гнев, тревога, беспокойство, отчаяние, раздражение, чувствительность, искренность, тоска, грусть). Как мы видим, чаще всего они имеют негативную окраску.

Литература

1. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. М.: Республика, 1994. 368 с.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.
3. Телия В.Н. О типах и способах фразообразования // Проблемы русского фразообразования. Тула, 1973. с.25-43.

**Социальные явления в гидронимии Ханты-Мансийского района
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры**

Ю.В. Исламова, кандидат филологических наук, доцент
*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск*

Аннотация. В работе рассматриваются названия водных географических объектов русского и обско-угорского происхождения как источник получения информации о социальной сфере жизни общества. Автор приходит к выводу о том, что из всего многообразия социальных отношений в гидронимах региона наиболее ярко отражены демографические процессы, а также социальная дифференциация общества.

Ключевые слова: топонимия, имя собственное, гидроним, антропоним, социальная информация, этнос, общество.

Объектом настоящего исследования являются названия водных географических объектов Ханты-Мансийского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО-Югра) в аспекте их социальной обусловленности. В качестве источников использовались полевые материалы, современные топографические карты, статьи, краеведческие издания.

Топонимию Западной Сибири изучали А.П. Дульзон, Л.И. Калинина, Н.М. Терещенко, А.К. Матвеев, Е.Л. Березович, Т.Н. Дмитриева, Г.В. Глинских, Н.К. Фролов, И.С. Карабулатова, Н.В. Лабунец и др. Однако топонимическая система Обь-Иртышского Междуречья остается недостаточно изученной. В частности, социолингвистические параметры топонимии данного региона ранее не становились предметом специального рассмотрения. Актуальность региональных социолингвистических исследований определяется

многими факторами, среди которых – необходимость изучения социальных процессов прошлого.

Имена собственные, в т.ч. топонимы, обладают социальной памятью, которая включает накопленные знания, формы общественного сознания и социальные ценности того или иного коллектива. Имя собственное является носителем и транслятором социальной информации, хранящейся в социальной памяти для того, чтобы упорядочить картину мира. В ономастической составляющей картины мира присутствуют как знания о мире и его предшествующих состояниях, так и, в равной мере, знания о языке и его предшествующих состояниях, а равно и знания из сферы социальной организации населения региона [1, 124-126].

В этой связи в последнее время имена собственные все чаще становятся объектом социолингвистических исследований. Необходимость изучения онимов в целях понимания проблем социума отмечает известный ономатолог А.В. Суперанская: «В имени всегда, независимо от воли называющих, отражается культура и социальная жизнь общества. В связи с этим ономастические исследования помогают вскрывать социальные процессы, и ономастика должна занять важное место в социологических трудах» [2, 22]. Имена собственные содержат социальную информацию, представляющую собой «комплекс знаний о состоянии и взаимодействии различных институтов общества, связи реальной деятельности людей с развитием их сознания и обратном воздействии общественного сознания на общественную практику» [3].

В современных социолингвистических исследованиях изучаются коммуникативные функции онимов, анализируется функционирование их в речи, газетных и художественных текстах и т.п. (см. работы Е.В. Сычалиной, А.В. Данильченко, Е.Н. Квашниной, А.М. Мезенко, Д.Ю. Ильина, К.Ю. Курс). Нагляднее, чем где бы то ни было, социальная сущность языка обнаруживается, по мнению О.С. Ахмановой, В.Д. Беленькой, в топонимах, которые «образуют самый представительный,

разнообразный и показательный в плане проявления ономастических закономерностей класс проприальной лексики» [4, 3].

Известно, что географические имена являются источником разнообразных сведений. На наш взгляд, всю информацию, заключенную в географических именах, с учетом ее характера, можно распределить по трем группам. Первая содержит совокупность физико-географических сведений об объекте и окружающей местности. Вторую группу составляет собственно лингвистическая информация. Третья группа охватывает сведения социального характера. Топонимы всегда социальны, поскольку создаются человеком, отражая все, что связано с ним.

На территории Севера Западной Сибири функционируют параллельные топонимические комплексы, образованные обско-угорскими, самодийскими и русскими географическими именами (см. работы Л.И. Калининой, Н.М. Терещенко, Е.И. Ромбандеевой, Н.К. Фролова, Т.Н. Дмитриевой, Ю.В. Исламовой и др.). Обско-угорская топонимия представлена хантыйскими и мансийскими элементами, самодийская – ненецкими. Специфика русской топонимической системы состоит в том, что она включает в себя не только собственно русские топонимы, но и субстратные имена хантыйского, мансийского, а также ненецкого происхождения. Под субстратными топонимами понимаются географические названия автохтонного населения, испытавшие всестороннюю адаптацию в русском языке.

Названия водных источников содержат ценную социокультурную информацию. Гидронимы исследуемого региона включают в себе сведения демографического характера. В частности, – данные об этническом составе населения в период формирования топонимической системы. Доминирование названий русского и хантыйского происхождения свидетельствует о присутствии в регионе двух основных этносов: хантов и русских. Названия мансийского происхождения и гидронимы с ненецкими компонентами сообщают

о том, что развитие региональной топонимии приняли участие манси и ненцы: *Ларья* 'Ерша река' (хант. *лар* 'ерш' [5, 40] + манс. *я* 'большая река' [6, 275]), *Поулья* 'Деревни река' (манс. *павыл* 'деревня' [6, 66] + манс. *я* 'большая река'), *Тумья* 'Острова река' (манс. *тумп* «остров» [6, 175] + манс. *я* 'большая река'); *Евьяха* 'Окуня река' (хант. *ев* 'окунь' [7, 31] + нен. *яха* 'река'), *Амкуяха* 'Собаки болота река' (хант. *амп* 'собака' [8, 12] + хант. *куй* 'болото' [8, 186] + нен. *яха* 'река'), *Сыньяха* 'Турпана река' (хант. *синк* 'чернедь (порода уток)' [8, 141] + нен. *яха* 'река') и др. В то же время единичность таких гидронимов указывает на то, что присутствие этих народов в регионе не было длительным и массовым. Топонимы хантыйского происхождения рассказывают о контактах коренного населения с другими народами: *Ай-ахальяха* 'Маленькая мансийская река' (хант. *ай* 'маленький' + *вухаль* 'манси' [7, 34] + нен. *яха* 'речка'), *Ернъежимсоум* 'Ненецкого пути ручей' (хант. *юрн* 'ненец' [7, 34] + *юш* 'дорога' [5, 143] + сойм 'ручей' [5, 232]).

Особенно информативными источниками являются отантропонимные названия водных объектов. Так, гидронимы, образованные от мужских прозвищ, имен и фамилий, свидетельствуют о патриархальном укладе жизни русского и хантыйского населения в XVII–IXX вв. Преобладание русских «мужских» названий в топонимии объясняется тем, что в России XVII–XIX вв. мужчины были более активно вовлечены в общественно-политическую и хозяйственную жизнь, чем женщины [9].

Наиболее значительна группа имен, образованных от русских фамилий: *Аксеновский Лог*, *Алексинская р.*, *Алёхинская р.*, *Аркановское, оз.*, *Афанасьевский руч.*, *Батурицкий Сор*, *Балинская р.*, *Берендина пр.*, *Богдашинская, пр.*, *Богомолово оз.*, *Богомоловский сор*, *Большая Елизаровская р.*, *Большой Мартынов Сор оз.*, *Евгеновский Сор*, *Ершова оз.*, *Ершова р.*, *Ершово оз.*, *Ивановское оз.*, *Кривулина пр.*, *Лазарькова р.*, *Ларионкова пр.*, *Мартынов Сор оз.*, *Могилевская пр.*, *Нижняя Воронинская р.*, *Орловские оз.*, *Орловское оз.*, *Дурновская пр.*,

Романовы оз., Сумкина р., Сучкова р., Фадеевская р., Фадеевские оз., Фроловская пр., Шилова р., Шорина пр.

По всей видимости, отфамильные топонимы появились в период начального заселения русскими Севера Западной Сибири. Е.М. Поспелов отмечает, что реки названия по именам и фамилиям получали главным образом в районах нового освоения. Здесь при первоначальной небольшой плотности населения проживание какого-либо русского промышленника или местного рода было признаком, вполне определяющим реку и свободно могущим стать названием [10]. Таким образом, отфамильные гидронимы Ханты-Мансийского района заключают в себе информацию о высоком социальном статусе людей, от фамилий которых они образованы: первопоселенцев, землевладельцев, промышленников.

Часть гидронимов мотивирована русскими мужскими именами: *Васинькина р., Васькина р., Васькина Большая пр., Малая Гордюшкина пр., Гришкина пр., Егорова р., Егостор оз., «Егора озеро», Ерошкина пр., Ефимкина р., Илюшкин рч., Митрисоим р., Тимкина пр., Устинкина р., Федькина речка пр.*

Е.Н. Полякова, исследуя топонимию Пермского края, объясняет возникновение названий, образованных от мужских имен, социальной ролью мужчин в семье: владельцами или арендаторами участков были главы семей, т.е. мужчины. Женщина получала такие права лишь после смерти мужа, если не возвращалась в родительский дом или не становилась женой другого человека. Поэтому топонимы, образованные от женских имен, были единичными в памятниках письменности [11].

Думается, что мотивы номинации «по мужским именам», реализованные в топонимии других территорий, были актуальны и для топонимической системы Северо-Западной Сибири, поскольку она формировалась с участием русских переселенцев, среди которых были выходцы из центральных и северных областей России, в т.ч.

из Пермской земли. Давая географическим объектам имена, они использовали типичные для регионов, из которых они переселились, принципы номинации.

«Женские» названия как в угорской, так и в русской топонимии – довольно редкое явление, что объясняется социальным положением женщины в семье и обществе: *Имитуй* ‘Женщины озеро’ < хант. *ими* ‘женщина’ [5, 29], *туй* ‘озеро’ [8, 168]. Патриархальный уклад жизни не допускает массовое появление названий от женских имен и фамилий. Представляется, что подобные онимы могли появиться по причине изменения социального статуса женщины, как упоминалось выше, либо вследствие какого-либо исключительного события, участником которого стала женщина.

В топонимии отражается процесс освоения и выполнения человеком новых ролей в семье и обществе. Воспитание в семье создает предпосылки для передачи накопленных обществом знаний, умений, культурного наследия всех поколений. Возможно, в названии *Боготвар* ‘Сыновей запор (рыболовное заграждение)’ (хант. *похот* ‘сыновья’ [5, 71] + *вар* ‘запор’ [5, 17]) репрезентована преемственность семейных традиций, свойственная хантыйскому обществу.

Названия водных источников Ханты-Мансийского района свидетельствуют о социальной дифференциации общества. Многие из них являются производными от мужских имен, имеющих в своем составе суффикс -к. Такое употребление было характерным в документах XVI-XVII вв. в отношении имен представителей низкого сословья – основного населения России (крестьян, ремесленников, стрельцов и т.д.): *Васька*, *Иванко*, *Ивашка*. В полной форме (*Василий*, *Иван*) фиксировались в административных документах лишь имена бояр, затем дворян [11].

Среди антропонимических категорий, составляющих совокупность идентификационных средств для выделения человека в социуме на современном этапе его существования, есть

официальные и неофициальные. В официальную антропонимическую (антропонимную) формулу сегодня входят фамилии, имена, отчества. Но в бытовой коммуникации, которая составляет сферу неформального общения, занимающую значительное место в повседневной жизни индивидуума, большую роль играют прозвища – дополнительные, неофициальные именованья человека, использующиеся для наиболее точной личностной оценочной характеристики называемого и выделяющие его в коллективе [12, 3]. Названия от русских прозвищ единичны, возможно, в силу того, что имя того или иного географического объекта носило официальный характер и поэтому для номинации в большинстве случаев использовались фамилии: *Архирейский сор оз., Архирейское озеро*. Зафиксировано название, в основе которого лежит женское прозвище: *Мирославчихин Сор < Мирославчиха*.

Географические названия Ханты-Мансийского района, образованные от хантыйских имен и фамилий, свидетельствуют о распространении административной практики Русского государства на Севере Западной Сибири. Приведенные ниже гидронимы образованы от фамилий хантов, полученных ими по родовым именам или прозвищам. Изначально обские угры не имели фамилий. Родовые имена ханты получили в связи с административной необходимостью их переписи и учета. Для удобства русские за основу фамилии брали дохристианские личные имена и прозвища ханты, а также родовые имена, которые могли быть мотивированы наименованием тотемного животного или птицы, именем предка-богатыря: *Вандыкова* (протока) < Вандыков < *ванды ях* < ?, *Лозямова* (река) < *Лозямов* < *мосам ях* «назымские люди» (родовое имя казымских ханты Лозямовых) [13, 281], *Никуров Сор, Никуровские угодыя* < *Никуров* < каз. нэ «женщина» + каз. кур ‘нога’ [5, 37], *Оксина* (протока) [14, 7] < ?.

Религиозно-мифологические представления как форма общественного сознания, выражающие определенные идеи и

регулирующие общественные отношения, запечатлены в названиях водных источников хантыйского происхождения: *Ай-Емтор* ‘Маленькое священное озеро’ (хант. *ай* ‘маленький, небольшой’ [5, 11] + *ем* ‘священный’ [5, 25] + *тор* ‘озеро’ [8, 157]), *Ёмтор* ‘Священное озеро’ (хант. *ем* ‘священный’ [5, 25] + *тор* ‘озеро’), *Емъеган Малый* ‘Священная река’ (хант. *ем* ‘священный’ + *ёхан* ‘река’ [5, 27]), *Емынглемынгтыйкаль* ‘Истока священной реки болото’ (хант. *ем* ‘священный’ + *лемынг* ‘речка, проточка’ + *тай* ‘исток’ + *каль* ‘безлесное болото’), *Емынкальеган* ‘Священного болота река’ (хант. *ем* ‘священный’ + *каль* ‘безлесное болото’ + *ёхан* ‘река’).

Гидронимия Ханты-Мансийского района включает в себя названия, имеющие в своем составе русские лексемы диалектного характера. По мнению Н.Н. Парфеновой, областные географические термины в Зауральской топонимии XVI-XIX вв. указывают на соотносительную связь с говорами Севера и средней полосы Европейской России [15, 7]. На Севере Западной Сибири они появились благодаря русским переселенцам из этих областей: *Живун пр.*, *Заостровка пр.*, *Копанец оз.*, *Заводинская сувать*, *Майков омут*, *Курья оз.*, *Согрино пр.*, *Боровая пр.*, *Широкий лог р.*, *Ямное оз.* и др.

Значимые события запечатлены в гидронимах хантыйского происхождения, отражающих происшествия местного масштаба. Так, зафиксированы топонимы, свидетельствующие о столкновениях с другими народами: *Татьяганъёгарт* ‘Военной речки излучина’ (хант. *тать* ‘война’ + *ёхан* ‘река’ + *ёгарт* ‘излучина’), *Татьяган* ‘Военная речка’ (хант. *тать* ‘война’ + *ёхан* ‘река’). По полевым данным, название рек свидетельствует о столкновениях с ненцами, вызванных борьбой за промысловые угодья.

Таким образом, названия водных источников Ханты-Мансийского района сообщают важную информацию как о современном, так и о прошлом состоянии общества. Гидронимия свидетельствует о миграционных процессах на территории Обь-Иртышского Междуречья,

об активном участии русских переселенцев в освоении этого края; представляет ценные сведения о функционировании неродственных языков обских угров, самодийцев и русских в условиях длительного контактирования.

Сокращения в обозначении географических объектов

Оз. – озеро

Пр. – протока

Р. – река

Рч. – ручей

Сокращения в обозначении языков и диалектов

Вах. – ваховский

Каз. – казымский

Манс. – мансийский

Хант. – хантыйский

Литература

1. Щербак А. С. Социальная память в ономастической диалектной картине мира // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2007. – № 3. – 124-131 с.
2. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
3. Информация. URL: <http://freqlist.ru/sociologiya/enciklopediya-sociologii/informaciya.html> (Дата обращения 19.03.14).
4. Сычалина Е.В. Немецкая топонимия Повожья: социолингвистический аспект исследования: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008. 22 с.
5. Скамейко Р. Р., Сязи З. И. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (шурыш. диал.): Пособие для уч-ся нач. шк. [Текст]. СПб.: отд-ние изд-ва «Просвещение», 1992. 271 с.

6. Ромбандеева Е.И. Русско-мансийский словарь: Учеб. пособие для уч-ся 5-9 кл. общеобраз. учрежд. [Текст]. СПб.: ООО «Миралл», 2005. 360 с.
7. Кононова С.П. Русско-хантыйский тематический словарь (казымский диалект): Пособие для учащихся старших классов и колледжей [Текст]. СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2002. 216 с.
8. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский / Ваховский диалект, справочное издание [Текст] / Н. И. Терешкин, В. И. Сподина. Нижневартовск, 1997. 335 с.
9. Попов С.А. Мужские антропонимы в топонимической системе Воронежской области URL: http://sociology.vuzlib.org/book_o046_page_62.html (дата обращения 31.03.14).
10. Поспелов Е.М. Туристу о географических названиях. URL: http://www.skitalets.ru/books/names_pospелov/#sec2 (дата обращения 01.04.14).
11. Полякова Е.Н. Развитие пермских отыменных топонимов в Прикамье XVI-XVII вв. (по материалам писцовых и переписных книг). URL: <http://www.rfp.psu.ru/archive/4.2010/polyakova.pdf> (дата обращения 31.03.14).
12. Денисова Т. Т. Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации (на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области): автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Смоленск, 2007. 27 с.
13. Дмитриева Т. Н. Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2005. 580 с.
14. Исламова Ю.В. Отантропонимические топонимы хантыйского происхождения Ханты-Мансийского автономного округа-Югры // Вестник Сургутского государственного педагогического университета, № 6 (21). - Редакционно-

издательский отдел Сургутского государственного педагогического университета, 2014. – с. 6-10.

15. Парфенова Н.Н. Апеллятивная лексика в русской топонимии Зауралья (по архивным данным XVI-XIX веков). Сургут: РИО СурГПУ, 2006. 159 с.

Антропонимы в составе географических названий

Е.Д. Каксина

*Обско-угорский институт прикладных исследований и
разработок, Белоярский*

Аннотация. В статье исследуется этимология хантыйских топонимов бассейна реки Казым. В работе используются полевые материалы, собранные автором, а также данные письменных источников.

Ключевые слова: традиционная культура, антропонимия, топонимы, род, термин, теоним, бор, озеро, лексика.

Ономастический слой лексики хантыйского народа представляет интерес тем, что отражает традиционную культуру народа. Он состоит из немалого количества антропонимов, топонимов, теонимов, а также космонимов и др. пластов. Из-за отсутствия письменных источников и скудности исторических данных в настоящее время трудно говорить о древней ономастике ханты. С утратой традиционной жизнедеятельности невозможно проанализировать те слои лексики хантыйского языка, которые характеризуют ее прошлое состояние. Многие разряды ономастической лексики хантыйского языка относятся именно к этим слоям. В нашей статье попытаемся ввести материалы, которые ранее не были введены в научный оборот.

При изучении имен собственных хантыйского языка становится ясно, что обширный пласт лексики относится к топонимии. Хантыйские топонимы хранят в себе множество сведений, которые требуют интерпретации. Они имеют разный возраст, так как создавались многими поколениями. Но за последние десятилетия многое утратилось в традиционной культуре народа ханты, изменился образ

жизни, забыты многие традиции, вместе с ними забыты и некоторые географические названия. В данной статье попытаемся описать лишь некоторые типы топонимов, входящих в топонимию бассейна реки Казым. В изучение топонимии бассейна реки Казым значительный вклад внесла отечественный исследователь Т.Н. Дмитриева [1]. В ее монографии «Топонимия бассейна реки Казым» приводятся названия географических объектов, однако их происхождение указывается частично. Некоторые названия географических объектов с хантыйским происхождением отмечены в работе А. К. Матвеева «Географические названия Тюменского Севера» [2, 59]. Для восполнения этого пробела приведём некоторые примеры происхождения названий географических объектов.

Топонимы состоят из нескольких слов, например, лексема *вөры* ‘старица’ или ‘озеро на месте бывшего русла реки’. В бассейн реки Казым именуется следующими топонимами: *Мӓлӓн вөры* ‘старица закрытого, непроточного водоема’ (постоянных жителей этого места называют *Мӓлӓн вөры йох*); *Увас вөры* ‘старица, находящаяся по течению реки’, так называется последняя старица по течению реки Казым, которая находится в промежутке между устьями рек Кельщи югана и речки Помут; *Панне вөры* ‘старица налима’, где водится обычно налим во время зимнего загара; *Кэв лух вөры* ‘старица каменного залива’, на этом месте поворот реки называется *кэв хур* ‘каменный поворот’, напротив старицы, через речку плес имеет название *Кэв лух пан* ‘Плес каменного залива’; *Путлаң вөры* ‘старица затылка головы’. По легенде, мужчина во время осеннего гололёда упал на спину и разбил затылок головы; *Аңкал вөры* ‘старица пня’, как предполагает информант, у устья старицы находилось сухое дерево с дуплом, где гнездились гоголи. Вначале это место имело название *Сой аңкал вөры*, ‘старица с пнем гоголя’, из следующего топонима лексема *сой* ‘гоголь’ выпала; *Хулаң вөры* – топоним неясного происхождения, предполагаем, что он связан

с названием сказочного персонажа.

Часть старых названий забыта, вместо них появляются новые, например, у устья реки *Вош юган* есть старица с названием *Пушкан воры* ‘старица ружья’, в том водоёме новые жители тех мест уронили ружье. *Пурлы* *вэй воры* ‘Старица ручки пешни’ – по сведениям информантов, в этом водоеме на зимней рыбалке сломался черенок пешни. Пешня ушла в воду, а черенок остался.

Топоним *йухан* ‘река’ входит в состав гидронимов, например, *Вовр вош йухан* ‘Река поселения Вовэр вош’. Происхождение названия этой речки подсказывает легенда, которую рассказал Петр Иванович Сенгепов, знаток хантыйского фольклора. В далекие-далекие времена, во время летней рыбалки на Оби встретились двое мужчин из разных мест. Один был с территории р. Казым, а второй с другой земли. Звали иноземца *Лосьми ики*. Он просил разрешения переехать на казымскую землю для постоянного проживания. Выделил ему казымский мужчина свободные земли вдоль таежной речки без названия, в её водах водилась рыба, а лес был богат разным зверем. Обосновался *Лосьми*, и все его семь сыновей родились на той реке. В будущем его старший сын *Вовэр*, по легенде, становится духом-хранителем той территории, и речка названа его именем. Данная этимология с незначительными расхождениями описана в работе Т.Н. Дмитриевой [1, 282]. *Касэм йухан* река Казым, существуют несколько версий происхождения этого названия. По мнению А.К. Матвеева, оно связывается с ненецким корнем касс «сухой» [2]. Однако народная этимология дает другое толкование, так, информант Тоголмазова (Молданова) Екатерина Кирилловна считает, что название связано с касланием Казымской Богини. Богиня со своим огромным обозом подымалась вверх по реке Казым, оставляя по пути своих детей и слуг духами-хранителями каждой местности. В состав топонима входит хантыйский глагол *касэ́лты* ‘касать, кочевать’. *Хөр йухан* ‘болотная

речка' – большая её часть проходит посреди тундры. *Кэ́льци йухан*, происхождение гидронима идёт от названия рыбы *ке́льци* 'сорога'. *Күр йох йухан* 'река людей с ногами', со слов информанта В.Д. Тарлина существовала легенда: к той речке пришли люди, увидели: висит полог, а в нем кто-то спит. Думают, наверное, пришли соперники. Хотели им через полог отрубить головы, чтоб сразу убить их, а отрубили им ноги. Они остались живы. В своей работе А.К. Матвеева описывает две подобные версии происхождения названия реки [2, 59].

Часто встречаются термины *хур* 'поворот реки', *мүви* 'изгиб реки': *Ай Настахүв хур* 'длинный поворот маленькой Насти', на этом повороте жила женщина по имени Настя; *Тор сапэл мүви* 'изгиб шеи журавля' большой изгиб реки, название имеет метафорическое происхождение.

Термин *ай йухан* означает «ручей»: *Хор пул ай йухан* 'ручей с запрудой быка-хора'. Это название имеет следующую этимологию: осенью, во время гона оленей, быки бывают очень агрессивными. Хозяева проверяли ловушку, в это время на них напал бык-хор. Они спаслись, спрятавшись за рыбные ловушки.

Рассмотрим топонимы с компонентом *лор* 'озеро'. На топокарте территории бассейна реки Казым числится немало интересных хантыйских названий озер, связанных с животными, птицами и т.д. Их этимология была ранее описана в работах отечественных этнографов. Опишем те этимологии, которые удалось установить нам. Есть озеро под названием *Лов лор* 'Озеро лошади'. Ханты это озеро считают святым, так как оно имеет форму лошади. Со слов старожил, если посмотреть с высоты птичьего полета, то оно действительно имеет форму бегущей лошади. Со слов некоторых информантов, в давние время, когда было много ясновидящих людей, многие из них видели, как посередине озера время от времени из воды выходил наполовину каменный конь. Он весь светился от солнца серебряным светом, и поэтому озеру дали такое название. Полагают, что в этом озере живет

неведомое существо, которое появляется в образе лошади.

Есть озеро с хантыйским названием *Нюп лор* 'озеро лосёнка'. Это название недавнее, примерно, начала семидесятых годов двадцатого столетия. Озеро по величине большое, имеет овальную форму. Через середину этого озера переплыл маленький лосёнок. В его честь водоем называли «озером лосёнка». *Амп ух лор* 'озеро головы собаки', некоторые называют *Амп ух сурт лор* 'озеро перешейка головы собаки'. Этимологию данного названия поясняет следующая информация. Когда-то на этом озере существа, невидимые глазу, убили детей Их собаку задушили, оторвали голову и поставили её на перешейке между двумя озерами. И поэтому одно из озер называли так.

Мувэң лор 'извилистое озеро', название дано по форме объекта [1, 189]. Со слов информанта Н.Е. Тарлиной (Вагатовой), в старину его называли иначе: *Мувэң-харэң лор* 'извилистое открытое озеро'. Очень много озер встречается с названием *Сыңк вош лор*, что в переводе означает 'озеро городка турпанов', так как в старину ханты на озерах ловили турпанов вставными сетями, которые натягивались в кольцеобразной форме, внутри подвязывали манчуки (чучела).

В топонимии особое место занимают и наименования оронимов. Рассмотрим названия с компонентом *сәңхәм* 'обрыв, высокий берег, яр подмываемый рекой': *Шурас хатәмәм сәңхәм* 'яр тысячи напавших'. Со слов информантов, существуют два яра по реке Казым. О первом яре известно, что, по легенде, в этом месте тысяча ненцев напала на ханты, возвращавшихся с рыбой после промысла на Оби [1, 90]. Этимологию другого яра с таким названием предлагает информант Тарлин Максим Григорьевич 1928 г.р. В легенде говорится, что северные ненцы прибыли в наши края в образе маленьких людей величиной с белку. Взорвались они на этот высокий берег реки, нашли широкий пенё срубленной лиственницы и, сколько их было, все уместились там. Сидят, ждут, когда с устья Казыма появятся ханты. Пока ждали,

завели разговор: «А какой хоть величины был человек, который срубил эту лиственницу?» Представили себе его рост и орудие труда, которым он срубил такое большое дерево. Испугались и скатились они, все тысячи людей величиной с белку, с этого берега. *Путлаң сӕнхам* ‘Яр затылка головы’. Со слов информантов, название имеет две этимологии: первая связана с частью головы – затылком человека (*путлаң*); второе название происходит от прозвища местного жителя. Выше по течению реки Амня у поселка Казым есть возвышенное место, называют его местные жители «Каксинская гора». В далекие времена ханты называли это место *Увас йурэн ими сэвэн нӕн сӕнхам*. Существует легенда о происхождении её названия. По информации старожилов, на той горе поймали ханты молодую женщину с Ямала, привязали её косами к осине. Так продержали её несколько дней, пока она свою одну косу не выдрала полностью с корнями волос.

Ай вой лэ сӕнхам ‘яр маленькой птички’, название географического объекта происходит от прозвища человека. Долгожительнице тех мест дали прозвище *Ай вой ими* ‘женщина маленькая птичка’, за ее нескончаемые разговоры, щебечет, словно птичка. Часть географических наименований в настоящее время имеют неясное происхождение например: *Саңхам Пав сӕнхам*, *Волнӕн сӕнхам*, *Тухэт сӕнхам*, *Щупӕр нэ сӕнхам* и др.

Термин *мурьйам* связан с возвышенными местами в тундре. На территории бассейна реки Казым есть название *Шӕнэт пай* ‘холм покойников’, о его происхождении существует древняя легенда, связанная с человеком без пупка – *пӕкӕнлы ики*. В ней говорится, о том, как он хотел с оленьим обозом подняться к Небесному Отцу. Весь обоз состоял из белых оленей. Семь дней он находился в пути, но доехал только до туч, и развалилась его нарта, весь обоз улетел на землю. Нарты воткнулись задними кончиками полозьев в землю. В будущем, чтобы это событие не забывалось, на том месте выросли две согнутые

сосенки, похожие на полозья нарт. Как объясняет информант Каксин Павел Максимович, 1927 г. р., если бы этот мужчина поднялся до Торума, то место, откуда он поднимался, назвали бы *йэмәң пай* ‘святой холм’, но поскольку он упал, то это место называют местом покойника.

Питы йэмәң пәрәр ‘черный священный остров’ его история связана с казымским восстанием. На этом острове были убиты русские во время казымского восстания. Позже он стал святилищем, местом поклонения духам-покровителям ханты. Со слов информанта Рандымова Якова Ивановича, в верховьях реки *Хетта* посреди тундры есть высочайшие холмы, напоминающие огромные башни, их назвали *Мусква вош хумсәт* ‘холмы города Москвы’.

Топоним *хөр* ‘болото’. В районе д. Нумто между двумя озерами с названиями *Мўвәң дор* ‘извилистое озеро’ и *Пәт дөр* ‘заднее озеро’ есть болото. Как поясняют информанты, когда-то это было одно большое извилистое озеро. Позднее оно разделилось на два водоема, а между ними появилось топкое место, похожее на болото, которое называется *Нўкни хөр* ‘болото старого саха из кожи’. Информанты предлагают две версии происхождения: хантыйское выражение *лор йиңкәл сухән ҕтса* ‘озерная вода покрылась кожей, так как сначала там был изгиб озера. Вторая версия: это болото очень топкое, под ним проходят подземные ручьи, почва похожа на изношенную кожу старого саха (шуба из оленей шкуры).

Термин *нўрам* ‘тундра’, ‘открытое болотное место с ягелем, кочками, мелким лесом’ встречается в нескольких названиях: *Хир вўс нўрум* ‘тундра дырявого мешка’ – букв.: *хир* ‘мешок’, *вўс* ‘дыра’, *нўрам* ‘тундра’. Этот топоним связан с историей края. Его происхождение относится к военным столкновениям аборигенов с русскими в 30-е годы XX века. Со слов информантов, именно из этой тундры во время восстания разъехались в разные стороны аборигены. Тундру сравнили с мешком, который лопнул от переполнения, и люди разлетелись, кто

куда. *Вөнтэр йош ов ньорам вус* букв.: *вөнтэр* ‘выдра’, *йош* ‘дорога’, *ов* ‘двери’, *ньорам* ‘тундра’, *вус* ‘дыра’. Есть узкое болото, которое начинается выше реки Сорум по Казыму, идет открытой просекой вдоль таежной части бассейна реки и впадает в реку Курьёх. Здесь идет сравнение болота с дорогой выдры, так как выдра ходит по одной тропе.

Рассмотрим некоторые наименования хантыйских дримонимов.

Топоним *йохам* означает «бор». Название бора *Нал лаңки йохам* ‘бор четырех белок’, объясняется тем, что когда-то на этой территории охотился один мужчина. Как он ни придет в этот бор, всегда добывал по четыре белки, ни больше, ни меньше. Он и дал такое название местности. *Шурэс лаңки йохам* ‘бор тысячи белок’, в нём охотники за сезон добыли тысячи белок.

Бор под названием *Лайэм йохам* ‘бор топора’, со слов информанта Тарлина Владимира Даниловича, история происхождения его названия идёт от случая, связанного с переездом. При каслании один мужчина забыл свой самый хороший топор на осто́ве стойбища. Вернулся обратно, но накануне была метель, все замело и топор не нашел, от расстройства дал бору название *Лайэм вөтшэм йохам* ‘бор потерянного топора’.

Вөн ньаһ йохам ‘бор большой буханки’. История происхождения этого топонима связана с юмористическим случаем. Охотники возвращались с сезонной охоты домой. На ночёвке в бору во время вечернего чая один мужчина достал свою последнюю буханку хлеба. Буханка оказалась самой большой по размеру и в шутку этот бор называли так. В дальнейшем так и осталось это название.

Название бора *Вухаль ньул* ‘Остров вогула’ связано с женитьбой ханта на девушке манси. Один юноша, звали его Григорий Молданов, взял в жены вогулку, в будущем его стали называть *Вухаль Киркөр ики*, в честь национальности жены, а бор получил название *Вухаль ньул*.

Есть у устья реки Казым место, с давних времен оно является святилищем для жителей деревни Мозямы. Ханты называют его *Хөләм йаң хө наңк пай* 'Остров тридцати мужчин'. Существует легенда о происхождении названия объекта: один мужчина родом из деревни Мозямы вырастил медвежонка и держал его вместо сына. Всегда он был рядом с ним, ел, спал рядом с хозяином. Пришло время проводить обряд жертвоприношения на местном святилище для жителей этой местности. Собрались мужчины из ближайших юрт деревни Мозямы. Этот мужчина взял с собой медведя на святилище. Во время чаепития в лесу мужчины стали смеяться над хозяином, что он животное держит вместо сына. Тут медведь разъярился: сколько было мужчин, всех уложил на этом острове, кроме хозяина. Позже выяснилось, их было тридцать человек. В монографии Дмитриевой дается описание название гидрообъекта, как «*Хөләм йаң хө пай лор*» [1,89].

На территории между д. Помут и Осётновскими стойбищами есть небольшой бор под названием *Питы вурҗа сорәм нул* (букв.: черной вороны сухой нос). Это узкий бор между открытыми тундровыми просеками, место для летнего выпаса оленей. Информанты предлагают несколько этимологий: первая связана с отражением формы и внешности объекта. Бор с темными деревьями, почва, песок с черноземом, похожи на нос вороны. Вторая: бор имеет форму летящей птицы. Третья этимология, возможно, связана с метафорой. По Казыму, на правом берегу реки в районе д. Помут есть бор, его ранее называли *Йохдәң Йуван нол йохәм нул* 'Остров бора стрелы Ивана с луком'. На оленьей остановке *Йөхдәң Йуван ики*, сделал привал охотник Иван. Он от природы был наделен особым даром меткости при стрельбе, выпустил свою стрелу в сосну. Она вошла до середины в дерево и осталась на века в сосне.

В верховьях реки Сорум есть бор, название которого звучит как *Сөрәм Вацка вөн хиш* 'Василия из Сорума большой песок'. Житель тех

мест имел огромное поголовье личных оленей, которые вытоптали в бору весь ягель до песка, на месте, где находилась его изба.

Обширный слой ономастической лексики хантыйского языка относится к антропонимике. Антропонимика – это наука, изучающая собственные имена людей. В изучение обско-угорских антропонимов значительный вклад внесла известный отечественный этнограф З.П. Соколова [3]. Многие её работы были посвящены именно этой теме.

В первую очередь, антропонимы в хантыйском эпосе широко представлены прозвищами и именами фамильных родов, которые проживали отдельными группами, имели общего предка и имели свои родовые территории. Все поселения ханты в основном располагались вблизи водоемов: рек, озёр с хорошими ягельными местами для выпаса оленей. Главной водной артерией для казымской территории является река Казым, поэтому все населенные пункты находились в её окрестностях. Как отмечает З. П. Соколова, у обских угров ещё в конце XVIII в. существовали фонды имен определенных групп – кровнородственных, территориальных – у каждой группы был свой основной фонд имен [4]. С.С. Успенская отмечает: «...сохранились в народе и этнонимы, связанные с местом рождения или проживания...», которые согласно родовым преданиям, ведут свое происхождение с этих мест [5]. Так образованы следующие названия: *Ай хър сӕнхам кърт* ‘открытого яра юрты’, на этих землях жил род Волдиных, их называли *Ай хар сангхам йох*. *Хър сурт кърт* ‘открытого промежутка юрты’, в этих местах жил в старину род Рандымовых *Харсурт йох*. В местности, где они проживали, целый поворот реки Казыма был пустынным, росла только высокая трава.

Жителей любых населенных пунктов называли по имени их рода, при этом фамилии людей в устной речи упоминались очень редко. В свою очередь названия имени рода получали по географическим названиям местности. Юрты *Оцолӕн кърт* ‘Осетные’, большие юрты,

расположенные вблизи поселка Верхнеказымский, где раньше жили Тарлины и Вагатовы. По легенде, люди этих двух родов считаются между собой родственниками. Когда-то они имели одно самоназвание, считались людьми одного рода. Их селение сильно выросло. Сыновья подрастали, женились и жили все вместе большими семьями. В то время люди, которые жили отдельными родами, должны были помогать друг другу тем, что добывали. Добычей надо было делиться со всеми. Селение было большое, людей много, на всех не стало хватать добычи охотников. И тогда они решили разделиться на две группы. Мужчин проворных, шустрых называли *Вакат йох*, так образовался отдельный род Вагатовых. Более воинственных людей, сильных, храбрых, высокого роста решили назвать *Тарэм йох* ‘воинственный народ’, так образовалась фамилия Тарлины. В будущем они между собой разделились ещё на несколько самозванных родов по географическому местонахождению. Людей, которые остались жить в юртах Осётного, стали называть *Оцолэң Тарлинэт*. Второй род их называли *Вухсар Тарлинэт* ‘люди лисьего рода’. Их предок был любителем охотиться на лисицу, за что ему и дали прозвище *Вухсар ики*. Один из братьев Тарлиных, поселился вблизи открытого, незамерзающего водоема *йилпи* живуна. Его стойбище получило название *Йилпи көрт*, так появились юрты Ильбигорта. А поколение его детей стали называть *Йилпи көрт йох*.

Ньерса йох – род Тарлиных, их предок делал отметки на деревьях, за что его и называли *Ньерса ики*. *Кэвлух йох* – род Тарлиных, которые, поселились на каменном плесе реки Казым. *Ньорэм йухан йох* – Тарлины, которые переехали жить в тундровые места.

Хар йохэм йох – Тарлины ‘люди малолесного бора’ названы по характеристике местности. Бор, на котором нахоилось их стойбище, был малолесным. Есть род Тарлиных, которых называют *Хар көрт йох* ‘люди малолесного поселения’, их стойбище стояло на открытом

месте.

Один из братьев Тарлиных в жены взял девушку с реки Сыня. В будущем он переезжал на какое-то время жить к жене, содержать её родителей, которые были уже в преклонном возрасте. Дали ему прозвище *Саня Йуван ики*. Так произошёл род *Саня Тарлынэт йох* – род реки Сыня.

Таким образом, изучая ономастику хантыйского языка, видим, что её обширный пласт составляет топонимия. Нами выявлены названия, характеризующие природный ландшафт: *Шөңат пай*, *Йемэн пөхэр*, *Мусква хумсэт*; названия болот: *Нүкни хөр*; названия озер: *Муваң-хярэң лөр*, *Ноп лор*, *Дов лор*; названия тундры: *Хир вус норэм*, *Вөнтэр йош ов норэм вус*; наименования лесов: *Вөн ньань йохэм*, *Сөрэм Ващка вөн хиш*, *Питы вурча питы ньул* и др. Названия, образованные от антропонимов, содержат прозвища людей и имена фамильных родов, в свою очередь образованных от географических названий, а также от реалий материальной и духовной культуры народа: *Кэв лух йох*, *Нэрсэ йох*, *Норэм йухан йох*, *Сяня Тарлынэт*, *Вухсан йох* и др.

Литература

1. Дмитриева Т. Н. Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005.
2. Матвеев А. К. Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург, 1997. С. 59.
3. Соколова З. П. Антропонимия обских угров как источник для изучения этнической истории // Этническая ономастика. М.: Наука, 1970. 265 с.
4. Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в VIII-XIX вв. Проблемы фратрии рода. М.: Наука, 1983. 322 с.
5. Успенская С. С. Этническая идентификация народа ханты в фольклоре и традиционных представлениях // Вестник Томского Государственного Педагогического Университета. –

2007. – № 3.

Информанты:

1. Ерныхов Андрей Александрович, 1941 г. р., д. Хуллары.
2. Тарлин Владимир Данилович, 1956 г. р., д. Помут.
3. Тарлина (Вагатова) Наталья Егоровна, 1957 г. р., д. Юильск.
4. Тарлин Максим Григорьевич, 1928 г. р., ю. Осетные.
5. Каксин Павел Максимович, 1927 г. р., ю. Рэп корт.
6. Рандымов Яков Иванович, 1966 г. р., с. Казым.

Глаголы с семантикой перемещения жидкости в хантыйском языке (на примере шурышкарского диалекта)

Ф.М. Лельхова, кандидат филологических наук
Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок, Ханты-Мансийск

Аннотация. В данной работе на материале шурышкарского диалекта хантыйского языка исследуется семантическая структура глаголов движения жидкости. Каждое отдельное значение многозначного глагола связано с другими значениями общей семьи и в то же время отличается семантической структурой, составом компонентов, из которых складывается его содержание.

Ключевые слова: хантыйский язык, глагол, семантика, лексическое значение слова, сема, субъект действия.

К глаголам со значением движения жидкости относятся следующие глаголы: *бвты* 'течь', 'струиться', 'протекать', 'впадать', *ил бвты* 'стекать', *щбрэты* 'течь', 'литься', 'капать', *щбрэйтты* 'течь тонкой струей', *посэты* 'капать', 'стекать каплями', 'течь мелкими струйками', *ил мэнтты* 'вытекать, вытечь', 'пролиться', *полэты* 'шуметь', 'журчать', *поңылтэты* 'бурлить', *күрэты* 'с шумом течь', 'бурлить, литься', *щошийдэты* 'литься, шуметь, бурлить (о воде)', *этты* 'течь' (о слезах, крови), *овийты* 'качаться', 'плескаться' и т.д.

Основным глаголом, обозначающим движение воды, является глагол *бвты* 'течь'. Субъектом движения при глаголе *бвты* 'течь' являются следующие реалии:

гидрообъекты: *Ас щарэс пела бвэл* 'Большая река в направлении моря течет'; *Сойэм курэл айэлта бвэл* 'Вода ручья медленно течет'; *Сойэм сора бвэл* 'Ручей быстро течет'; *Куртэл хйща бвэл так, ныклы пела шеңк такан айт бвэл* 'У деревни течение сильное, вниз по течению

не так сильно течет'; *Лорэл ици сорэл, ѓвты курэл щит сўс унты щиты айэлта ѓвэл* 'Озеро пересыхает, а русло реки до осени так и течет медленно'; *Соймийэ такан ѓвэл* 'Ручеек быстро струится'; *Лор ѓвты кўрэл хйцэл йнқэл щит айэлта ѓвэл* 'Вода в озере останавливается, тихонько течет'; *Ай йѓхан сорэл на айэлта ѓвэл, ѓвэл* 'Маленькая речка высыхает и тихонько течет, течет'; *Кйтна ѓвэл илта, щиты йастэла: йиңк кйтна ѓвты тйхайа йѓхэтсэв* 'Снизу в разные стороны течет, так говорят: приехали на то место, где вода расходится в разные стороны'.

частицы жидкости (слезы, пот): *Вени пўңаллал хўват сэм йиңклал ѓвлэт* 'Слезы текут по щекам'; *Ма шйңк йиңкэн ѓвлэм* 'С меня пот течет'; *Нйң шйңк йиңкэн ѓвлйэн* 'С тебя пот течет'.

В переносном значении глагол *ѓвты* используется в значении 'литься (о песне, мелодии)', например: *Щиты арыйэл на ици мйтты арлал лўв ѓхэл сйхат йл ѓвлэт* 'До того хорошо поет, будто песни сами собой так и текут'.

В лексико-семантическом варианте «впадать» глагол *ѓвты* имеет семантику 'проникнуть, вливаться в реку, озеро, море (о реке, ручье)', например: *Тйм йѓхан Аса ѓвэл* 'Эта река в Обь впадает'; *Лйсмй йѓхан Щйња йѓхана ѓвэл* 'Река Лйсмй впадает в реку Сыня'; *Ай пѓслэт йѓханэва ѓвлэт* 'Протоки небольшие в реку впадают'.

В лексико-семантическом варианте «протекать, выливаться» субъектом движения выступают природные объекты, объекты-артефакты, например: *Нйврэмийэ шайэл ил шошемислы, хот хйра посыйэл, йиңкэл хот хйр хўват ѓвэл* 'Ребенок чай пролил, он на пол капает, по полу течет вода'; *Ма пенцинэм ил ѓмал* 'У меня бензин потек'; *Хопем ѓвэл* 'Лодка протекает'.

Значение «течь, протекать» передается также глаголом *холаты*, например: *Лўв ай хопэл холаты пйтэс* 'Его маленькая лодка стала протекать'.

К глаголам, обозначающим движение в жидкой и сыпучей среде, относится глагол *ил мйнты*. Глагол *ил мйнты* имеет следующие

значения: 1) вытечь, проливаться, выливаться; 2) высыпаться, сыпаться.

В лексико-семантическом варианте «выливаться» субъектом движения выступают природные объекты, объекты-артефакты, например: *Йиңк ил мәнәс* 'Вода пролилась'; *Пұт үсәң, йиңкәл ил мәнәс* 'Емкость для воды дырявая, вода пролилась'; *Ма кеванәм ләп әнт тухәрмем, ил мәнмал* 'Я бутылку, оказывается, не закрыла содержимое, вытекло'; *Ветрайәм ил мәнмал* 'Вода из ведра вылилась, оказывается'; *Йиңкен ил әл мәнәл* 'Как бы вода не пролилась'.

Субъектом движения в лексико-семантическом варианте «высыпаться, сыпаться» является множество объектов: *Рыхлам ил мәнтсәт* 'Ягоды высыпались'.

Глагол *цошийәты* имеет значение «литься с шумом, сильно течь, бурлить (о воде)», например: *Йиңк цошийәл* 'Вода бурлит, течет сильно'; *Йэрт ат сыс шеңк цошийәс* 'Дождь всю ночь сильно лил'; *Так йэрт әл цошийәл* 'Ливень льется (с шумом)'; *Похәл йэр әл цошийәл* 'Ливневый дождь сильно льет'; *Вотәң йэр, әл цошийәл* 'Дождь с ветром, сильно льет'; *Йэрт цошийәл* 'Ливень льет'.

Значение «течь с шумом» передается следующими глаголами *пӧләты* шуметь; журчать (о воде), *пӧлңәлтәты* 'бурлить', *кӱрәты* 'бурлить', 'литься', например: *Товийа ци йис, йӧханэв ци похәнмал, әл кӱрәйәл ултыйән* 'Весна наступила, река вскрылась, бурлит как обычно'; *Товийн йэңк нопәттыйн йӧхан кӱрәйәл* 'Весной, когда лед несет, река бурлит'; *Щикем ӧвәң, шеңк ӧвәң, нӧхлы пӧлңәлтәллы йэрт йӱпийн* 'Течение такое быстрое, очень быстрое, вверх бурлит, после дождя'; *Йиңк әл пӧләйәл товийән* 'Вода весной шумит, бурлит'; *Сойәм йиңк айәлта пӧләйәл* 'Вода в ручье тихо журчит'.

Значение «течь (дождю, воде), течь (тонкой струйкой)», «литься» передается глаголом *цӧрәты, ил цӧрәты, цӧрәйты*. Субъектом действия выступают природные объекты, например: *Соймийэв цӧрәйәс* 'Речушка бежала, текла'. Данный глагол имеет семантику 'проникать (проникнуть) куда-либо, во что-либо струей (о воде, жидкости и т.п.):

Такан йэрт питтыйэн йиңкэл пуцкайа ци цöрэйэл ‘Дождевая вода вливается в бочку’.

Семантика «течь тонкой струей» передается глаголом *цöрэты*, *цöрэйты*. Субъектом движения при лексико-семантическом варианте «течь тонкой струей» является *кровь*, например: *Нүлмэл элты вүр ай цöрэйэл* ‘Из его раны кровь течет’; *Үрэл ай цöрэйэл* ‘Кровь так и хлещет’.

При лексико-семантическом варианте «литься (струей)» субъектом движения выступают:

1) природные объекты, объекты-артефакты, например: *Йэрт иллы пела цöрэйэл* ‘Дождь вниз льет’; *Ин мунты нумэн йиңки нүт ус, цилта йиңк аймэрсэм курэшкайэн, курэшкайэм пасаана омэстэм сэхат ил рйкнэс, йиңкэл илэн ул. Йиңкэл ил цöрэйэс нумэлта пасаан элты* ‘Недавно наверху стояла посуда с водой, оттуда зачерпнула кружкой воду, пока кружку ставила на стол, она упала, вода на полу. Вода пролилась сверху, со стола’; *Курэшкайэл ил маймал, иллы цöрэйэл* ‘Вода из кружки пролилась, течет (со стола)’; *Пасаан элты йиңк цöрэйэл* ‘Со стола вода льется’; *Тови хятэлэн хот лоңэл элты йиңк сэм цöрэйэл* ‘В весенние дни с крыш домов вода струйкой стекает’.

2) частицы жидкости, например: *Вени нүңэллам хүват сэм йиңклам щиты цöрэлэт* ‘Слезы по щекам так и льются’; *Сэм йиңкийэлал цöрэлэт* ‘Слезки текут’.

Значение перемещения жидкости сверху вниз медленно, капля за каплей, передается глаголами *посэты*, *посэйты* ‘капать’, ‘стекать каплями’, *ил посэты* ‘капать’, *посматты* ‘закапать’, *посмэты* (мгновен.) ‘закапать’, *посэнтты* (мгновен.) ‘закапать, накапать’. Субъектом движения выступают:

1) природные объекты (вода, дождь), например: *Йэртыйэн, такан посматэл, хот лоңэл сөхлал лыйэмэт* ‘Во время дождя сильно капает, течет, крыша прохудилась’; *Йэрт посэйэл* ‘Дождь капает’; *Хот лоңэл элты йэрт йиңк посэйэл* ‘С крыши дождевая вода капает’; *Йиңк посэйэл*

‘Вода капает’;

2) объекты-артефакты, например: *Ал йиңк посэйал* ‘Березовый сок капает’; *Сыстам ал йиңк мōхты ил посмэс* ‘Чистый березовый сок сразу закапал’; *Кўрәшика ўла, ай овийэ тал, сыстам йиңк, саккарән ал йиңк посэптмал [посэпмал]* ‘Кружку берут, немного не полная, чистая вода, сладкий березовый сок накапал’; *Йўх товийән пелки менэмәлен, элты сōхәл нōх ўлен, ан ил омәслән, ал йиңк щилта щиты посэйал, посэйал* ‘У дерева весной кору убираешь, отдираешь (кору), посуду вниз ставишь, березовый сок оттуда так капает, капает’; *Йўх товийән лўң пōрайән пелки менэмәлен, элты сōхәл нōх ўлен, ал йиңк щилта посэйал* ‘(Кору) дерева весной, в начале лета, отрываешь, кору убираешь, березовый сок оттуда течет’.

Глаголы *посэты, посмэты* имеют значение «капать из носа», например: *Нбōлен иллы посал, посмал* ‘Из носа твоего капает, капает’.

К глаголам движения жидкости относятся глаголы *шошәптты* ‘лить, вылить’, ‘облить’, ‘пролить’, ‘проливать’, *лакки шошәпты* ‘разлить’; *лāп шошәпты* ‘залить, засыпать’, *шошемэты (мгновен.)* ‘вывалить’, *шошмэты (мгновен.)* ‘слить’, ‘вылить’, например: *Йиңкен йәл шошәмты* ‘Воду вылей’; *Йиңкән шошәпсәллы мāнэм* ‘Водой меня облил’; *Сохлал йиңкән шошәпсәллы* ‘Одежду облил водой’; *Пўтэм йиңкәл ким шошемәсэм* ‘Воду из котла вылила на улицу’; *Лōв анән шошемәсэн?* ‘Чашку с костями вывалила?’; *Йиңкен шошми* ‘Воду вылей’; *Пўтэм ил шошмәм* ‘Кто-то пролил воду из емкости’.

В лексико-семантическом варианте ‘сыпать’, ‘рассыпать’ объектом действия являются сыпучие предметы, например: *Сакар анэм ил ал шошәпләм* ‘Сахарницу как бы не просыпала’; *Рыхи пўтәл ил шошәпсәллы* ‘Посуду с ягодой рассыпал’.

Глаголы *тэмәтты* передает значение «выплеснуть», «вылить», *йәл тэмәтты* ‘выплеснуть’, ‘вылить’, *ким тэмәтты* ‘выплеснуть наружу’, например: *Шай рāk тэмты* ‘Чайники выплесни’; *Йиңкәл ўймал па йәл тэмәтмал* ‘Воду взяла и вылила, оказывается’; *Пўт лōхемәлЈән*

уса ким тэмэтлен ши, ким шошемисэм ‘Котел помоешь, всегда на улицу выльешь (воду), вылила’.

Глагол *тэпты* несет семантику «окроплять, опрыскивать, спрыскивать, обрызгивать», например: *Ўхэт ўрэн тэпсайэт* ‘Окропили кровью деревья’.

Семантику движения жидкости имеет глагол *тэпыцты* ‘выплескиваться’, например: *Тэл аймарты, тэлэңа пйнлэн, йиңкен тэпыцэл, ил тэпыцэл, лыпеңэлан ил тэпыцлэңэн* ‘Полными наполнить (ведра), полными наполняешь, вода выплескивается, из емкости выплескивается’; *Хоп тэпыцэл* ‘Вода из лодки через край льется’.

Для описания всплытия на поверхность и нахождения на поверхности жидкости используются глаголы *ховиты* ‘плавать (на поверхности воды)’, ‘качаться на волнах’, *хүвлэты, нөх хүвлэты* ‘выплыть; всплыть, всплывать’, *элэптты* ‘всплыть’, *нөх эллэты* ‘подняться’, например: *Хоп ховийэл* ‘Лодка плывет (качается на волнах)’; *Өхшамэм йиңка рйкэнмал, йиңкэн ховийэл* ‘Платок в воду упал, плавает в воде (на поверхности)’; *Най лөңэм кемэн хопэт васы олңас иты нык лора хүвлэсэт* ‘Как солнце зашло, лодки, как утиный выводок, на озеро поплыли (выплыли)’; *Хүллам нөх хүвлэсэт* ‘Рыба всплыла (в посуде)’; *Ун сорт нөх хүвлэс холэп талтэм сйхат* ‘Пока вытаскивал сетку, большая щука всплыла’; *Хопем элмэс* ‘Лодка всплыла’; *Ун йэртэн йиңк эллэл* ‘Во время большого дождя вода поднимается’; *Эллэм йиңк* ‘Поднявшаяся вода’.

Глагол *овийты* имеет семантику «качаться», «плескаться», например: *Йиңк ййама ун, ййөханэв кйт шипэлэн овийэл* ‘Вода большая, река у берегов плещется’.

Таким образом, в шурышкарском диалекте хантыйского языка нами выделено и проанализировано 36 глаголов, имеющих семантику перемещения жидкости.

1. *Күрәты* 'с шумом течь', 'бурлить, литься'.
2. *И майнты* 1) 'вытекать, вытечь', 'пролиться', 'выливаться'; 2) 'высыпаться, сыпаться'.
3. *Овийты* 'качаться', 'плескаться'.
4. *Өвты* 'течь (течение)', 'струиться', 'литься', 'протекать', 'впадать', перен. 'литься (о песне, мелодии)'.
5. *И өвты* 'стекать'.
6. *Поләты* 'течь с шумом', 'шуметь', 'журчать'.
7. *Полңытәты* 'бурлить'.
8. *Посматты* 'закапать'.
9. *Посәйты* 'капать', 'стекать каплями'.
10. *Посәты* 'капать', 'стекать каплями, течь мелкими струйками'.
11. *Посәты* 'капать'.
12. *Ил посәты* 'капать'.
13. *Посмәты (мгновен.)* 'закапать', 'капать (из носа)'.
14. *Посәптты (мгновен.)* 'закапать, накапать'.
15. *Тэмәтты* 'выплеснуть', 'вылить'.
16. *Йэтэмәтты* 'выплеснуть', 'вылить'.
17. *Ким тэмәтты* 'выплеснуть наружу'.
18. *Тәпты* 'окроплять, опрыскивать, спрыскивать, обрызгивать'.
19. *Тәпыцты* 'выплескиваться'.
20. *Овиты* 'плавать (на поверхности воды)', 'качаться на волнах'.
21. *Холаты* 'течь, протекать'.
22. *Хүвләты* 'выплыть; всплыть, всплывать'.
23. *Нõх хүвләты* 'выплыть; всплыть, всплывать'.
24. *Шошәпты* 1) 'лить, вылить', 'облить', 'пролить', 'проливать', 2) 'сыпать', 'рассыпать'.
25. *Лакки шошәпты* 'разлить'.
26. *Ләп шошәпты* 'залить, засыпать'.
27. *Шошемәты (мгновен.)* 'вывалить'.
28. *Шошмәты (мгновен.)* 'слить', 'вылить'.

29. *Щѣрѣты* ‘течь’, ‘литься’, ‘капать’, ‘струиться’.
30. *Щѣрѣйты* ‘течь (дождю, воде)’, ‘течь тонкой струей’.
31. *Ил щѣрѣты* ‘течь’, ‘литься (струей)’.
32. *Щѣрѣйты* ‘течь тонкой струей’.
33. *Щошийѣты* ‘литься с шумом, сильно течь, шуметь, бурлить (о воде)’.
34. *Элѣптты* ‘всплыть’.
35. *Нѣх элѣты* ‘подняться’.
36. *Этты* ‘течь’ (о слезах, крови).

**Система статальных моделей, описывающих глаголы
деструкции в хантыйском языке**

Г.Л. Нахрачёва

*Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок, Ханты-Мансийск*

Аннотация. Типовое значение статальных моделей – «характеризация состояния, в котором пребывает субъект, или характеристика деятельности, которую он осуществляет». Модель состояния представлена в хантыйском языке различными ЛСГ глаголов состояния. Модель состояния имеет два семантических варианта, различающихся типами субъектов: субъект – живое существо, субъект – артефакт. В каждой из моделей участвует определенный круг глаголов, который сочетается с тем или иным типом субъекта.

В зависимости от семантики субъекта состояния, а также от типового значения предиката мы выделяем в хантыйском языке два типа моделей состояния: 1. модели состояния одушевленного субъекта; 2. модели состояния неодушевленного субъекта.

Ключевые слова: статальные модели предложения, хантыйский язык, семантика, модель состояния, глагол.

Статальные модели хантыйского языка построены на основе моделей, формируемых именами и одно-, двухвалентными глаголами, объединенными общим значением описания состояния субъекта. Ядром данной системы являются одноактантные модели, представляющие состояние, связанное только с субъектом, его носителем [1, 121].

Типовое значение статальных моделей – «характеризация состояния, в котором пребывает субъект, или характеристика деятельности, которую он осуществляет» [2, 172].

Модель состояния $N_{NOM}^{Exp} V_{f\ subj}^{stat}$

В формировании модели состояния субъекта ЭПП $N_{NOM}^{Exp} V_{f\ subj}^{stat}$ в хантыйском языке участвуют глаголы состояния. Типовая семантика модели ЭПП: «субъект – быть, пребывать в таком-то состоянии».

Мы, вслед за Н.Р. Байжановой, которая проводила исследование на материале алтайского языка, под термином «состояние» понимаем отражение в языке специфических форм бытия предмета (живого, неживого), возникающих под воздействием определенных (внутренних или внешних) факторов, которые не влияют на его сущностные характеристики, обладающие стабильностью в течение некоторого периода времени и потенциальной изменяемостью. Каждый субъект, будь это человек, животное, растение и т.д., может находиться в определенных состояниях [3, 58].

Модель состояния представлена в хантыйском языке различными ЛСГ глаголов состояния.

Модель состояния имеет два семантических варианта, различающихся типами субъектов: субъект – живое существо, субъект – артефакт. В каждой из моделей участвует определенный круг глаголов, который сочетается с тем или иным типом субъекта.

В зависимости от семантики субъекта состояния, а также от типового значения предиката мы выделяем в хантыйском языке два типа моделей состояния:

- 1) модели состояния одушевленного субъекта;
- 2) модели состояния неодушевленного субъекта (артефакта).

При классификации глаголов состояния шурышкарского диалекта мы опирались на работу В.Н. Соловар, в которой описаны лексико-семантические группы глаголов состояния на материале казымского диалекта [1]; на работы, выполненные на базе русского языка: Л.В. Балашовой [4], Э.В. Кузнецовой [5], Л.М. Васильева [6], Т.А. Кильдибековой [7], Р. Расулова [8], О.А. Михайловой [9; 10] и др.

Модели состояния одушевленного субъекта

В данной модели компонент $N_{\text{НОМ}}$ – субъект – живое существо (человек, животное, V_f – глагол состояния, употребляется в субъектном спряжении. В позиции подлежащего – агент – лицо или предмет, который разрушается самопроизвольно.

В этой модели мы выделяем три семантических варианта.

1. Семантический вариант «физическое состояние».

Болезненное состояние отдельных частей тела: *nōxtī* ‘хромать’, *pōxtī* ‘лопнуть’: *semṇalam si pōxləṇən* ‘Глаза лопнут (неприятное болезненное ощущение)’.

2. Семантический вариант «психическое (эмоциональное) состояние субъекта»: *xōlt pōxtī* ‘разорваться’ (о сердце), т.е. испытывать страх, *pōxəntī* ‘разорваться (о сердце)’, *lōlatī* ‘улучшиться’ (о настроении; букв.: таять), *šāktī* ‘испортиться’ (о настроении): шур. *sāməl śi poxəṇəl* ‘сердце разорвется’ (букв.: лопнуть (о состоянии страха), *sāməl lōlal* ‘настроение улучшилось (букв.: сердце тает)’; *nomsem šākəs* ‘настроение (букв.: мысль=моя) испортилось’.

Итак, для передачи психического состояния используется ЛСГ глаголов изменения состояния, разрушения, разъединения.

3. Семантический вариант «окончание состояния, конец существования».

Предикаты окончания бытия человека и животных мы делим по структуре на две группы: глаголы и глагольные словосочетания:

1) глаголы: шур. *ārkapī* ‘свалиться (умереть)’ (перен.), *tomijəti* ‘умереть’, *tomaja jiti* ‘умереть’, *tomiti* ‘умереть’ (о животном), *tomijti* ‘умереть’, *xōlati* ‘скончаться (умереть)’, *lōxələti* ‘умереть’ (букв.: смыться, т.е. уйти в другой мир), *lāxənti* ‘задохнуться’, *pūpəməti* ‘умереть’, *liṭ toxənti* ‘умереть’ (букв.: дыханию порваться), *posələti* ‘умереть, скончаться (о человеке, о родственниках, о чужаках)’ (букв.: испачкаться), *xalti* ‘сдохнуть’, *xōlti* ‘погибать’, *partī* ‘умереть, погибнуть’, *šakənti* ‘задохнуться, захлебнуться’; каз. *jetšəti* ‘закончиться’, *sōxənti*

‘скончаться (умереть)’ (букв.: кончиться), *sōwəmtī* ‘скончаться (с сожалением)’, каз. *šūkəntī* ‘задохнуться, захлебнуться’, *pōxtī* ‘околеть’, *kārləti* ‘околеть’, *rawməti* ‘умереть’ (букв.: распасться на мелкие частицы), *xāncəmtī* ‘скоропостижно умереть’, *xōpəmtī* ‘умереть’ (букв.: отвалиться, отломиться (о коре дерева)), *śawərməti* ‘скончаться’ (с оттенком сожаления), *tōpəntī* ‘пропасть (умереть)’: шур. *Łūw xīwəp posaləs* ‘Он давно скончался’; *Ma ańtem posaləs* ‘Моя мама умерла’; *Ma lōxijəm otem* ‘Мой умерший родственник’ (букв.: мой смывшийся предмет); *Łiləl toxnəs* ‘Жизнь окончилась’; *Ma xāləwət mosəp, il ārkəpləm, un iki jastal* ‘Я, может, завтра свалюсь (умру) – пожилой человек говорит’; *Kā’em atəm muša jis, pārəs* ‘Кошка тяжело заболела, умерла’; *I ewel śāx nupət tājł, sora pārəs* ‘У одной дочери совсем не было жизни, быстро умерла’; *Kā’em ənt lələl, momimal* ‘Кошка не дышит, умерла’; *Łōw muj mis wōśləx tāxajən iultija mənəl, tup śāś ūrəl xāśəl in momijəl* ‘Лошадь или корова в глину проваливается (букв.: полностью уходит), только спина остаётся, там и умирает’; *Momaja jis* ‘Умер’; *Wūlət utən tōrən lelət, atəm tōrən, śilpa pa xāllət* ‘Олени в лесу траву едят, ядовитую траву, от этого умирают’; *Isa mir xōlalət* ‘Народ погибает’.

1) Структурный вариант модели окончания состояния, бытия можно представить схемой $N_{\text{НОМ}} (N_{\text{ДАТ}} V_{\text{f sub}})$. Предикаты представлены двумя лексемами:

а) имя существительное с семантикой смерти в форме дательно-направительного падежа в сочетании с глаголом *стать*: шур. *sōrma jiti* ‘умереть’ (букв.: к смерти стать), *šəpəta jiti* ‘умереть’ (букв.: к покойнику стать); каз. *kara jiti* ‘умереть’ (букв.: к коре стать), *pūpa jiti* ‘умереть’ (букв.: к чему то страшному стать), *eŋkorəpa jiti* ‘умереть’ (букв.: к памяtnому стать), например: шур. *Śi neŋen lūŋən sōrma jis* ‘Эта женщина летом умерла’; *Xīwəp mošitəm ōtew pūpa jis* ‘Давно болевший наш умер’; каз. *Łuw xiwəp šəpəta jis* ‘Он давно умер’;

б) имя существительное *jīstot* в форме дательно-направительного падежа сочетается с глаголом *pittī* ‘стать’: *jīstot=a pittī* ‘утонуть’ (букв.:

в то, что пьют, попасть): *Jištota pitmał* ‘Он утонул’;

в) имя существительное *tarn* в форме дательно-направительного падежа сочетается с глаголом *jiti* ‘стать’: *tarna jiti* ‘погибнуть, гибнуть’ (утратить способность жить в результате неблагоприятных обстоятельств, в сражении): *Un tarna pitsət (tarən tijəs), ar jox tarna jis* ‘Большое сражение началось, много воинов погибло’;

г) отрицательное слово *āntom* в дательно-направительном падеже в сочетании с глаголом *jiti*: *āntoma jiti* ‘умереть’ (букв.: к нет стать): каз. *lojɣem si tāl āntoma jis* ‘Подруга моя в ту зиму умерла’;

д) местоименное наречие *xōtaś* в сочетании с глаголом *jiti* ‘умереть’: *Aśel xōtaś jis* ‘Отец его умер’ (букв.: как-то стал) ’;

е) местоименное наречие *xōłtpela* в сочетании с глаголом *loł’əmti* ‘вскочить’: *Lūw xōłtpela loł’əmtəs* ‘Он неожиданно умер’ (букв.: куда-то вскочил);

ж) имя существительное в сочетании с послелогом и глаголом: *ōw sa mānti* ‘умереть’ (букв.: плыть по течению).

В роли субъекта при данных предикатах выступают названия лиц, например: шур. *Ikem lał’ən pārəs* ‘Муж мой на войне погиб’; *In imen lēllī siit pārəs* ‘Эта женщина так и умерла с голоду’, *Imi jinɣən šakənmāl* ‘Женщина в воде захлебнулась’; каз. *Lūw saxtała si sawərməs* ‘Он сам собой скончался’; *Wona pelək jəxləw si xōlati pitsət* ‘Пожилые люди наши стали умирать’; *Ma tāta si sōwəmləm* ‘Я здесь умру’.

В роли субъекта выступают также отвлеченные имена: *is* ‘душа’, *lil* ‘дыхание’: *Śi jūpijən isəl mānəl* ‘После этого он умирает’ (букв.: душа его уходит); каз. *Pitəm širələn līləl pa sōxnəs* ‘Как упал он, жизнь (букв.: дыхание) кончилась’ (букв.: оборвалось).

Глаголы *pārti*, *šākənti* в позиции субъекта могут допускать названия лиц или животных. Например: *Si iken xūwən pārəs* ‘Этот мужчина давно умер’; *Jām ampem si pārəs* ‘Хорошая собака моя умерла’.

Глагол *xālti* может употребляться с одушевленным субъектом, при этом появляется стилистически маркированная окрашенность (грубая

или оскорбительная форма), например: *Öxsaren xäläs* ‘Лиса сдохла’; *In iken si xäläs* ‘Этот мужчина сдох’.

Модели состояния артефакта

В этой модели в позиции субъекта находятся предметы материального мира – артефакты, а в позиции предиката – глаголы, обозначающие физическое состояние артефактов.

1. Семантический вариант «самопроизвольный процесс».

1) Субъект – предмет находится в самопроизвольном процессе, обусловленном его физической природой. С ним сочетаются глаголы следующих групп: разрушительного действия: шур. *ärkäpti* ‘рухнуть, обвалиться’, *ñijti* ‘обвалиться’, *(ara) kuləmti* ‘развалиться, рассыпаться’, *räsəlti* ‘износиться (об одежде)’, *räsəmti* ‘распускаться’ (о ткани), *xōlati* ‘протекать’ (о лодке), *pūtləti* ‘прохудиться, продырявиться (об одежде, посуде), *pūksəmti* ‘лопнуть’, *pelki pōxənti* ‘потрескаться, лопнуть’, *toxnomti* ‘порваться’(мгнов.), *pelki toxnomti* ‘лопнуть, разорваться’, *šūkaləti* ‘сломаться’, *roxñeməti* ‘обвалиться’, *il roxñəmti* ‘провалиться’, *kātna xələməti* ‘расколоться, треснуть’ (мгнов.), *pelki xəliiti* ‘потрескаться’; каз. *ara lōŋxiti* ‘расколоться’, и др., например: шур. *Lūk pūka pelki toxnomtəs. Katləti saxat wōl pelki pūksomtəs* ‘Глухариный зоб лопнул. Пока держали, совсем лопнул’; *Kelem toxnəs* ‘Веревка разорвалась’; *Pašmekləlal pelki toxnopmel* ‘Башмаки его/ее порвались’; *Šelja rata al pōni, toxnopl* ‘Порох в костер не клади, взорвется’; *Katra xotəl il ärkəmtəs* ‘Старый дом их рухнул’; *Katra xot il ärkəpmal* ‘Старый дом рухнул’; *Katra xotləŋkel səŋxət ilpija xās ənt ärkəpəl* ‘Старый домик=их с горы вот-вот рухнет’; *Uxel kulməs* ‘Нарта развалилась’; *Uxlem xuwən ara kulməs* ‘Нарты=твои давно развалились’; *Nepek laraś kuləpmal, neš* ‘Картонная коробка развалилась, оказывается’; *Laraśəl lakki kuləpmal* ‘Ящик=его развалился’; *Xūllam šūka kawərmel* ‘Рыба разварилась’; *Jernasl räsəŋəlmal* ‘Платье обтрепалось, распустилось’; *Xot xārəl il roxñəmtəs* ‘Пол провалился’; *Pānar kelije, toxnomtəs* ‘Верёвочка

дряхлая, порвалась'; *Još pātlam pelki poxsət* 'Ладони потрескались'; *Još pātem poxəntəs* 'Ладонь потрескалась'; *Katra jūx hālem kātna xālēməs* 'Старая деревянная ложка пополам треснула'; *Sūmət jūx poxəl wotn hojsa, kātna xālēməs* 'В березу попала молния, она пополам раскололась'; *Jos pātem pelki xālījəs* 'Ладонь потрескалась'; *Xot il roxhāmtəs* 'Дом рухнул'; *Katra xotəl xūwn il roxhāmtəs* 'Старый дом давно обвалился';

2) Глаголы разъединения: шур. *pelki pittī* 'раскрыться', *šūka kawərtī* 'развалиться при кипении', *puxəltī* 'толочь, измельчать, долбить, колоть, протыкать', *toxtī* 'рваться, порваться'; каз. *pelka loṅxitī* 'расколоться', и др., например: *Ux šūka puxəllem, šaj puta esəllem* 'Чагу размельчаю я (ножом), в чайник опускаю'; *Pāñar kelīje, toxnomtəs* 'Верёвочка дряхлая, порвалась'; *Lijəm lakkeḷ ara (lakki) toxəs* 'Порвалась постромка у оленя'; *Xāšap oljen toxəl* 'Угол полога рвется'; каз. *Xop pātem pelki loṅximal* 'Дно лодки раскололось'.

2. Семантический вариант «изменение состояния» представлен следующими ЛСГ глаголов разрушения:

1) глаголы, обозначающие потерю влаги, изменение консистенции: *sōr-* 'сохнуть, вянуть – терять свежесть, увядать', *soral-* 'сушить – изменять состояние предмета, удаляя влагу, сырость воздействием тепла или солнца': *Torn sorəs* 'Сено высохло'; *Ši wojen xūwan xāltī-sortī werəl us* 'Это животное давно уже умереть-высохнуть должно было'; *Kasalət, hāñ šī keša soraltīja* 'Каслают, хлеб для этого сушат';

2) глаголы изменения, потери качества: шур. *awtī* 'пахнуть', *lījī* 'гнить', *naxitī* 'потерять вкусовые качества, стать несвежей, примерно, через два часа после нахождения рыбы на солнце'; каз. *wūšəmtī* 'стать несвежим', *pōlxəmtī* 'превратиться в простоквашу': шур. *Uxel lijmaḷ, ārkəmtəs* 'Нарта сгнила, развалилась'; *Wante, nōxew lījmaḷ* 'Оказывается, мясо сгнило'; *Nuki soxem lījmaḷ, toxmaḷ* 'Кожа сгнила'; *Aṇləpsajəl sora lījmaḷ* 'Малица под подбородком быстро сгнила'; *Ruwaṇ us, xūllam lījmeḷ* 'Жарко было, рыба протухла'; *Xūlem awəl* 'Мясо пахнет' (т.е.

испортилось); *каз. Ёsат јіпкет рѳлхатмал* ‘Молоко превратилось в простоквашу’.

Модель состояния $N_{NOM}^{Ob} V_{f\ pass}$

Позицию объекта занимает имя, обозначающее лицо или предмет, испытывающее на себе воздействие, в результате которого оно оказывается в определенном состоянии. В этой позиции может стоять имя существительное, обозначающее живое существо, части тела человека; личное местоимение, предмет. Позицию предиката занимают глаголы разных лексико-семантических групп: состояния, действия и др. в пассивном спряжении. В зависимости от семантики предиката мы выделяем следующие семантические варианты модели.

1) семантический вариант, описывающий физическое и физиологическое состояние одушевленного субъекта, формируется предикатами *лӓхӓтӓ* ‘задохнуться’, *тӓрӓлтӓ* ‘защемить’, *менемӓтӓ* ‘выдернуть’, *кӓтерлӓтӓ* ‘обжечься’, *пелтӓ* ‘уколоть’, например: *Ма хӓс ӓнт лӓхӓнтсӓжӓт [лӓхӓтсӓжӓт]* ‘Я чуть не задохнулся’; *Лӓјем тӓрӓлтмӓсӓ* ‘Палец мой защемило’; *Soxӓl il rӓknӓs pa лӓјлам тӓрӓлсӓжӓт* ‘Доска упала, и пальцы придавило’; *Нӓлтем кӓтерлӓсӓ* ‘Язык обжог’; *Тӓрем кӓтерлӓлӓ* ‘Горло жжет’;

2) состояние предметов передают глаголы: шур. *хӓрӓјӓттӓ* ‘заржаветь’, *хӓшӓлӓтӓ* ‘покрыться плесенью’; *каз. ӓакиттӓ* ‘покрыться илом’, *ӓѳхлӓтӓ* ‘зачервиветь’ (букв.: шевельнуться, сдвинуться), и др.: шур. *Kartem хӓрӓјӓтсӓ* ‘Пила=моя заржавела’; *Kartӓ шӓклӓл isa хӓрӓјӓтсӓжӓт* ‘Железные детали совсем заржавели’; *Jintpem хӓрӓјӓтсӓ* ‘Иголка заржавела’; *Нӓӓл pa хӓсӓлӓсӓ* ‘Хлеб тоже заплесневел’; *каз. Wasi рѳӓхлӓп ӓѳхлӓтӓ* ‘Утиные яйца зачервивели’.

Двухактантная модель $N_{NOM}^{Ob} N_{Loc}^{Force} V_{pass}$

В состав двухактантной модели с глаголом в форме страдательного залога, помимо объекта в форме именительного падежа (N_{NOM}^{Ob}), входит также имя в местно-творительном падеже (N_{Loc}^{Force}), называющее силу, стихийное явление природы, воздействию которого объект не может

противостоять.

Позицию N^{Force}_{LOC} занимают имена, называющие:

1) явления природы, стихии: *pāləŋ* ‘гроза’, *tūt* ‘огонь’, *ōw* ‘течение’ и др. При них используются глаголы с семантикой разрушительного действия. Например:

Шур. *Lūw pāləŋ=ən welsa* ‘Он был убит громом’, *Ješŋəl tūt=ən kūtərləsijən* ‘Руки огнем обожжены’, *Jōxan jenkət ōw=ən šūkatti šī pitsajət* ‘Льды реки течением стали ломаться’, *Xōtəl, amparəl tūt=ən lesa* ‘Дом, амбар огнём сожжены’ (букв.: съедены);

2) названия орудия или инструмента, а также воздействие квазиинструмента (т.е. воздействие с помощью мнимых инструментов, к которым относят части тела человека или животного): *keši* ‘нож’, *lajəm* ‘топор’, *hōl* ‘стрела’, *jink* ‘вода’, *lis* ‘петля’, *keł* ‘веревка’, *pōrlī* ‘пешня’, *jūs* ‘что-то острое’, *xāstəl* ‘заноза’, *jūx hūw* ‘ветка дерева’, *jintəp* ‘иголка’ и т.д. Например: шур. *Kepəl jotləpsajən jama jōtəlla* ‘Камус скребком хорошо скребут’, *Jenk pōrlījən puxəlla* ‘Лёд долбят пешней’, *Juśn puxəllajəm* ‘Меня острием колют’, *Molsaŋ ponl ampən mənšijəm* ‘Подол малицы собаки порвали’, *Kepəl un māšəkən tātəlla, šiti leptamtəl* ‘Лапы выделывают большим размахом кулаков, так они смягчаются’, *Lūjem xāstəln pelsa* ‘В палец заноза вонзилась’, *A mījən pelantijəl* ‘Что-то колется’, *A mīj jūšən pelantsajəm* ‘Чем-то острым укололась’, *Semem jūx hūwn sōmelta pelantsa* ‘Прямо в глаза воткнулась ветка дерева’, *Jintəpn pellaŋ* ‘Иголкой уколешься’, *Tup sort nōx talla, ōx pātł elti jūxn xātšila* ‘Только щуку вытасчат из воды, палкой по голове бьют’.

В позиции предиката находятся глаголы разрушительного действия, состояния: *peltī* ‘воткнуться’, *xōjti* ‘удариться’, *kātna waśməti* ‘рассечь’, *pitti* ‘попасть’, *šix perətti* ‘задушить’, например: шур. *Ma kešijən xaś pelsajəm* ‘Я чуть не укололся ножом’, *Xajəp saplije hōl=ən kātna šī waśməsa* ‘Шея кулика стрелой рассечена’, *In lisən amp tūrəl ewəlt pitsa* ‘Собака шеей в петлю попала’, *Lūw kellaŋ šix perəlla* ‘Он веревками будет задушен’, *Šanšəl koršitsajən nepekən kūtərləti pitsa* ‘Спина=его

горчичниками стала обжигаться'; *Xõnem jũsæn pũxalla* 'Живот колет' (букв.: острием колется).

Таким образом, одноактантные предложения, формируемые схемой $N_{\text{NOM}} V_{\text{f subj}}$ необходимый состав которых ограничен только подлежащим и сказуемым, обнаруживают разнообразие выражаемых ими пропозиций. На материале деструктивных глаголов шурышкарского диалекта хантыйского языка нами выделены: 1) модель состояния одушевленного субъекта; 2) модель состояния неодушевленного субъекта. По типу пропозиции данные модели относятся к статальным, в статальных моделях субъект – экспериенцер пассивен.

Благодаря свернутой падежной системе, структурные и семантические типы ЭПП хантыйского языка обладают широкой полисемией, а также омонимией и синонимией.

По структурной схеме $N_{\text{NOM}} V_{\text{f subj}}$ построены модель состояния живого существа, модель состояния натурфакта, модель состояния артефакта. Данные глаголы биологического (химического) разрушения: *xāl-* 'сдохнуть, дохнуть, погибнуть', *šāk-* 'испортиться, становиться кислым, протухнуть', *pār-* 'умереть, погибнуть (о человеке), проходить – развивают многозначность за счет особой для рассматриваемого диалекта лексической сочетаемости слов, а также метафорических переносов в разные сферы: физическую, эмоциональную, психическую, интеллектуальную, физиологическую. При переходе из одной сферы в другую накладывается ограничение на употребление спряжения глагола, поэтому возможно только субъектное спряжение. Так, например, глагол *šāk-*, формирует модель состояния артефакта: *Xulem šākəs* 'Рыба моя скисла'; модель состояния натурфакта: *Turem šākəs* 'Погода испортилась'; а также переход в эмоциональную сферу: *Nõmpsem šākəs* 'Настроение испортилось', *Ėipem malĩ wõllĩ šākəs* 'Настроение=мое испортилось (букв.: душа=моя испортилась)', *Xalew nõmpsəl šākəs pa xõllatĩ pitəs* 'У халея настроение испортилось, и он

плакать стал'; в физиологическую сферу: *Semlam šäksät* 'Зрение=мое испортилось';

Отношения омонимии наблюдаются, например, в модели физического состояния человека: *Mušät kulmäs* 'Болезнь осложнилась'; *Ōx welmet xöl kulmäs* 'Мозги растерялись (голова не соображает)' и модели состояния артефакта: *Jernäsəm kulmäs* 'Платье порвалось (разошлось по швам)', *Ūxət kulmäs* 'Нарта развалилась', *Larašəl lakki kuləpmał* 'Ящик=его развалился', *Xöšapem kuləmtəs* 'Коробка развалилась'.

Синонимичны модели статальной семантики (модель состояния артефакта, модель состояния человека), например: *Łońś lōlał* 'Снег тает', *Nöpsem lōlał* 'Настроение мое улучшается'.

Литература

1. Соловар В.Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Новосибирск, 2009. 264 с.
2. Баркалова М.В. Функционально-семантическая классификация глагольных моделей ненецкого языка // Языки коренных народов Сибири. Сб. науч. тр. Вып. 14. Новосибирск, 2004. 171-217 с.
3. Байжанова Н.Р. Базовая структурная схема элементарного простого предложения $N_{1\text{vf}}$ в алтайском языке: дис... канд. филол. наук. Новосибирск, 1999.
4. Балашова Л.В. Строение лексико-семантической группы глаголов существования (о живом): к вопросу о влиянии социальных факторов на ее структуру // Язык и общество. Саратов, 1982.
5. Кузнецова Э.В. Русские глаголы «приобщения объекта» как функционально-семантический класс слов (к вопросу о природе ЛСГ): автореф. дис... д-ра филол. наук. Свердловск, 1974. 44 с.

6. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 1981. 184 с.
7. Кильдибекова Т. А. Структура поля глаголов действия. Уфа, 1983. 75 с.
8. Расулов Р. Глаголы состояния и их облигаторные варианты валентности. Ташкент: Фан, 1989. 143 с.
9. Михайлова О. А. К вопросу об изучении глаголов с предметными семами // Проблемы глагольной семантики. Свердловск, 1984. 64-71 с.
10. Михайлова О. А. Особенности функционирования глаголов со специализированными субъектными семами в основном и неосновном значении // Классы глаголов в функциональном аспекте. Свердловск, 1986. 33-37 с.

**Многозначность слова в хантыйском языке
(на материале шурышкарского диалекта)**

С.В. Онина, кандидат филологических наук

Ханты-Мансийский технологическо-педагогический колледж,

Ханты-Мансийск

Аннотация: В данной работе представлены типы многозначности на материале хантыйского языка, основанные на различных видах языковой мотивированности: связи по сходству и связи по смежности. Метафорические и метонимические отношения значений (ЛСВ) рассматриваются здесь не как индивидуально-стилистические, а как механизмы устойчивой связи элементарных единиц (ЛСВ), образующих многозначное слово.

Ключевые слова: хантыйский язык, лексическая семантика, полисемия, метафора, метонимия.

Термин «многозначность» часто употребляют как эквивалентный термину «полисемия», то есть «наличие у одного и того же слова (у данной единицы выражения...) нескольких связанных между собой значений». При отсутствии таких общих элементов в значении принято говорить об омонимии, которая в этом смысле не включается в многозначность, а противопоставлена ей как наличие в языке двух разных единиц, в противоположность семантическому варьированию одной языковой единицы [1, 185-183].

В то же время такое противопоставление не всегда выдерживается, и тогда говорят о многозначности, имея в виду некоторое общее родовое понятие, по отношению к которому полисемия и омонимия оказываются видами. Такое понимание многозначности очевидно требует теоретического обоснования: необходим определенный угол зрения, чтобы противопоставленность наличия двух единиц

существованию вариантов одной единицы воспринималась как видовое различие внутри одного рода. Многозначность (или полисемия) слова – это семантическое свойство слова иметь одновременно несколько значений (семем) или в ином плане – обнаруживать несколько взаимосвязанных ЛСВ.

Не вызывает сомнения, что многозначность слов естественного языка не случайна. Однозначное соответствие выражения и содержания в естественном языке было бы крайне неэкономным, то есть привело бы к резкому увеличению количества единиц языкового кода, а это затруднило бы для носителей языка пользование им. Не менее важно, что такое устройство противоречило бы природе языка как инструмента познания, естественному стремлению отразить многообразие явлений окружающего человека мира хотя бы в грубо классифицированном виде, с учетом тех связей и отношений, которые фиксируются человеческим сознанием с помощью языка при отражении им действительности [2, 102; 3, 13-14]. Поэтому многозначность большого количества слов можно считать лингвистической универсалией [2, 99; 4, 267-274].

Хорошо известно, однако, что наличие в языке многозначных слов, именно многозначность наиболее частотных и «фундаментальных» слов каждого конкретного языка – не представляет опасности для эффективного использования языка как средства общения: нежелательная в конкретном акте общения многозначность слова разрешается в процессе речи, адресат получает указания для осуществления выбора, необходимого для понимания смысла высказывания. Выбор осуществляется на основе указаний, содержащихся либо в самом тексте, в речевом произведении (лингвистический контекст), либо вне текста, в реальной ситуации (внелингвистический контекст). Потенциальная (виртуальная) многозначность слова в языке регулярно («как правило») получает разрешение при актуальном функционировании слова в тексте [5, 138; 6, 16; 7, 53].

В хантыйском языке достаточно много слов, которые имеют одно лексическое устойчивое значение, закреплённое за определённым звуковым комплексом или, говоря иначе, представлены одним ЛСВ: ср.: *jǵχ* ‘дерево’, *ixǵt* ‘сани’, *low* ‘лошадь’, *lor* ‘озеро’ и многие другие. Однозначность (или моносемия) слов является частным случаем многозначности, её «нижним пределом».

Большинство широко употребительных слов многозначно. Многозначность (или полисемия) – это способность слова иметь одновременно несколько значений (семем) или, в ином плане, – обнаруживает несколько взаимосвязанных ЛСВ. С собственно лингвистической (семантической) точки зрения развитие многозначности объясняется законом асимметрии знака и значения, открытым С.О. Карцевским. Знак и значение обычно не покрывают полностью друг друга: «Если бы знаки были неподвижны, и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием этикеток» [8, 85]. Один и тот же знак «стремится обладать иными функциями, нежели его собственная», а значение «стремится обладать иными функциями, нежели его собственный знак. Они асимметричны ... » [8, 90]. Неустойчивое равновесие, в котором «находятся лексема и семема как знак и значение, объясняет природу языковых единиц, обладающих свойством быть одновременно и устойчивыми, выполняя коммуникативную функцию, и подвижными, изменяясь в соответствии с условиями конкретного контекста. Приспосабливаясь к определённой обозначаемой ситуации, лексические единицы изменяются постепенно и только частично, расширяя своё смысловое содержание, но оставаясь принципиально теми же единицами» [9, 227].

Асимметрия знака и значения приводит к тому, что исходный ЛСВ (главное значение) слова, например, у глагола *mǵnti* ‘идти (двигаться пешком)’, в результате постепенного «приспособления» к конкретным условиям других типов контекста, (нежели его собственный) даёт начало новому качеству – образованию вторичных, частных значений

(ЛСВ) слова и соотносимых с ними синонимов, которые могут рассматриваться как толкования семантических вариантов слова:

*mǎnti*₁ ‘идти (двигаться пешком)’

*mǎnti*₂ ‘перемещаться (ехать, плыть)’

*mǎnti*₃ ‘отправляться’

*mǎnti*₄ ‘действовать (работать)’

*mǎnti*₅ ‘падать, выпадать’

Знак и значение, по С.О. Карцевскому, выходят из рамок, предназначенных им исходным симметричным соотношением, и постоянно скользят «по наклонной плоскости реальности». Знак *mǎnti*₁ ‘идти (двигаться пешком)’ не только покрывает своё главное, основное значение – *mǎnti*₂ ‘двигаться пешком’, но и «захватывает» во вполне определённых контекстуальных условиях и другие значения, связанные с исходным [10, 90]. Ср.: ‘перемещаться (ехать, плыть)’ – *Ůlen̄ uxəl takan mǎnl̄* ‘Оленья упряжка быстро едет’; *Tūtəŋ ɣor aǰəltə jōɣan ɣǔwat mǎnl̄* ‘Теплоход плавно идёт по реке’ [*mǎnti*₂]; ‘отправляться’ – *Joɣi mǎnti pōra* ‘пора идти домой’ [*manti*₃]; ‘действовать, работать’ – *Šosem jǎma mǎnl̄* [*manti*₄] и т.д.

Таким образом, с одной стороны, благодаря «семантической экспансии» знака по отношению к смежным областям обозначаемого он обогащается содержательно. С другой – каждый из его смыслов стремится выразиться в другом знаке; ср.: не только *Łoš mǎnl̄/jil̄* ‘Идёт снег’, но и *Łoš pitl̄* ‘Падает снег’; *Łoš pits* ‘Снег выпал’. Благодаря этому в языке естественно возникают многозначность (*manti*₁ – *manti*₃ ←→) и синонимия (*mǎnti* ‘идти’ – *jiti*, *pitti* ‘падать’, ‘выпадать’).

Многозначность слова в языке давно исследуется лингвистами. К сожалению, на материале хантыйского языка полностью отсутствуют исследования о многозначности, как одной из категорий лексической семантики хантыйского языкознания. Исключением является небольшое, в полстраницы, упоминание многозначности в учебнике «Хантыйский язык: учебник для учащихся педагогических училищ»

[10, 13]. Между тем, литература о полисемии и связанных с нею языковых явлениях весьма обширна. В ней представлены самые разнообразные концепции, вплоть до отрицания полисемии, например, в русском языкознании, восходящего к А.А. Потебне [11].

Существенно отметить, что при любой теоретической установке и любой терминологии исследователь не может пройти мимо многочисленных фактов наличия в языке разных слов с одинаковым звучанием, даже если он отказывает им в лингвистическом тождестве. Так, С.Д. Кацнельсон, ссылаясь на Г. Пауля [12, 96], утверждает: «... в речи, как правило, слово актуализирует только одно из своих значений и, следовательно, перестаёт быть многозначным. Исключением являются лишь случаи нарочитой двусмысленности, допускаемой ради шутки или с целью обмана» [13, 51].

Аналогичные утверждения можно найти и в рамках совсем иного подхода к изучению языка, как в ставшей уже классической для трансформационно-порождающей теории языка модели Катца и Фодора [14, 6]. В ней рассматривается лишь такая многозначность, которая восходит к различию семантических маркеров, то есть своего рода лексических категорий, а эта многозначность разрешается в речи с помощью селекции. На этот аспект теории обращал внимание У. Вейнрейх, отмечая, что «идея контекстуального снятия многозначности является традиционной, идущей от неограмматиков, ..., теория оказывается слишком слабой для объяснения метафорического употребления тех или иных фигур речи (кроме наиболее избитых оборотов) и многих шуток. Представляется весьма сомнительным, чтобы семантическая теория, способная объяснить лишь некоторую, весьма частную разновидность речи, а именно: лишенную юмора, сухую и банальную прозу, имела научный смысл» [15, 56].

В лингвистической литературе встречается и иное понимание речевой многозначности, а именно: многозначность рассматривается как лингвистическое явление, входящее в систему речевой деятельности

и, тем самым, являющееся «законным лингвистическим объектом» [14, 7]. Наибольшее внимание уделяется речевой многозначности в работах, посвященных тому разделу лингвистики, который можно назвать литературной семантикой, то есть изучению языка литературных произведений. Особо следует отметить в этом плане работу Р. Якобсона, на которую неизменно ссылается почти каждый исследователь, и в которой речевая многозначность рассматривается как одно из центральных явлений: «Двусмысленность есть неотъемлемое внутреннее свойство всякого сообщения, сосредоточенного на себе самом... Не только само сообщение, но и его адресант и адресат становятся двусмысленными» [16, 370-371].

В развитии разных значений, а затем в их утверждении, существенна та речевая ситуация, в которую попадает слово, то есть так называемая семантическая позиция. Роль контекста в данном случае не является основной: он лишь определяет, обуславливает реализацию значения слова, которое «вне зависимости от его данного употребления ... присутствует в сознании со своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность» [17, 21].

Вопрос о речевой многозначности затрагивается и в работе «Проблемы семантического анализа лексики» Д. Н. Шмелёва. Он утверждает, «что все значения многозначных слов обусловлены в конечном счёте контекстом, но этот факт не означает, что такая обусловленность существенна для них в одинаковой степени. Традиционное деление значений слов на первичные (основные, главные) и вторичные (переносные), если оно основано на установлении существующего соотношения между этими значениями, а не на их историческом взаимодействии, правильно отражает неравноправное положение этих значений в семантической системе» [18, 211], то есть «между значениями многозначного слова существует определённая семантическая связь» [19, 352].

Семантические связи внутри многозначного слова организуют системность лексики, которая отчетливее проявляется на уровне одного слова. «Учитывая, что характер внутрисловных семантических связей в языках неодинаков, можно считать многозначность одним из ярких признаков национальной самобытности лексики» [20, 45]. В этом случае исследователи говорят уже не просто о полисемии, а о её законах: «многозначность слов естественных языков народов мира – это одна из важнейших особенностей их лексики, одна из важнейших особенностей человеческого языка вообще. Именно поэтому следует говорить о законе многозначности слова, о законе лексической полисемии» [21, 140]. Изучение этих законов даёт, в частности, возможность активно использовать потенциальные свойства слова при переводе с одного языка на другой, то есть, например, при выявлении межъязыковых семантических соответствий. Исследование общего и специфического в полисемии различных языков – задача общей и сопоставительной лексикологии. В качестве примера последней сошлёмся на сопоставительную лексикологию В. Г. Гака [22], написанную на материале французского и русского языков, и множество других работ, написанных в последнее время.

На процесс развития значений слов большое влияние оказывают и внеязыковые причины (социальные, общественно-политические, культурно-исторические, научно-технические и т.д.). Иногда новое значение возникает в результате переноса названия. И в этом случае разные значения возникают по-разному. Это зависит от многих причин, в частности от того, какой признак положен в основу переноса названия, каковы границы переноса (расширение, сужение).

Типы многозначности (полисемии) выделяются по трём основаниям: 1) по характеру языковой мотивированности значений слова; 2) по зависимости частных значений от главного и их взаимосвязи друг с другом; 3) по виду их оппозиции. В настоящей работе остановимся лишь на значениях по характеру языковой мотивированности

многозначного слова и виду их оппозиции значений (ЛСВ).

По характеру языковой мотивированности значений (ЛСВ) многозначного слова различаются два типа полисемии на основе сходства или смежности обозначаемых данным словом предметов и явлений действительности: в связи с чем различают метафорические и метонимические переносы явлений [19, 352; 18, 69-71; и др.]. В литературе называется разное количество традиционных типов переносных значений слов. В одних случаях выделяют только метафору и метонимию, в других – метафору, метонимию, синекдоху и функциональный перенос значения. Различия в числе переносных значений объясняются тем, что синекдоху (расширение и сужение значения) считают разновидностью метонимии, а функциональный перенос – разновидностью метафоры [23, 222-223; 13, 40-50; 14, 20].

Источником пополнения лексики хантыйского языка по-прежнему остаются собственные ресурсы хантыйского языка, как, например, расширение семантики слов и переноса значений одних слов на другие, основанное на различных видах языковой мотивированности: связи по сходству и связи по смежности.

Метафорическая связь значений основывается на сходстве обозначаемых предметов, явлений, признаков, действий. Это позволяет выделить следующие соответствующие разновидности такой многозначности:

1) сходство формы, внешнего вида, производимого впечатления: łant_1 ‘мука’ (*łanti xir* ‘мешок с мукой’) – łant_2 ‘каша’ (*łant kawərsəm* ‘сварил кашу’); *łolmax₁* ‘росомаха’ (*ašem łolmax wels* ‘отец добыл росомаху’) – *łolmax₂* – ‘вор’ (*χota łolmax łəŋtimal* ‘в дом входил вор’); *ńul₁* ‘охра’ (*ńul ākətsəw* ‘собирали охру’) – *ńul₂* ‘краситель для нанесения орнамента на ровдугу’ (*ńul wersəw* ‘сделали краситель’);

2) сходство в способе представления действий: *lärŋəlti₁* ‘крутить’ (*milen al lärŋəlti, oxen kašija ijl* ‘не крути шапку (свою), голова (твоя) будет болеть’) – *lärŋəlti₂* ‘объехать, обойти’ (*ulti mŭwəl lärŋəlsəli*

‘объехал свою землю, на которой живёт’); *ńotti*₁ ‘помогать’ (*ma nǎŋen xir alti ńotlem* ‘я помогу тебе нести мешок’) – *ńotti*₂ ‘помогать’ (*ma nǎŋen ńotlem* ‘я тебя поддержу’);

3) сходство местоположения: *pǎti*₁ ‘основание’ (*rep pǎti* ‘основание горы’) – *pǎti*₂ ‘дно’ (*jǒxan pǎti* ‘дно реки’) – *pǎti*₃ ‘подошва’ (*kur pǎti* ‘стопа ноги’); *ńǒl*₁ ‘нос’ (*urti ńǒl* ‘красный нос’) – *ńǒl*₂ ‘нос лодки’ (*xop ńǒlǎn lojl* ‘стоит на носу лодки’);

4) сходство в структуре оценок: *ken*₁ ‘легкий’ (*ken laraś* ‘легкий ящик’) – *ken*₂ ‘легкий’ (*tǎm nepek ken lǔŋǣttiĵa* ‘этот текст легкий для чтения’); *nǒx enǣmti*₁ ‘перерасти’ (*pǒxen aśel nǒx enǣmmal* ‘сын (твой) стал очень высоким, перерос отца’) — *nǒx enǣmti*₂ (*pǒxen lǔwel utǣltǣm ǒtǣl nǒx enǣmmal* ‘сын (твой) перерос своих учителей’); *tal*₁ ‘пустой’ (*tal puśka* ‘пустая бочка’) — *tal*₂ (*tal potǣr* ‘пустой разговор’, то есть не имеющий необходимого содержания);

5) сходство внешних признаков в результате возникновения сходных образных ассоциаций между зоонимом, уже имеющим наименование, и новым, который нужно назвать; к числу метафорических зоонимов относятся, например: *pojtek*₁ ‘куропатка’ — *Pojtek*₂ (кликча оленя с темной шерстью на шее, как у куропатки) (букв. ‘куропатка’); *śowǣr*₁ ‘заяц’ — *Śowǣr* (кликча белоснежного оленя) (букв. ‘заяц’); *ǒxsar*₁ ‘лиса’ — *ǒxsar*₂ (кликча самца с красноватой, отливающий медью шерстью) (букв. ‘лис’). В этих примерах наглядны метафорические связи значений, которые опираются на сходство обозначаемых реалий и обнаруживают сходство внешнего вида животного (по масти) и производимого впечатления.

Приведённые примеры показывают, что метафорическое значение не только служит средством оценки, но и выполняет номинативную функцию, определяя и называя новое понятие старым, знакомым словом, вовлекая новые явления жизни в уже известный, достаточно устоявшийся круг понятий.

Метонимическая связь значений основывается на смежности,

соположении обозначаемых предметов, действий, признаков и обнаруживает также ряд разновидностей. Основой метонимии служат пространственные, событийные, ситуативные, семантические, синтаксические и логические отношения между самыми различными категориями объектов. Они могут принадлежать действительности и её отражению в человеческом сознании, закреплённым отношениями слов между предметами, лицами, действиями, процессами, явлениями, событиями, местом, временем, формой и содержанием и т.п. [24, 33; 25, 236]. «При метонимическом переносе меняется не только вещь, но и понятие нацело. ... При метонимии лишь соседние звенья подобной цепи переноса названия поддаются объяснению, связь же последующих звеньев идёт от одного к другому последовательно и опосредованно, что в корне отличает метонимию от метафоры» [26, 86-89].

В отличие от метафорических переносов, метонимические сдвиги в семантической структуре слов более регулярны и продуктивны. Например, если учесть роль профессиональной лексики в развитии лексико-семантической системы хантыйского языка, станет понятной мысль о регулярности возникновения метонимических переносов, используемых для следующих обозначений:

1) свойство – носитель, субъект свойства: *χōram*₁ ‘красота’ (*χōram* *нэ* ‘красивая женщина’) – *χōram*₂ (*χōramət werlāw* ‘делаем украшения’); в названиях оленя и названиях животного по масти существует тенденция лексического и семантического совпадения, например: *lotəχ*₁ ‘черно-бурый олень’ – *lotəχ*₂ ‘черно-бурая масть’; *ńarawa*₁ ‘белоснежный олень’ – *ńarawa*₂ ‘белоснежная масть’; *kerwoj χānšaŋ*₁ ‘серебристо-пёстрый олень’ – *kerwoj χānšaŋ*₂ ‘серебристо-пёстрая масть’; *χāttar*₁ ‘черно-бурый олень’ – *χāttar*₂ ‘черно-бурая масть’;

2) материал – изделие из него: *ńūki* ‘сыромятная кожа, ровдуга’ (*tinsāŋ leśatti urŋa ńūki wersəm* ‘Для изготовления аркана подготовил сыромятную кожу’) – *ńūki*₂ ‘покрышка (для чума зимой)’ (*ńūkew χota*

laksew ‘Чум накрыли покрывком’; *tõnti*₁ ‘береста’ – *tõnti*₂ ‘покрывка (для чума летом)’; *piršin*₁ ‘брзент’ – *piršin*₂ ‘покрывка (для чума весной/осенью)’; *tũlax*₁ ‘подшейный длинный волос (олень)’ (*tãm ũlen tũlaxəl nowi* ‘у этого оленя подшейный волос длинный, белый’) – *tũlax*₂ ‘воротник ягушки’ (*Săxem tũlaxən jotsem* ‘На ягушку (свою) сшила воротник’); – *tũlax*₃ ‘подшейный, длинный волос (олень), используемый в качестве подгузника для малышей’ (*Otpa tũlax põna* ‘В люльку положи подгузники’);

3) содержащее – содержимое: *an*₁ ‘чашка’ – *an*₂ (*šajen jam: molti kem an ši inssəm* ‘чай очень хороший: выпил достаточно’); *pāsan*₁ ‘стол’ (*leti pāsan* ‘обеденный стол’ (стол, предмет мебели в виде широкой горизонтальной пластины на опорах из дерева с укороченными ножками) — *pāsan*₂ ‘питание, пища’ (*jămpāsan* ‘обильный праздничный стол’) — *pāsan*₃ ‘застолье’ (*pāsan werələsəw* ‘организовывали застолье’);

4) часть – целое и целое – часть: *əxweləm*₁ ‘головной мозг’ – *əxweləm*₂ (*lũw – šit əxweləm* ‘он – умная голова’); *mura*₁ ‘летний не затвердевший рог оленя’ – *mura*₂ ‘рога-панты, копченые на огне’; в номинации названий, обозначающих анатомию животных, наблюдается совпадение с названиями, связанными с использованием продуктов, например: *sijoləŋ*₁ ‘почки’ – *sijoləŋ*₂ ‘почки, употребляемые в пищу в сыром виде’; *weləm*₁ ‘головной мозг’ – *weləm* ‘головной мозг, употребляемый в пищу в сыром виде’; *semwōj*₁ ‘соединительная ткань глазной впадины’ – *semwōj*₂ ‘соединительная ткань глазной впадины, употребляемая в пищу в варёном виде’; *xānšəŋ xir*₁ ‘круглая кишка’ – *xānšəŋ xir*₂ ‘круглая кишка, употребляемая в пищу в варёном виде’ и др.;

Перечисленные типы и разновидности полисемии даны, так сказать, в чистом виде. В реальных словах часто наблюдается взаимодействие и соседство метафорических и метонимических связей: *əxweləm*₁ ‘головной мозг’ – *əxweləm*₂ ‘ум, рассудок’ (*lũw – šit əxwel(ə)m(əŋ)* ‘он – умная голова’) (метонимия) – *əxweləm*₃ ‘пищевой продукт’ (метафора).

Следует различать разновидности многозначности: ассоциативную и ассоциативно-смысловую. Наиболее распространенная разновидность полисемии – ассоциативная многозначность. В её основе лежит дизъюнктивная оппозиция значений, которые несовместимы или очень далеки по своему смыслу (семному, компонентному составу) и связываются лишь ассоциативным признаком (то есть общностью, единством их внутренних форм), скрепляющим совершенно разные понятийные сферы: *tiχəl₁* ‘гнездо (птичье)’ и *tiχəl₂ wert₁* ‘свить гнездо’ и *tiχəl₃ wert₁* ‘создать семью’; *uχəl₁* (*uχəl kel₁* ‘тонкая верёвка’) и *uχəl₂* (*uχəl päl₂* ‘тонкий слух’); *mānti₁* (*jōχi mānti* ‘идти домой’) и *mānti₂* (*unta mānti* ‘сойти с ума’).

Ассоциативно-смысловая многозначность характеризуется не только ассоциативной, но и содержательной связью значений слова, то есть сигнификативно, общими семами их компонентного состава. В основе такой многозначности может лежать как эквиолентная (*ler₁* – подземная часть растения: *jūχ ler* ‘корень (дерева)’ и *ler₂* – внутренняя, находящаяся в теле часть волоса, зуба: *ōχsōχ ler* ‘корень волос’, *peŋk ler* ‘корень зуба’) и *ler₃* – тонкая полоса, линия ‘*waś ler*’ и *ler₄* ‘знак, отметка’ [27, 44]), так и привативная оппозиция (*tāl₁* ‘год’: *Lūwel wetχōšjaŋ tāl* ‘Ей пятнадцать лет’ и *tāl₂* ‘зима’: *Tampuś iški tāl* ‘В этом году холодная зима’).

Распространенность полисемии в хантыйском языке даёт наглядное представление об ее регулярности и закономерностях связи значений в структуре многозначного слова. Одна из основных причин этого явления, как известно, объясняется принципом экономии и заключается в известном противоречии между беспредельностью нашего опыта и ограниченностью ресурсов языка. Как справедливо отмечает В.В. Виноградов, «Язык обогащается вместе с развитием идей, и одна и та же внешняя оболочка слова обрастает побегами новых значений и смыслов» [28, 17].

Многозначность, являясь по преимуществу семасиологической

категорией, обуславливает его главную семантическую функцию полисемии: употребление в сильных, взаимоисключающих друг друга позициях и характеризуются дополнительной дистрибуцией. «ЛСВ многозначного слова, совпадающие по форме, благодаря разным контекстуальным связям с другими словами, различаются по своему значению. В силу этого им обычно свойственно неконтактное употребление» [9, 214].

Литература

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974. 368 с.
2. Будагов Р. А. Язык, история и современность. М., 1971. 299 с.
3. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 152 с.
4. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. V. 250-299 с.
5. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971. 294 с.
6. Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979. 155 с.
7. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. 206 с.
8. Карцевский С. О. Об ассиметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. 3-е изд. Ч.2. С. 85-93.
9. Новиков Л. А. Лексикология // Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. 3-е изд. / Л. А. Новиков, Л. Г. Зубкова и др.; Под общ ред. Л. А. Новикова. СПб.: Изд-во «Лань», 2001. 864 с.
10. Волдина М.К. Лексика // Хантыйский язык: Учебник для учащихся педагогических училищ / Под ред. Е.А. Хелимского.

1988. 13-14 с.
11. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч.1. С.105-122.
 12. Пауль Г. Принципы истории языка / Перевод с немецкого и под ред. А. А. Холодовича. М., 1960. 500 с.
 13. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / Под общ. ред. В. М. Жирмунского, М. М. Гухман, С. Д. Кацнельсона. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 112 с.
 14. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. М.: КомКнига, 2005. 120 с.
 15. Вейнрейх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1970. Вып. V. Языковые универсалии. 163-249 с.
 16. Якобсон Р. Выступление на 1-м международном симпозиуме «Знак и система языка» // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч.2. // Jacobson R. Linguistics and Poetics //Style in Language. New York, 1960. P. 353-358.
 17. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа. 1986. 614 с.
 18. Шмелев Д.Н. Полисемия // Русский язык. М.: Дрофа, 2003. С.352.
 19. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 280 с.
 20. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. М.: Высш. шк., 2001: 415 с.
 21. Будагов Р.А. Закон многозначности слова // Русская речь. 1972. № 3. 140 с.
 22. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М.: Международные

- отношения, 1977. 264 с.
23. Диброва Е.И. // Современный русский язык: теория. Анализ языковых единиц: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 ч.: Ч.1: Фонетика и орфоэпия, Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 181-439 с.
24. Калинин А.В. Лексика русского языка: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Журналистика» / А. В. Калинин. Изд. 3-е. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 231 с.
25. Арутюнова Н.Д. Метонимия // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. 704 с.
26. Реформатский А.А. Введение в языковедение: Учебник для вузов / Под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 2003. 536 с.
27. Скамейко Р.Р., Сязи З.И. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (шурышкарский диалект). СПб., 1992. 271 с.
28. Виноградов В.В. Русский язык. (Введение в грамматическое учение о слове). М., 1972. 9-45 с.

**Символическое значение лексических единиц, обозначающих
части дома (на материале казымского диалекта
хантыйского языка)**

Р.М. Потпот

*Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок, Белоярский*

Аннотация. В статье рассматриваются лексические единицы, обозначающие основные части дома, описывается их символическое значение в структуре концепта «хот» в хантыйском языке.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, фольклорные тексты, концепт, дом, дверь, окно.

Одним из важнейших понятий когнитивной лингвистики является концепт. Он представляет собой ментальную сущность, имеющую имя в языке и отражающую культурно-национальное представление человека о мире [1, 11]. В. А. Маслова определяет концепт как семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и характеризующее носителей определенной этнокультуры.

Рассмотрим лексические единицы, которые обозначают основные части дома, их символическое значение в структуре концепта «дом».

Традиционная деятельность хантов предполагает сезонные жилища, так как в основном этнос ведет полукочевой образ жизни. Типы жилищ можно отнести к стационарным и временным. Строительство дома запрещено вблизи священных мест. Для построения дома хозяин присматривает подходящее место, в зависимости от его хозяйственных и других потребностей.

И мужчина, и женщина – оба участвуют в создании своего жилища. Бревенчатый дом строит мужчина, покрышки для чума изготавливает женщина: *ḡäntiḡḡaw jŷḡ ḡḡtat ɔmḡḡḡat* 'Люди=наши деревянные дома

строят (букв.: садят); *liw sāta jiləp xət əmsəs* ‘Он там новый дом построил (букв.: посадил)’ [2, 47]; *həqəm kūtəp pur qəś ələŋ jəm xət mə wərentijəlməm* ‘Посредине тундры остроконечный хороший чум я тоже изготавливала’ [ПМА¹].

В фольклорных текстах иногда дом появляется чудесным образом: *šitələn imi-xiljə qələm pūš ki kerləs, lipeł nāl lāl xət əmsanśəs, kimpel wət lāl xət əmsanśəs* ‘С этим Ими хилы, если три раза повернулся, то дом сотворил (букв.: уселся), изнутри в четыре сажени, снаружи в пять сажений’ [3, 158]; *naŋk ewəlt naŋk wəŋəl xəpitəs, qəl ewəlt qəl wəŋəl xəpitəs, qəməsijəl*: «*Ma arem ki jelljə mənəl, mə moñsem ki jelljə mənəl, lipeł ki nāl lāl xət at əmsantəl, kimpel ki wət lāl xət at əmsantəl! lipeŋ xət lipeł nəxəs ləjiəl, wəj ləjiəl, i tal liŋk əl təjəl!*» *jina məttirən, lipeł pa nāl lāl xət at əmsantməl, kimpel pa wət lāl xət at əmsantməl! lipeŋ xət lipełə ləŋsəŋən, würtj nəxəsən, pitj nəxəsən teljəwə xətəl təxərtəm! Ši šawisəŋən, ši pitərtsəŋən, qələm xət sūŋən təkənəs* ‘От лиственницы лиственничную щепу отколол, от ели еловую щепу отколол, думает: «Если моей песне дальше литься, если моей сказке дальше продолжаться, пусть возникнет (букв.: усядется) дом – изнутри – в четыре сажени, снаружи – в пять сажений! Внутри дом пусть будет увешан соболями, увешан зверями, пусть ни одного пустого крючка не будет!» Действительно, возник дом изнутри – в четыре сажени, снаружи – в пять сажений! Во внутрь дома вошли: красными соболями, черными соболями весь дом увешан! Складывали-прибирали – три угла дома наполнились’ [4, 92]; *naŋk ewəlt naŋk wəŋəl xəpitəs, qəl ewəlt qəl wəŋəl xəpitəs, əx pāt elti wūškəsle*: *lipeł ki nāl lāl xət at əmsantəl, kimpel ki wət lāl xət at əmsantəl! lipeŋ xət lipeł nəxəs ləjiti, wəj ləjiti i liŋk pa ənt təjəl* ‘От лиственницы лиственничную щепу отколол, от ели еловую щепу отколол, над головой бросил: если изнутри, то в четыре сажени дом появился (букв.: уселся), если снаружи, то в пять сажений дом возник. Внутри дома

¹ ПМА – полевые материалы автора.

шкурку соболя повесил, шкурку зверя повесил – ни одного свободного крючка нет’ [3, 187]. Четвертый угол дома остается пустым, для того, чтобы в будущем люди наполняли его своими приношениями богам, т.е. молодежь должна будет продолжать традиции своих предков.

Лесные существа *меңки* для построения своих домов выдергивают деревья из земли, так как они обладают немалой силой: *imōltijən šiti māntal saxət nār nanjk, nār xol soxtəm xət jelpeləkan ləl* ‘Пока так шел, вдруг впереди из длинных (букв.: выдерганных) лиственниц, из длинных (букв.: выдерганных) елей дом стоит’ [3, 156]; *kāt oħar meŋk iki, mättirən, nār nanjk, nār xol soxtəm xətən ul* ‘Двухголовый мужчина менк, оказывается, спит в доме из длинных (букв.: выдерганных) лиственниц, из длинных (букв.: выдерганных) елей’ [ПМА]; *xətəl aj xon, wante, nār nanjk, nār xol soxtəm xət* ‘Дом-то разве маленький? Из длинных (букв.: выдерганных) лиственниц, из длинных (букв.: выдерганных) елей построенный дом’ [ПМА].

Построив дом, хозяин делает жертвоприношение, окропляя угол дома кровью жертвенного животного; окуливается и осваивается внутренность дома, например: *əwəŋ xət əwən pūšsələn, liperəŋ xət liperija lōhsəŋən* ‘В дом, имеющий дверь, дверь отворили, в дом имеющий чрево, вовнутрь вошли’ [ПМА]; *ašel-ankeł hōki xət liperiən əməsləŋən* ‘Родители в чуме сидят’ [ПМА]; *in xo xəl tǎxtije ləl nōx wūs, in xət liperija lōhəs, wantijəlləlle, jām aratjūxtǎxtije wəl* ‘Этот мужчина взял съестные припасы, внутрь этого дома вошел, смотрит, достаточное количество дров имеется’ [ПМА]. Казалось бы, внутреннее пространство дома – это то место, где живут люди, здесь реализуется женское начало, но и тут случаются необычные вещи, чудеса: *i-i xət liperija tālan telən lōhmal wənt xər, wən əŋtər xər iki jōlan nawrijəltal* ‘У-у, в дом полностью вошел лесной бык, с огромными рогами бык в доме прыгает’ [ПМА]; *xət liperiən, aj ikilənki wantijəl, ləwəŋ taś, misəŋ taś xōljewa ākəmmel* «*i mōj piś, mōj mitra?* - *nəməsiəl* ‘Внутри дома, маленький мальчишка смотрит, табуны лошадей, стада коров собрались. «Что за проделка,

что за чудо? – думает он»; *pa śi χət līpija jošlāl, pāntlāl wəllət, a kim etəm āntəm. Wer mitrajəχ χət!* ‘Внутри дома есть следы, а из дома нет следов. Вот с чудесами дом!’ [ПМА].

В дом попадают через *ов* ‘дверь’, но в хантыйской культуре не менее важное значение имеет и *ишн* *ов* (букв.: окна дверь), *щухал ов* ‘дверь чувала’, например: *śōχal ow ewəlt wantijəl: imel imi etəsəl* ‘Через отверстие чувала заглядывает: тетушка его сидит’ [3, 158]. Заглядывать в дом через окно нельзя – это особое место, через которое заносили раньше медведя для медвежьих игрищ. Про окно говорят: *ñāl sūŋpi jermak lət χət līpijən jəŋkən pətla, kamən ānt pətla* ‘Четырехугольная шелковая лунка внутри дома льдом покрывается, снаружи не замерзает’ [5, 37]; *χət pitər śel wōχ* ‘На стене дома серебряная монета’ [6, 11]; *śitənən iśñi ilpija imi saŋən mǎnsəŋən, śel kew, mur kew śiw ōwlatəŋən* ‘После этого сели они с женой возле окна и в сплошной камень, в крепкий камень превратились’ [3, 187]. Они навечно стали богами, охраняющими этот дом и смотрящими за порядком в этом мире. Камень в данном случае символизирует вечность.

Дверь – это тоже особое место. Перед ней нужно принять решение, как на развилке дорог: ты не знаешь, что тебя может ожидать за дверью, например: *śālta in aśel χət owa jūχətəl* ‘Затем к двери дома отца Торума приходит’ [ПМА]; *in aj ikileŋki kira pōtalel śiw χət owa lǎrimal* ‘Туда, к двери дома прикатилась гиря этого мальчишки’ [ПМА]; *oχələn mǎnəs ūpəl ñūki χət owa* ‘На упряжке подъехал он к двери чума тестя’ [ПМА]; *χət owa jūχtəmsət, ja śi ñūki χət ow pelki χōreməsī, ñol jōχli jeśalt tāχti śi pitsət* ‘Подъехали к чуму, дверь чума откинули и стали метать стрелы внутрь’ [7, 33]; *in mōnti oləŋ ñūki χət owa ūkkeləl jirsəlle, in kimət χət owa ūkkeləl jirləlle* ‘В прошлый раз возле двери первого чума вожжи привязывал, теперь у двери второго чума вожжи привязал’ [ПМА]; *tālta kira pōtalen ma χət owem mōχti śi mǎnəl* ‘Теперь твоя гиря пройдет мимо моей двери’ [ПМА]; *jōχi lōŋəs, χət owa śānśəl ñcrətmən śi ləl* ‘Вошел в дом, стоит спиной, опершись о дверь’ [ПМА]; *śərñi χət owən*

in xətəl pelək təsəy işnija siw juxətəl ‘Подходит (находит) с солнечной стороны к окну с перекладиной около золотой двери’ [ПМА].

В фольклорных текстах указывается на то, что дверь еще нужно найти и суметь открыть ее, например: *əwəl kənši əlhitəs, xıw kənşəs, wan kənşəs, wantəl, ħūr isa xət əw si, əlhitləlle karaləti pa wəşəl. sitijəšašəs kəšman, iməltijən, jir pa wəjtəs in xət jira ješa xətəs, lūñti kem xəla jıwəm artən lipija si luñəs* ‘Начал искать дверь, долго ли, коротко искал, смотрит он, как будто это она, начинает ее ковырять, она опять исчезает. Пока так искал, вдруг, край двери он нашел, дверь немного отодвинулась, когда она открылась на достаточную ширину, чтоб войти, вошел он внутрь’ [3, 201]; *xət məxələj si şətl, ši lərijəl, iməltijən xətl pelk jirən wantijəl: əl məniti ki əw xərasəp ət si kəl, in əw kəkərtəsle, nəx pənşənşəs* ‘Вокруг дома ходит, кружит; наконец, со стороны солнца смотрит: как будто, дверь видна, эту дверь ковырнул, она открылась’ [ПМА]; *iməltijən əw xəlije künşkarən ətəmsəlle, juxi ši luñəs* ‘Наконец, щель в двери ногтем подцепил, вошел внутрь’ [ПМА]; *in jəməñ xət lapət pıš ləñəlsəlle, məlti şıñkije wəjtəs, in əw şälta pıñşənşəs* ‘Семь раз обошел священный дом, нашел что-то маленькое – и дверь открылась’ [8, 18]. Дверь очень часто охраняется, и вовнутрь запускаются не все: *əwa şəşəs, akarəñ-wəşəñ əriləñ-kəniləñ, lipəltə tür sij saşəl: «akarəlam-wəşəlam, manem mosti xəjat ki, nuş pərkatalən pa xəxi wəşkalən, mənənt mostut ki, ara mənşemalən»* ‘К двери подошел, собаки-коршуны рычат-скалятся, изнутри слышен голос: «Если мне нужный человек, оттряхните и домой запустите, если не нужный – разорвите на куски» [ПМА]; *akarəlal-wəşəlaləñ in lənşlal nəx ħəməşijət, əw ewəlt xəxi pəxəlməşij* ‘Собаки-коршуны снег с него слизнули, в дверь вовнутрь затолкнули’ [ПМА]; *təram xət əw lawəl, xətəl lawəl, at lawəl* ‘Отца Торума дверь дома охраняет, днем охраняет, ночью охраняет’ [9, 58]; *təram aşel sərri əwpi lapət xət əw si ləşəlsəlle, pıšsəlle* ‘Отца Торума золотые двери имеющие семь замков, двери распечатал, открыл’ [ПМА]; *kət əxəp akeł iki i kürəl in xət əwəl ewəlt kim*

pərmijəlsəlle, aj xilela šorəs līptəŋ jūx mäsle ‘Двухголовый дядюшка одной ногой из двери дома шагнул, маленькому внуку тысячелестное дерево дал’ [10, 30].

Отворив дверь, вошедший оказывается на пороге, символизирующем разделительную линию своего и чужого пространства. Недаром усиливают защитную силу порога с помощью железных предметов – топора, точильного бруска. Порог по-хантыйски называется *ов хон* ‘(букв.: лодка двери)’, подоконник *ишни хон* ‘окна лодка’, что символизирует путь от порога *in iki šiw etəl pa, ewləŋəl ǫx top əw xəpən əməsəl, sɔlləl pūt jūxa jǫwərtəmət* ‘Мужчина приходит туда, только голову падчерицы находит на пороге, и кишки намотаны на палке для подвешивания котла’ [ПМА]; *nimpləŋ səxəl xət xərjija əw jǫxi lǫŋtj tǫxija ǫləs* ‘Доска для разделывания рыбы легла у порога’ [ПМА].

Дом, как малое пространство, имеет вертикальное измерение, над домом – чердак с божествами: *xət ləŋxələn xət laŋələn* ‘Их домашние божества на чердаке’ [2, 41], под ним – подвал, символ иррационального, где находятся темные силы: *imǫltjən, xətχəri rātiti pitəs, rātijəs, rātijəs, xətχər səxlət nǫx ši təxneməsət. Šǫlta kartj mīləp, kartj xǫnəp jǫlən nǫx etəs* ‘Вдруг пол стал трещать, трещал, трещал, половые доски вылетели, оттуда вышел в железной шапке, с железным животом ялань’ [3, 160]. Так же в оппозиции (низ – верх) находятся пол и потолок, сверху – боги, а внизу – силы, опасные для человека: *ilən – sət, nəmən – sət* ‘Снизу – сто, сверху – сто’ (Пол и потолок). Это пространство членится и по горизонтали, где в центре находится человек.

Традиционный хантыйский дом делится на мужскую и женскую половину, и все в доме подчинено этому принципу. Невысокий столик для еды ставят к нарам между женской и мужской половинами. Таким образом, прием пищи становится моментом, объединяющим мужскую и женскую половины. На стол накрывает хозяйка, например: *šašǫpələn sūrəŋ pāsənən, mawəŋ pāsənən əməsətsa* ‘Тетушка медовый стол, стол с

яствами поставила' [10, 26], правда, по данным фольклора, стол может возникнуть сам, чудесным образом, например: *jŭxi luŋəɫ, mättirən, χotχäri kütəpən əɫ tiwəm lant päsən, əɫ tiwəm sürəŋ päsən, pəsəŋən əɫ mqlaləɫ, əɫ kawərəɫ*. 'Заходит в дом, смотрит – посреди дома стол с медом стоит, стол с яствами стоит, пар над ним поднимается' [10, 19]. За стол садятся в следующем порядке: ближе к священному углу садится хозяин, рядом сыновья и дочери, не достигшие совершеннолетия; со стороны входа садится хозяйка, ее старшие дочери. Пока все не закончат кушать, из-за стола никто не выходит, тем более не было принято уходить из дома во время еды. Если кому-то нужно было уйти, то уходящий говорит хозяевам: *päsənən katlälən* 'Держите стол', если стол не держали, то считалось, что уходящий уносит с собой *ɫetut jor* 'питательность пищи', *ɫetutläl anli pitnət* 'пища останется без питательности'. Закончив трапезу, со стола убирают посуду, остатки еды, столик переставляют к стене [11, 71-73].

Особо важным является пространство за домом: *χot šänš* 'спина дома', его нельзя пересекать, как и нельзя проходить за спиной старшего по возрасту человека.

Во-первых, это пространство священо, там происходят священнодействия и находятся священные предметы: *pŭknəl ewtəm χänti χojen šäχa šänšəŋ χot šänšələn, wante, mōlti əɫ sūmtap joxəl wŭr täjlət, šänšəŋ χot šänšələn jŭr-porŭ at werlət* 'С отрезанными пупами хантыйские мужчины за спиной дома, имеющего – спину, в роще со стройными березами жервоприношения-угошения пусть приносят' [ПМА]; *kim etsəŋən, χot šänšəna mäsəŋən jeməŋ oxəl χəpəŋa* 'Вышли на улицу, за спину дома, прошли к священной нарте' [ПМА]. Во-вторых, там живут существа, встреча с которыми нежелательна для человека: *šänšəŋ χot šänšən pɛɫa, ar naŋki naŋkəŋ paj, sət naŋkpi naŋkəŋ paj χōša jəlan iki wɔɫ* 'За спиной дома, имеющего спину, в лиственничной роще с многими лиственницами, в лиственничной роще с сотней лиственниц мужчина-ялань живет' [3, 193].

В-третьих, из этой части дома могут поступать сигналы, знаки для хозяина дома, например: *tāmen met tarma śi χot śānšēmən χātsǎlle. Jiŋk χūl, wənt wəj pāntəl ewəlt wəŋən iki joχi kerlətələn śi χot śānšēmən χātsǎlle. Ma śi artən śi wəlem šaj, mōj pūt wertj pitlām* ‘Этот сильнее других в спину дома стукнет. С пути лесных зверей, водных рыб, когда твой дядя назад повернет, спину дома ударит, тогда я знаю: еду-питье надо готовить’ [ПМА].

В чуме важной и совершенно особой деталью является жердь чума, например: *χosen oχlap χot lənśəs* ‘С двадцатью жердями чум поставила’. Эта жердь в определенной степени может охранять хозяина дома, подавать знаки, например: *χelonte šāχa, χot śānšēmən ewəlt χot jūχēmən śi sǎl’atəl* ‘Слушай, потом с задней стороны чума жердь брякнет’; *χot jūχən siǰəl śi satl* ‘Жердь чума звук подает’.

Итак, мы описали символы, связанные с домом. Основное значение этих символов связано с сохранением для домочадцев удачи, счастья, с передачей традиций молодым. Запреты так же способствуют сохранению целостности пространства, его ограничению и выходу (или переходу) в другое пространство.

Литература

1. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. Мн: ТетраСистем, 2004. 256 с.
2. Соловар В. Н. Моңчат па путрат. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1996. 68 с.
3. Молданов Т.А. Земля кошачьего локотка. Кань кунш олӑн. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 244с.
4. Успенская С.С. Касум мув моңчат-путрат. Сказки-рассказы Земли Казымской. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 292 с.
5. Немысова Е.А. Хантыйские загадки: Учебное издание. СПб.: ООО «Миралл», 2006. 52 с.
6. Соловар В.Н., Морокко С.Д. Хантыйские загадки. Ханты мир

моньщуптэт / Под ред. Н. Б. Кошкаревой. Ханты-Мансийск: Изд-во «Н.И.К.», 1997. 24 с.

7. Шмидт Е., Пятникова Т.Р. Араң моньщат (моньщ-арат) Песни-сказки. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 164 с.

8. Хомляк Л.Р. Ас имеет моньщат. Сказки обских женщин. Ханты-Мансийск: ООО «Доминус», 2011. 77 с.

9. Себурова Т.С. Найң мўв, вёртаң мўв моньщат – “Сказки божественной земли”. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2009. 88 с.

10. Потпот Р.М. Най-вэрт путрёт. Легенды земли божественной. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2011. 52 с.

11. Лапина М.А. Этика и этикет хантов. 2-е изд. Томск-Екатеринбург: ООО «Баско», 2008. 120 с.

Лексика духовной культуры в рукописном словаре XVIII века
В. Крекнина и И. Платунова

С.А. Сергеев, кандидат филологических наук, доцент
*Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В.М. Васильева, Йошкар-Ола*

Аннотация. Во 2-ой половине XVIII века по разным социально-экономическим причинам было составлено немало словарей на финно-угорских языках. Почти все они остались неопубликованными. Одним из таких лексикографических произведений двухвековой давности является рукописный «Краткий черемисский словарь с российским переводом...». Составителями ценнейшего памятника марийского языка являются протоиерей В. Крекнин и дьякон И. Платунов. В корпусе словаря наряду с другими пластами лексики наличествуют лексические единицы, относящиеся к духовной культуре марийского народа. Они являются своеобразным зеркалом, отражающим особенности общественной жизни народа мари того периода.

Ключевые слова: лексикография, рукопись, памятники письменности, мари, духовная культура, лексема, культура, обрядовая лексика.

Во второй половине XVIII века появились в свет двуязычные словари по финно-угорским языкам, которые остались в рукописном виде. По структуре они – национально-русские, что намного повышает их ценность. В истории отечественной лексикографии они являются словарями филологического типа, которые были подготовлены не по трафаретному русскому словнику. К таковым лексикографическим памятникам можно отнести следующие рукописные сочинения:

«Краткий черемисский словарь с российским переводом, собранный Кукарской слободы Троицкого собора протоиереем Василием Крекниным и Спасской церкви диаконом Иоанном Платуновым. 1785 года» [1], «Краткий вотский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный села Еловского Троицкой церкви священником Захарием Кротовым. 1785 года» [2], «Краткий пермский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный города Перми Петро-Павловского собора протоиереем Антонием Поповым. 1785 года» [3]. Примечательно, что все эти национально-русские словари составлены в одном и том же 1785 году. Они совпадают с годом подготовки «Словаря языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих: именно россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис...» Димитрия Дамаскина.

В этом же году были составлены более краткие словари, в которых лексические единицы расположены по тематическому принципу. В эту группу входят такие неопубликованные словари, как «Краткий вогулический словарь с российским переводом, собранный и по разным материям расположенный города Соликамска Свято-Троицкого собора протоиереем Симеоном Черкаловым. 1785 года» [4], «Краткий пермский словарь с российским переводом, собранный и по разным материям расположенный города Перми Петро-Павловского собора протоиереем Антонием Поповым. 1785 года» [5].

Как видно, во 2-ой половине XVIII века было составлено довольно большое количество словарей по финно-угорским языкам, в частности и по марийскому, и почти все они остались неопубликованными. Среди марийских памятников особо можно выделить «Краткий черемисский словарь с российским переводом...» Василия Крекнина и Иоанна Платунова. В истории отечественной лексикографии он является первым национально-русским словарем, который и по качеству, и по

количеству охвата лексики отличается от других лексикографических произведений XVIII века.

Особую ценность в словаре В. Крекнина и И. Платунова представляют слова, связанные с духовной культурой марийского народа.

Лексику, относящуюся к духовной культуре марийского народа, можно классифицировать на следующие лексико-семантические группы:

1) слова, связанные с просвещением и культурой, например: *писма* ‘буква, письмо, писмецо, цыдулка’, *пумага* ‘бумага’, *тушто* ‘закоулка, загадка’, *тылмаць* ‘переводчик, толмач’, *возомашь* ‘описание, писание, записка’, *волголтармаш* ‘просвещение’, *тунуктумаш* ‘наставление, наказание, учение’, *кнана* или *кинага* ‘книга’, *пумагань* ‘бумажный’, *кнагань* ‘книжный’, *волгалтаремь* ‘просвещаю, осияваю’, *печатлемь* ‘печатаю’, *воземь* ‘описываю, пишу, подписываю, записываю, выписываю’, *угуць воземь* ‘переписываю’, *юмбаць воземь* ‘надписываю’ (ср. *юмбач возем*), *возошо* ‘писарь, писец’, *тунуктыдымо* ‘не ученый’, *тунуктумо* ‘ученый’, *тунукташь јоршо* ‘к учению способный’ (ср. *туныкташ йӧрышӧ*), *сереше* ‘писарь, писец’, *тунемашь јоршашь* ‘к учению способность’ (ср. *тунемаш йӧрышаиш*), *устань лиштыше* ‘художник, ремесленник’, *тунуктузунь сомоль* ‘учительская должность’ и другие;

2) слова, связанные с музыкой, искусством, например: *скрипка* ‘скрипка’, *томбра* ‘балалайка’, *тюмурь* ‘барабан’ (ср. *тӱмыр*), *јонгежь* ‘смычок’ (ср. *йонгеж*), *лиштень* ‘рожок’, *идань* ‘тятива, струна’ (ср. *йыдан*), *кисле* ‘гусли’ (ср. *кӱсле*), *пучь* ‘дудка, рог, в которой трубят’, *муро* ‘песнь, стих’, *тэрь мурумашь* ‘пение согласное’ (ср. *тӧр мурымаиш*), *кушталтемашь* ‘плясание, пляска’, *мурузо* ‘певец, певчий’, *куштумашь* ‘танец, танцеванье’, *муремь* ‘звеню, пою, напеваю’,

муруктемь ‘воспеваю’, *кушитэмь* ‘пляшу, позволяю’, *кушталтемь* ‘танцую’ и некоторые другие;

3) названия праздников, игр: *рошито* ‘Рождество Христово’ (ср. *Рошито*), *конь кече* ‘страстная неделя’ (ср. *Кон кече*), *жаптыме юмашь* ‘безмерное пирование’ (ср. *жапдыме йўмашь*), *перамь* ‘торжество’, *ую арнеі* ‘масленица, сырная неделя’ (ср. *Ўярня*), *пирамь кече* ‘праздничный день’, *кугече* ‘светлое Христово Воскресенье’ (ср. *Кугече* ‘Пасха’), *изи паерамь* ‘торжество малое’, *пайрамань* ‘празднество, праздник, праздничный’, *куляемь* ‘праздную’, *паерамь ултэмь* ‘торжествую’, *кугу ковашите мече* ‘мяч кожаный’, *мотмашь* ‘игра’, *модошь* ‘игрушка, забава’, *урбезень модошь* ‘игрушки’, *мече* ‘мяч’, *модомашь* ‘увеселение, утеха’, *мотиань* ‘игроватый, игривый’, *лудене модамь* ‘в кости играю’, *модамь* ‘играю’, *модоктемь* ‘увеселяю, похваляю, прославляю’ и другие;

4) обрядовая лексика, где можно выделить:

а) слова, связанные со свадебной лексикой, например: *сюань* ‘брак’ (ср. *сўан*), *сюань маре* ‘свадьба’ (ср. *сўан марий*), *кузукь* ‘приданое’, *шергашимь вапталтемь* ‘обручаюсь’, *марлань пуэмь* ‘замуж выдаю’, *марлань лектамь* ‘замуж выхожу’, *ойырлемь вате дене* ‘развожуся с женою’, *уишемь* ‘в супружество вступаю’, *тюмурь кыриа* ‘барабанщик’ (ср. *тўмыр кырыше*), *куштузо ватэ* ‘танцовщица’ и некоторые другие;

б) слова, относящиеся к понятиям смерти и похорон: *шюгарь* ‘могила’ (ср. *шўгар*), *шюгарь кю* ‘могильный камень’ (ср. *шўгар кў*), *тоймашь* ‘погребение, похороны’, *цонь шамец коломашь* ‘души умерших’, *колатка* ‘гроб’, *колатка валкю* ‘нагробный камень’ (ср. *шўгарвал кў*), *колашь тоцыше* ‘умирающий’, *колошо* ‘мертвый, умерший’, *колытыме* ‘бесмертие’ и другие;

5) слова, относящиеся к религиозным верованиям, например: *церке жень* ‘церковник’ (ср. *черкыен*), *цокломашь* ‘жертвоприношение’,

тошто юла ‘предание, старинный обычай’ (ср. *тошто йўла*), *куштылго юла* ‘легковерие’ (ср. *куштылго йўла*), *юла* ‘вера, правило, обыкновение’ (ср. *йўла*), *калык юла дене* или *юлатене* ‘по народному обычаю’ (ср. *калык йўла дене*), *цоклемь* ‘в жертву приношу’, *цоклымашке намиэмь* ‘в жертву приношу’, *вюдушку волым* ‘крещение’ (ср. *вўдышкё волым*), *койшо* ‘обряд, церемония’, *церке койшо* ‘обряд церковный’, *цокломо кинде* ‘жертвенный хлеб’, *церке* ‘церковь’, *касармашь* ‘покаяние’, *попь* ‘священник’, *суксу* или *суксо* ‘ангел’, *сулукь* ‘грех, беззаконие, преступление’, *каратунь* ‘монах’, *кумалташь* ‘поклонение, моление’, *ультимашь* ‘моление’, *вуй Баль* ‘Ангел-хранитель’, *аркерей* ‘архиерей’, *кайнцемашь* ‘призрак’, *иресь* ‘крест’, *инаныдыме* ‘неверный’, *цондымо* ‘бездушный’, *инанемь* ‘верю’, *сулукань* ‘грешник, беззаконный’, *касаремь* ‘исповедываю’, *кумаламь* ‘молюся, поклоняюсь’, *илижашь тоцемь* ‘воскресаю’ (ср. *ылыжаш тӧчем*), *ултемь* ‘молю, умоляю’, *илижаистемь* ‘воскрешаю’, *каргыме* ‘проклятый’ и многие другие.

Из области *мифологии* можно выделить такие лексические единицы и выражения, как *тарбылтышь* ‘сатир, леший, лешак’, *киаматынь* ‘адский’, *киаматыште илише шамыць* ‘адские жители’, *сулукь азринь* ‘грех смертный’, *киамать* ‘ад’ и некоторые другие.

6) гадание и колдовство, например: *локтомашь* ‘чарование, отрава’, *локтозе* или *локтозо* ‘колдун, чародей’, *локтошь* ‘колдовство, чародейство’, *локтышь* ‘порча, яд’, *локтешань* ‘ядовитый’, *мужедышань* ‘волшебный’, *мужедамь* ‘волшебствую, ворожу’, *локтемь* ‘отравливаю, порчу’, *мужетшие* ‘ворожец’, *локтомо* ‘испорченный’, *локтошь тэнэ јоромэ* ‘с ядом смешанный’ (ср. *локтыш дене йӧрымӧ*), *можедше* ‘волхв’ и некоторые другие.

Следует констатировать, что все лексемы входят в активный словарный запас современного марийского литературного языка.

Исключение составляют слова *йыдан* ‘тетива, струна’¹ и *каратун* ‘монах’. Они не нашли отражения и в 10-томном словаре марийского языка толкового типа [6, 173; 254].

Рассмотренные лексические единицы дают нам ясное представление о верованиях марийцев, о так называемых злых силах, существующих по их представлениям в природе, о былых религиозных праздниках, обычаях, традициях и многом другом.

Литература²

1. Краткий черемисский словарь с российским переводом, собранный Кукарской слободы Троицкого собора протоиереем Василием Крекниным и Спасской церкви диаконом Иоанном Платуновым. 1785 г. – Эрм. собр. № 197/I, 315 л.
2. Краткий вотский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный села Еловского Троицкой церкви священником Захарием Кротовым. 1785 г. – Эрм. собр. № 197/II, 324 л.
3. Краткий пермский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный города Перми Петро-Павловского собора протоиереем Антонием Поповым. 1785 г. – Эрм. собр. № 206, 131 л.
4. Краткий вогулический словарь с российским переводом, собранный и по разным материям расположенный города Соликамска Свято-Троицкого собора протоиереем Симеоном

¹ В «Словаре марийского языка» с пометами этн. (этнографизм. – О.С.) даны лексемы *йыдан* ‘шерстобойная струна’ (меж почкымо йонезжын кылже) и *йыданшоло* ‘вязовая связка на головке полозьев’ (тервуйым ушышо шоло гыч ыштыме кылдыш) [6, 173].

² Вся литература находится в рукописном отделе Российской национальной библиотеки.

Черкаловым. 1785 г. – Эрм. собр. № 225, 19 л.

5. Краткий пермский словарь с российским переводом, собранный и по разным материям расположенный города Перми Петро-Павловского собора протоиереем Антонием Поповым. 1785 г. – Эрм. собр. № 207, 29 л.
6. Словарь марийского языка. Т. II / А.А. Абрамова, В.И. Вершинин, А.С. Ефремов и др.; Гл. ред. И.С. Галкин. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992, – 464 с.

**Модель элементарного простого предложения
с семантикой состояния атмосферы
(на материале обско-угорских языков)**

В.Н. Соловар, доктор филологических наук

*Обско-угорский институт прикладных исследований и
разработок, Ханты-Мансийск*

Аннотация. В статье описывается модель простого предложения, формируемая глаголами, передающими состояние окружающей среды¹.

Ключевые слова: модель, безактантная, обско-угорские, парадигма предложения, безобъектное спряжение, субъектное спряжение, глагол, предикат, элементарное простое предложение, локализатор.

Модель состояния атмосферы Vf3Sg subj

В данной модели представлен всего один компонент – **Vf3Sg subj**– спрягаемая форма глагола в субъектном спряжении. Предикаты этой модели – нуль-валентные глаголы (и, в принципе, лексико-семантические варианты одновалентных глаголов). Единственным обязательным ее компонентом является глагол, выступающий в формах 3 лица субъектного спряжения. Мы называем ее безактантной глагольной моделью элементарного простого предложения. В хантыйском языке на такие предложения первым обратил внимание Н.И. Терешкин: предложение *Патламыс* ‘Стемнело’ он оценил как односоставное безличное предложение [1, 319-342]. Е.И. Ромбандеева подобные предложения мансийского языка оценивает как эллиптированные двусоставные, где подлежащее регулярно

¹ Выражаем сердечную благодарность нашим информантам – носителям мансийского языка – Динисламовой С.С., Кумаевой М.В., Бохтияровой Т.П.

опускается в речи по той причине, что эти глаголы этимологически восходят к именам: «субъект» как бы включен в представление о действии, и подлежащее было бы тавтологичным [2, 35]. Г.Т. Якушко выделяет в мансийском языке модели с именным актантом или без него, она приводит следующие примеры, в которых в позиции предиката используется глагол: *вѳт=ы* ‘ветер дует’; *хѳталал=ы* ‘солнце сияет’; *тавант=ас* ‘ветер утих’. Автор отмечает, что субъектный актант употребляется нечасто, и в основном это тавтологическое подлежащее. Парадигма модели ограничена вариантами с глаголом в безобъектном спряжении настоящего и прошедшего времени только в форме 3-го лица ед. ч. [3, 10].

Н.А. Лыскова приводит следующие примеры безличных предложений на материале: сев.-манс. *Туи* ‘Снежит’; *Ракви* ‘Дождит’; *Хоталы* ‘Светаёт’; *Турманлы* ‘Темнеет’; *Воты* ‘Дует (о ветре)’; *Тавантлы* ‘Проясняется’ [4].

Е.К. Скрибник и К.В. Афанасьева [5, 55, 56] описывают подобные предложения мансийского языка: *Туймыгт=ас* ‘Пошел снег’; *Тэлым=ас* ‘Наступила зима’; *Пѳстыгл=ас* ‘Рассвело’; *Кон сака вѳт=ы* ‘На улице очень дует’; *Кон хѳтыл=ас* ‘На улице посветлело’; *Тол=ыс* ‘Снег растаял’; *Хѳталѳл=ы* ‘Солнце сияет’; *Тавант=ас* ‘Ветер утих’; *Ащирма=г* ‘Похолодало’. Приведем примеры из нашей картотеки: манс. *Толы* ‘Тает (о снеге)’; *Мѳлтыплас* ‘Потеплело’, *Асирманлаңкв патыс* ‘Стало холодать’; *Сатумыг патыс* ‘Стало смеркаться’; *Тосамлас* ‘Обмелело’. Аналогичная модель есть и в русском языке: *Светаёт. Стемнело. Смеркается. Потеплело.*

Подобные предложения, образованные *verba meteorologica*, как отмечает Л.А. Бирюлин [6, 24], достаточно полно представлены в работах русских и советских лингвистов. На материале русского языка Н.Б. Кошкаревой [7] выделена модель **LOC Vf 3 Sg n** с семантикой

«состояние окружающей среды».

В состав данной модели автор вводит два компонента – глагол-предикат и локализатор (пространственный или временной). В хантыйском языке нам встретились примеры, в которых представлен временной локализатор: *Йсшавөл пйтлэты пйтэс* ‘Скоро стало темнеть’; *Алэң са йсртэс, төрмэв иса пйлэңэн лйп тўвман тййса* ‘Утром шел дождь (букв.: дождело), все небо было затянуто тучами’; *Тйм ол сыры потэл* ‘В этом году раньше замерзнет (о земле, реках, озерах)’; манс. *Тот тыхотал туясьлы* ‘Там снежит сегодня’; *Молхотал тым туис* ‘Вчера тут снежило’.

В хантыйском языке на материале казымского диалекта нами выявлено 18 глаголов, способных формировать односоставные глагольные предложения. Все эти глаголы употребляются только в 3 л. ед.ч. настоящего и прошедшего времени изъявительного наклонения (за исключением некоторых глаголов, которые допускают употребление их в определенном времени). Например: хант. *Пйтлэл* ‘Темнеет’; *Пйтлэс* ‘Стемнело’; *Пйтламал* ‘Стемнело=оказывается’; *Йолхаммал* ‘Стало прохладно=оказывается’; *Рымхаммал* ‘Смеркается=оказывается’; манс. *Толанты* ‘Тает’; *Толуңкв патыс* ‘Стало таять’.

Такого рода глаголы в небольшом количестве представлены во всех языках мира. Их конструктивные возможности своеобразны. В разных языках подобные предложения формально организуются по-разному. Хотя называемые ими процессы объективно бессубъектны, некоторые языки требуют чисто формального присутствия подлежащего – например, в немецком, французском, английском вводится подлежащее типа «оно» (нем. *esregnet*, англ. *it rains*, франц. *il pleut* ‘идет дождь’, букв. ‘оно дождит’). В хантыйском языке нет варианта с семантически опустошенным, формальным подлежащим. Русский, наоборот, избирает значимое подлежащее и «пустое» сказуемое: *дождь идет*,

или обходится без подлежащего – *дождит, дует, морозит*; иногда используется также тавтологическая конструкция – *гром гремит*. В тюркских языках иногда используется подлежащее – *небо*. В других финно-угорских языках также встречаются авалентные глаголы, обозначающие явления природы, например: в коми языке, удмуртском, мордовском, марийском, финском: к-п. *пемдо* ‘темнеет’, удм. *пеймыта* ‘темнеет’, морд-э. *сундерьгадсь* ‘стемнело’, мар. *касештеш* ‘вечереет’; манс. *turmanlas* ‘потемнело’ (букв.: он (свет) стал темным), *тавант=ас* ‘утих’ (о ветре). В роли предикатов в этой модели в хантыйском языке употребляются собственно безличные глаголы или личные глаголы в безличном употреблении. Мы делим их на следующие семантические подгруппы: 1) глаголы, обозначающие смену дня и ночи: *нувсмэты* ‘светать’, *хэтлэты* ‘светать, рассветать’, *рымхэмтты* ‘смеркаться’, *пйтлэты* ‘стемнеть’; 2) глаголы, обозначающие изменения температуры окружающей среды (потепление или похолодание): *йолхэмтты* ‘стать прохладным’ (в жилище), *мелкатты* ‘потеплеть’ (на улице), *ицкатты* ‘похолодать’, *йилятты* ‘стать прохладным’, *лулаты* ‘таять’, *потты* ‘замерзать’.

3) глаголы, обозначающие атмосферные осадки: *йёртты* ‘дождить’, пятнадцать глаголов этой группы могут быть предикатами двух моделей: рассматриваемой сейчас, односоставной и той, которую нам предстоит рассматривать дальше – двусоставной модели {N V_{fsubj}}. Мы считаем возможным выделить эту модель в качестве самостоятельной, особой модели хантыйского предложения, несмотря на небольшое количество глаголов, формирующих эту модель. В пользу такого решения говорит не только ее специфическая семантика, но и достаточно частотное употребление данной модели без субъекта. Своеобразие этой модели проявляется не только в ограниченности, замкнутости круга ее предикатов, но и в том, что ее грамматическая

парадигма тоже очень ограничена. Ее предикат всегда выступает в форме 3 лица субъектного спряжения, то есть, по существу, не имеет изменения в аспекте лица. Парадигма данной модели может быть представлена модификацией по категории фазисности: употребляющиеся в ней глаголы имеют форму причастия настоящего времени, к которой присоединяется глагол *питты* ‘стать’ в форме настояще-будущего или прошедшего времени. Например, *йертэл* ‘Дождит’, *йертты питэс* ‘Уже стало дождить’, *лулаты питэл* ‘Станет таять’, *Йешавөл пәтләты питэл* ‘Скоро темнеть станет’, *Алән вўш эвалт потты питэс* ‘С утра стало замерзать’, *Рымхәмтты ши питэс*.

Rimxəmt=ti=PrPšipit=əs=Ø Смеркаться так стало= PAST=SUBJ/3Sg ‘Стало смеркаться’.

Из модально-временных форм в парадигму модели входят формы, констатирующие совершившийся факт. Эти глаголы выступают в формах на=*мал* – форма неочевидного наклонения, которая выражает неожиданность для говорящего обнаруженного им факта. Например: *Šimelkat=m=aλ* ‘Вот и потеплело=оказывается’, *Jašitewənλə=m=aλ*, *хсҗрајәһхләм* ‘Вот и успокоилось=оказывается (о погоде), съезжу к сетям (осмотреть сети)’, *Kamn jert=t=aλ* ‘На улице, оказывается, дождит’; *Xūwn pätλə=m=aλ*, *jōximāntimcsλ* ‘Давно стемнело=оказывается, домой идти надо’. Глаголы: *melkatti* ‘потеплеть’, *iškatti* ‘похолодать’, *tewənλati* ‘успокоиться (о погоде, ветре)’, *etərməti* ‘проясниться’, *jilatti* ‘стать прохладным’, *хсхәtti* ‘растрескаться (о состоянии зноя)’, *rcxəmtti* ‘загреметь’ в неочевидном наклонении употребляются только в прошедшем времени, так как о некоторых явлениях природы можно судить только по результату, который обнаруживается не сразу. Девять глаголов – *йолхәмтты* ‘становиться прохладным’, *рымхәмтты* ‘смеркаться’, *пәтләты* ‘темнеть’, *йертты* ‘дождить’, *лулаты* ‘растаять’, *потты* ‘замерзать’, *нүсәмәты* ‘светлеть’,

xətləty ‘светать’, *xuyəmtı* ‘уйти (о воде), мелеть’ – употребляются в настоящем и прошедшем времени: *Jerttal* ‘Дождит=оказывается’, *Jetn jertmał* ‘Вечером дожидло=оказывается’. Глаголы *jcwəłti* ‘мести’, *răsti* ‘моросить’ в изъявительном наклонении употребляются только в настоящем времени; они не имеют формы неочевидного наклонения. В русском языке эти предложения варьируют по категории фазисности, чаще указывается на начало процесса, например: “За окнами стало синеть”. В русском языке, как отмечает Н.Б. Кошкарева, в состав такой модели входит обязательная позиция локализатора (пространственного или временного).

В хантыйских предложениях возможны сирконстантны – обстоятельственные распространители, но в состав модели мы их не вводим, они встречаются редко: (*Tām ol syry*) *notəł* ‘(В этом году раньше) застынет, замерзнет (о земле, водных пространствах)’; *Kamn sora nătləs* ‘На улице быстро стемнело’; (*Wera*) *jertəł* ‘Очень дождит’; При актуализации образа действия предикат присоединяет обстоятельственный компонент, состоящий из двух нерасчлняемых единиц: (*Šiw jertən*) *jertəł* ‘Моросит’ (букв.: туманным дождем дождит).

Эта же ситуация может быть представлена устойчивым словосочетанием – *Jertsemənmānəł*. *Jert*=Ø *sem*=**n** *mān*=əł=Ø Дождь=NOM капля=LOC идет=Pr=SUBJ/3Sg (букв.: дождевыми каплями идет) ‘Моросит’. В этом примере два первых компонента представляют собой нерасчлняемое словосочетание – дождевые капли, представляющий собой обстоятельство образа действия; предикат представлен глаголом движения *mānti* ‘идти’. Хантыйский язык отличается тем, что при относительно строгом порядке слов (употребление сказуемого после подлежащего) наличие подлежащего необязательно, тогда как в некоторых языках оно постоянно присутствует.

В мансийском языке, как подтверждают примеры информантов,

в модели **Vf3Sg subj** употребляется 24 глагола: *туи* ‘снежит’; *ракви* ‘дождит’, лозьв. *йисыртас* ‘дождило’; *хоталы* ‘светает’, *турманлас* ‘стемнело’; *воты* ‘дует’; *тавантас* ‘ветер утих’; *вотастас* ‘мело’; *толыс* ‘растаяло’; *малтылас* ‘потеплело’; *польтыс* ‘замерзло’; *этимлы* ‘смеркается’; *постыглы* ‘светать’; *тосамлас* ‘обмелело’; *тэлылас* ‘наступила зима’; *туилас* ‘наступила весна’; *тāквсылас* ‘наступила осень’; *туимлас* ‘наступило лето’; *асирманлас* ‘похолодало’; *сатумлас* ‘смеркается’; *хумплы* ‘бьет (о волнах)’; *курги* ‘гремит (о грозе)’; *курыглалы* ‘грохочет’; *хōхтыс* ‘растрескалась (о земле в засуху)’.

В отличие от казымского диалекта хантыйского языка в данной модели в мансийском языке употребляется еще шесть глаголов; особый интерес представляют глаголы, образованные от имен существительных, обозначающих времена года.

Рассмотрим парадигму модели *ракви* ‘дождит’: *раквыс* ‘дождило’; *раквум* ‘дождило=оказывается’; *раквнэтэ* ‘дождит=оказывается’; *раквуңкв патыс* ‘стало дождить’; *Тыт ат ракви* ‘Здесь не дождит’.

Глаголы *ракви*, *туюңкве* формируют одноактантную модель: *Ракв раквыс* ‘Дождь дождал’; *Туйт туис* ‘Снег снежил’.

Литература

1. Терешкин Н. И. Хантыйский язык // Языки народов СССР. Т. III: Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966. 319-343 с.
2. Ромбандеева Е. И. Синтаксис мансийского (вогульского) языка. М., 1979.
3. Якушко Г. Т. Модели простого предложения с глагольным сказуемым (на материале мансийского языка): автореф. дис... канд. филол. наук. Новосибирск, 1997. 20 с.
4. Лыскова Н. А. Информативные суффиксы в обско-угорских

языках. Салехард, 2006.

5. Скрибник Е. К., Афанасьева К.В. Практический курс мансийского языка. Части 1 и 2. Ханты-Мансийск, 2007.
6. Бирюлин Л. А. Диатезы русских глаголов, обозначающих атмосферные явления: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.
7. Кошкарева Н. Б. Глагольные безличные предложения в составе функционально-семантического поля стательности русского языка // Гуманитарные науки в Сибири. – № 4. – 2006. – 40-45 с.

**Лексическая сочетаемость имен прилагательных,
характеризующих внешность человека в хантыйском языке
(на материале шурышкарского диалекта)**

А.А. Шиянова, кандидат филологических наук
Обско-угорский институт прикладных исследований и
разработок (Ханты-Мансийск)

Аннотация. В статье рассматривается лексическая семантика имен прилагательных, характеризующих внешность человека в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта). Мы проанализировали более сорока лексических единиц, определили лексико-семантические группы данных слов.

Ключевые слова: хантыйский язык, имя прилагательное, лексико-семантическая группа, внешность человека.

Современная лингвистика изучает имя прилагательное в разнообразных аспектах и направлениях. Как заметила Е.М. Вольф, «пути к выявлению и объяснению функционирования прилагательного в разных видах синтаксических и семантических структур лежат в направлении поиска весьма многочисленных факторов, которые, взаимодействуя друг с другом, определяют специфику этого класса слов» [1, 18].

Прилагательные – одна из наименее изученных и наиболее сложных для исследования частей речи в хантыйском языке.

К вопросу о выделении хантыйского прилагательного, как самостоятельной части речи, обращался П.М. Кузнецов и пришел к выводу, что на данном этапе развития хантыйское прилагательное еще нельзя выделить в самостоятельную часть речи. Не следует забывать, что эта категория продолжает находиться в стадии формирования, и это имеет свой положительный момент, так как нам дана уникальная воз-

возможность проследить каким способом и из каких уже установившихся частей речи выделяется новая группа слов, обладающая своим собственным лексическим и грамматическим значением, а, значит, уже имеющая основания считаться самостоятельной частью речи [2, 73].

Актуальность исследования определяется прежде всего недостаточной изученностью лексики хантыйского языка, малой разработанностью проблем лексикологии и лексикографии. Неисследованными остаются многие вопросы лексической семантики, составляющие предмет данной работы.

Целью исследования является определение семантики и системное описание максимально полного инвентаря прилагательных хантыйского языка, характеризующих внешность человека.

К исследуемой теме в сопоставительном аспекте, обращалась С. В. Халили-Квасова, она рассмотрела лексическую сочетаемость имен прилагательных, характеризующих внешность человека, в русском и белорусском языках. Автор выявила, что имена прилагательные, характеризующие внешность человека по отдельным атрибутам его наружности, в обоих близкородственных языках сочетаются с существительными – репрезентантами той или иной микрогруппы. Ряд номинативных единиц может также сочетаться с существительными, называющими другие атрибуты внешности (чаще всего с гипонимами или гиперонимами по отношению к атрибуту, в микрогруппу которого входит рассматриваемая лексическая единица) [3].

С. В. Демидович рассматривал национальную специфику в лексико-семантических группах имен прилагательных, характеризующих внешность человека, и пришел к выводу, что в большинстве случаев между лексемами обоих языков наблюдаются семантические соответствия, что обусловлено как единством членения объективной деятельности, так и близостью русского и белорусского языков. Причем среди прилагательных, характеризующих внешность человека как единое целое, соответствий еще больше, чем среди прилагательных,

характеризующих внешность человека по отдельным ее атрибутам. Это объясняется тем, что разница в семантике номинативных единиц сопоставляемых языков всегда больше в том фрагменте объективной действительности, который члениться более детально [4, 1].

Е.А. Воробьева [5] исследовала имена прилагательные, характеризующие внешность человека по физическим особенностям, в ярославских говорах.

Предметом нашего исследования являются имена прилагательные, характеризующие внешность человека.

Тематическая группа прилагательных, характеризующих человека по физическим особенностям, в хантыйском языке представлена лексико-семантическими группами, оценивающими лицо по следующим признакам: *красивый – некрасивый, высокий – невысокий, толстый – худой*, а также по особенностям телосложения, чертам лица, цвету волос и др.

Широко распространена и весьма употребительна лексико-семантическая группа имен прилагательных, заключающих общую положительную оценку внешности человека с семантикой *красивый*: *хорасэң* ‘красивый, симпатичный’, *хораспи* ‘имеющий красивый внешний вид, облик, красивую внешность’, *хорам*, *хорамэң* ‘красивый’, *вантáпсайэң* ‘красивый’, *вещэң* ‘красивый’. Например: *Щит хоты хорасэңнэ* ‘Эта красивая девушка’; *Хорамэң эвийе, воллы акаñ хорпи* ‘Красивая девочка, совсем как куколка’, *Сэвэң нэ, вещьэң нэ* ‘С косами женщина, красивая женщина’.

Прилагательное с противоположным семантическим компонентом, несущим негативную оценку внешности: *некрасивый*, выражается одним словом: *укицэм* ‘некрасивый, противный, неприятный’, *Укицэм нэңху* ‘Некрасивый, противный человек’.

Представим лексико-семантические группы имен прилагательных описывающих рост человека: значение «высокий» имеют слова: *пáл* ‘высокий’, *кáйрэц* ‘высокий, рослый’. Например: *Сот хоты кúтна пáл*

нын охэл карытал, саплэл карытал ‘Среди ста быков-олений, высокая дева головой вертит, шеей вертит’; *Петраен тэм лун сыс карица йувмал* ‘Петр за это лето таким высоким стал’.

Прилагательное с противоположным значением: «невысокий» выражается словом *лэл* ‘низкий’: *Лэл ху* ‘Низкий мужчина’.

Лексико-семантические группы имен прилагательных, описывающих особенности фигуры человека по значению «полный, толстый»: *кұл* ‘толстый’, *кулы-моры* ‘упитанный’, *войаң* ‘полный’, например: *Лув щэнк кул ики* ‘Он очень толстый человек’, *Кулы-моры хойат* ‘Толстый человек’, *Щикем войаң ими* ‘Такая толстая женщина’.

Лексико-семантические группы имен прилагательных со значением «худой, худощавый» составляют слова: *орам* ‘худой’, *керыйам* ‘худой’. Например: *Орам венипи* ‘С худым лицом’, *Щит воллы керыйам хойат* ‘Он совсем худой человек’.

Ряд прилагательных, характеризующих особенности человеческого лица (его форму, дефекты), выражаются следующими словами: *нёллэн* ‘носатый’, *сэмэн* ‘глазастый’, *сэмлы* ‘слепой’, *пеңкэн* ‘зубастый’, *пеңклы* ‘беззубый’, *мормэн* ‘морщинистый’, *носарэн* ‘сморщенный’, *ломарэн* ‘морщинистый’, *щайкнайэн* ‘с бородавками’, *тушэн* ‘бородастый’. Например: *Щит ун нёллэн ху* ‘Это с большим носом человек’, *сэмэн нэнийи* ‘глазастая женщина’, *Лув сэмлы ими хоца мэнэс* ‘Она к слепой женщине пошла’, *пеңкэн наврэм* ‘зубастый ребенок’, *пеңклы ики* ‘беззубый старик’, *мормэн вени* ‘морщинистое лицо’, *носарэн вени* ‘сморщенное лицо’, *ломарэн вени* ‘морщинистое лицо’, *щайкнайэн нол* ‘с бородавкой нос’, *тушэн ики* ‘бородастый мужчина’.

Следующую лексико-семантическую группу составляют имена прилагательные, характеризующие качество и цвет волос человека: *нави ох* ‘блондин’, *питы охсох* ‘черные волосы’, *вуркам ох* ‘рыжий’, *щайкаең ох* ‘кудрявая голова’, *вотэм ох* ‘седая голова’, *нар ох* ‘лысая голова’, *кул охсох* ‘густой волос’, *вас пун хорпи охсох* ‘мягкие, тонкие волосы (букв.: как утиный пух, волосы)’.

При характеристике внешности человека отмечаются общие физические данные: *таксар* ‘крепкий, здоровый’, *веван* ‘мощный, могучий, сильный’, *вевлы* ‘слабый’, *йовра* ‘кривой’, *новас* ‘гибкий’, *какән* ‘паршивый, покрытый паршой’, *кулы-моры* ‘толстый’ (букв.: толстый, бугристый); *таки-сары* ‘сильный, выносливый’ (букв.: крепкий, выносливый), *дован-сомән* ‘рослый, коренастый, костистый’ (букв.: костлявый, чешуйчатый), *йошлы-кўрлы* ‘без рук, без ног’, *сэмлы-паллы* ‘слепой-глухой’. Например: *Лўв шәнк таксар нәнхуй, нэмасапорайна кашаңант уллийәл* ‘У него очень крепкий организм, он никогда не болеет’, *Лўв шәнк веван ики ус* ‘Он очень сильный мужчина был’, *Ма вевлы питсәм* ‘Я обессилел (букв.: я слабым стал)’, *Нән йовра кўр, холта пела мәнлән* ‘Ты, кривая нога, куда пошел?’, *Эвиен цикем новас* ‘Девочка твоя такая гибкая!’, *Какән ох* ‘Паршивая, покрытая коростой голова’, *Мўн хоцаев куды-моры хойат йохталыйс* ‘К нам приезжал толстый человек’, *Лўв хоты таки-сары хоят ус, лўв талән хор вопица алэмәты веритсәллы* ‘Он-то был выносливым человеком, он целого хора один мог поднять’, *Унащем дован-сомән ики ус* ‘Дедушка коренастый мужик был’, *льаль пөрайн ар хойат йохы йошлы-кўрлы йохәтсәт* ‘Во время войны много людей вернулось домой без рук, без ног’, *Сэмлы-паллы питты* ‘Слепым-глухим стать’.

Таким образом, мы рассмотрели лексическую семантику имен прилагательных, характеризующих внешность человека, в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта). Данные имена прилагательные представляют собой оригинальную группу слов, выражающих внешность человека по привлекательности, росту, оценивающих особенности фигуры, лица и других частей тела, и создающих общее впечатление о его внешних особенностях.

Литература

1. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного (на материале иберо-романских языков). М.: Наука, 1978. 200 с.

2. Кузнецов П.М. Средства выражения признака предмета в диалектах хантыйского языка: дис. ... канд. филол. наук / П. М. Кузнецов. Томск, 2004. 184 с.
3. Халили-Квасова С.В. Лексическая сочетаемость имен прилагательных, характеризующих внешность человека, в русском и белорусском языках // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П. П. Шубы) : сб. материалов V Междунар. науч. конф., 11–12 окт. 2011 г., Минск / редкол. : И. С. Ровдо (отв. ред.) и др. Минск: Изд. центр БГУ, 2011. 259–261 с.
4. Демидович С.В. Национальная специфика в ЛСГ имен прилагательных, характеризующих внешность человека
Режим доступа: <http://www.bsu.by/Cache/pdf/218073.pdf>, дата обращения 24.03.2014
5. Воробьева Е.А. Имена прилагательные, характеризующие внешность человека по физическим особенностям, в ярославских говорах. Режим доступа: http://vestnik.yspu.org/releases/kraevedinie/22_1/ дата обращения 24.03.2014

Коренные уральские языки в сфере «Web 2.0».
Влияние интернета на возрождение мансийского языка.

Хорват Чилла, доктор филологии
*Институт языкознания Венгерской академии наук,
Будапешт, Венгрия*

Сегедский университет, Сегед, Венгрия

Перевод Юдит Дмитриевой

Аннотация. В данной статье показано, как пользуются носители находящихся под угрозой исчезновения уральских языков т.н. «Web2.0»-услугами интернета. Материалы, данные, свидетельствующие о присутствии в интернете находящихся под угрозой исчезновения уральских языков, помимо имеющейся специальной литературы, являются результатом онлайн-наблюдения, начиная с 2007 года. Сбор материала осуществлялся методом снежного кома, основой которого служили социальные страницы «Facebook» и «ВКонтакте», в частности, личная социальная сеть автора статьи. При сборе фиксировались материалы исключительно публичного пространства (т.е. материалы, находящиеся в открытых группах и на публичных сайтах пользователей), из которых удалена вся информация, на основе которой можно было бы идентифицировать личность пользователя. В статье, после краткого представления концепции угрозы для данных языков и понятия языковой ревитализации в интернете, более подробно описывается влияние услуг «Web2.0» на ревитализацию языков. После общей характеристики интернет-присутствия находящихся под угрозой исчезновения уральских языков более обширно показаны онлайн-истории удмуртского и мансийского языков. Выбор в первую очередь обусловлен тем, что в случае удмуртского языка речь идет о быстро расширяющемся, чрезвычайно многогранном материале, что даже оказывает

влияние и на «оффлайн» использование языка. Особенность положения мансийского языка заключается в том, что онлайн присутствие мансийского языка составляет чрезвычайно мало времени, и, таким образом, оно документировано с самого начала, что, в первую очередь, будет иметь значение для более поздних наблюдений, исследований. Статья после демонстрации интернет-положения удмуртского и мансийского языков, завершается подведением итогов.

Ключевые слова: уральские языки, интернет, социальные сети, влияние интернета, мансийский язык.

Влияние интернет-присутствия на положение находящихся под угрозой исчезновения языков

Языковая угроза. Считается, что в настоящее время на свете существуют около 7000 языков, больше половины которых, предположительно, не доживет до конца XXI века. На дюжине самых больших языков, таких как английский, французский, китайский, русский, говорит 45% жителей земли. Из семи тысяч языков около 3000 относятся к языкам, которым угрожает опасность исчезновения¹, в эту категорию, можно сказать, без исключения, входят и коренные языки народов севера.

История исчезновения подвергшихся опасности исчезновения коренных языков в случае каждого из них разная, однако, сам процесс, без исключения, проходит по одному и тому же сценарию. Упомянутый находящийся под угрозой коренной язык постепенно вытесняется из областей использования, его функцию берет возьмет на себя другой

¹ Для измерения опасности языков используются много разных методик, как, к примеру, «GID» шкала Джошуа Фишмана из восьми ступеней [2, 87-110], ее расширенная система «EGID» [3], или шкала, измеряющая языковую витальность проекта «ELDIA» [4]. Однако чаще всего принято ссылаться на шестиступенчатую шкалу ЮНЕСКО, на основе которой языкам присваивается категория «безопасный», «уязвимый», «есть угроза исчезновения», «серьезная угроза», «на грани исчезновения» и «вымерший» [5, 7-8].

язык, таким образом, носители языка – меньшинства, находящегося под угрозой исчезновения, в скором времени без исключения становятся двуязычными. В результате престиж коренного, угрожаемого исчезновением, языка постепенно уменьшается, а потерявший свой престиж и свою функцию язык носители во все меньшей мере передают по наследству следующему поколению. Вслед за двуязычными носителями языка подрастет такое поколение, которое только в малой степени или вовсе не говорит на данном коренном языке меньшинства, не понимает его. Наконец, язык помнят только самые пожилые, живущие глубоко изолированно, носители, и со смертью последнего носителя вымирает и сам язык [2, 39-80].

Однако в научной литературе по социалингвистике, помимо потери языка отдельным человеком и смены языка социумом, известны и многочисленные примеры остановки этих процессов, и даже их полного поворота обратно, попыток ревитализации или возрождения угрожаемого исчезновением коренного языка. Одним из самых известных примеров является программа, созданная для возрождения языка маори, названная «языковым гнездом». В ее результате, подвергшийся угрозе исчезновения в 1980-е годы язык маори, после десятилетних трудов в наши дни усваивают тысячи и тысячи детей в качестве родного [6]. Часто приводят в пример случай с инари-саами языком. Он, благодаря углубленному интенсивному учебному плану, получил новый стимул к жизни, и тогда как в 1992 году на нем говорила пара дюжин носителей, в 2001 году уже зарегистрировали триста носителей и среди них довольно много детей [7].

Ревитализация языков и интернет. Для ревитализации угрожаемых исчезновением языков разработаны уже многочисленные методы. Так как положение каждого языка, подвергающегося угрозе исчезновения, индивидуально и особенно, от степени угрозы зависит, чему при создании программы возрождения придается первичность: планиро-

ванию престижа, корпуса или же освоению [8, 312; 9, 165]. Разработка и осуществление программ, конечно, не только вопрос намерения и сильной воли, но часто и преодоление технических и финансовых проблем. Но если даже финансовая основа программы ревитализации языка обеспечена, то не всегда есть возможность собрать нужных людей в нужное время в нужном месте, из-за большого расстояния или по другим причинам.

Вследствие финансовых и технических трудностей, сопровождающих запуск и работу программ ревитализации, внимание лингвоактивистов скоро обратилось к интернету. Одно из преимуществ пользования интернетом в том, что это требует меньших финансовых средств многих других методов (как, к примеру, издание книг, распространение газет). Он требует всего лишь работающий компьютер и доступ к интернету. Второе его преимущество в том, что он может создать связь с находящимися далеко друг от друга людьми, это касаясь пространства (в данном случае хоть и во времени), пользователи могут вести диалог, могут создать виртуальную общность [10].

При осуществлении ревитализации языка интернет, естественно, не чудо-оружие, а простое средство. Его эффективность зависит от методики использования. По определению Дэвида Кристалля, «хоть и интернет до сих пор ограниченную роль сыграл при содействии языковым изменениям, однако теперь уже важную роль играет в поддержке языкового присутствия» [11, 79]. Тогда как в 1997 году 82% интернет-содержания было англоязычным, данная пропорция к 2010 году уменьшилась до 39%. А по расчетам Кристалля, в 2006 году в интернете появились примерно одна четверть всех языков мира.

Роль интернет-содержаний «Web2.0» в ревитализации языков. Интернет-содержания можно отнести к категориям «Web1.0» и «Web2.0». В категорию «Web1.0» входят те содержания, создатели которых используют их при однонаправленной коммуникации. Функци-

онально они сходны с печатными текстами: роль пользователя ограничивается всего лишь их приемом, нет возможности реагировать на них, толковать, корректировать, заново создавать их. К содержаниям «Web1.0» относятся официальные страницы правительства, новостные страницы, порталы банков, коммунальных предприятий и организаций, и с некоторыми ограничениями тематические страницы, а также и некоторые личные блоги.

К категории «Web2.0» причисляем те содержания, которые представляют собой результат сотрудничества сообщества пользователей. Данные содержания, что характерно, не статичные, а изменяемые (характерна для них и динамичность), пользователи могут написать на них отзывы, могут их редактировать. Такие типичные «Web2.0» услуги это, к примеру, страницы социальных сообществ («Facebook», «ВКонтакте»), страницы, где можно поделиться видео и фотоматериалами («YouTube», «Picassa»), страницы, способствующие онлайн-торговле и аукционам («PayPal», «ebay»), так называемые микроблогные услуги («Twitter»), а также и свободно редактируемые энциклопедии («Wikipedia») [12].

Самые главные преимущества «Web2.0» услуг: они бесплатны и доступны для любого человека при работающем Интернете. На площадях, предоставленных услугам «Web2.0» пользователь без особых знаний по информатике просто может создавать, редактировать содержание и поделиться им с другими (любым количеством пользователей)

Использование «Web2.0» – услуг на языках, находящихся под угрозой исчезновения, в последние годы в кругу лингвоактивистов и языковедов однозначно восстановило их ценность. Изучая связь между цифровой присутствия и жизнеспособностью языка, Корнаи утверждает, что например «Wikipedia» всегда среди первых активных дигитальных языковых сообществ, и может безопасно использовать-

ся в качестве раннего индикатора какого либо языка, пересекающего цифровой разрыв. Он подводит итоги результатов своего исследования так: “Нет «Wikipedia», нет восхождения [языка - ЧХ]. Необходимость создания «Wikipedia» довольно остро ощущается во всех дигитально восходящих языках” [13, 3].

Уральские языки в Интернете

Интернет-история уральских языков. Из числа носителей уральских языков, находящихся под угрозой исчезновения, воспользовались возможностями, предоставленными Интернетом, в первую очередь уральские языки, носители которых проживают на территории России. Несмотря на то, что интернет-история уральских языков чрезвычайно коротка, эта программа на сегодня разветвлена до того, что трудно за ней проследить. Язык трех финно-угорских народов, имеющих свое государство, относительно рано появился в онлайн-пространстве (первый финский и первый венгерский порталы были созданы в 1993 году, а первый портал на эстонском языке – в 1994 году). После этого довольно быстро появились и первые уральские пользователи, (к примеру, первый портал на удмуртском языке функционировал уже в 2000-ом году).

Растет число онлайн-содержания на находящихся под угрозой исчезновения уральских языках, в создании и развитии которого пользователи в первую очередь опирались на платформы «Web2.0» услуг. Сегодня на каждой из чаще всего используемых социальных страниц («ВКонтакте», «Facebook» и «Одноклассники») работают специально созданные для носителей уральских языков группы. Благодаря совместной работе активистов, на странице «ВКонтакте» интерфейс можно использовать даже эрзянский язык, удмуртский и марийский языки. Помимо перечисленного существует и социальная страница – «Uralistica», специально созданная для представителей

уральских народов¹.

Социальные страницы служат не только колыбелью сообщества, создающего языковые содержания, но используются для распространения, рекламы, содержаний созданных на других интернет-площадках. На многих уральских языках пишется и редактируется и «Wikipedia», без надобности полноты: на коми языке, на выро языке, на коми-пермяцком, удмуртском, марийском, саамском языках.

Хотя микроблоги не стали популярными в кругу уральских пользователей [14], сегодня уже все больше людей составляют свои личные блоги, а также новостные сайты на находящихся под угрозой исчезновения уральских языках. Из числа носителей уральских языков на территории России в создании интернет-содержаний по наблюдениям самые активные – удмурты и марийцы: онлайн содержания и услуги на этих языках являются самыми разнообразными, по количеству самыми большими по количеству и самыми эффективными в области ревитализации языка.

Интернет на удмуртском языке. Удмуртский, не смотря на угрозу исчезновения, один из самых идеальных по своему положению язык среди уральских языков России. Количество его носителей от переписи к переписи все уменьшается (в 1989 году 496 522, в 2002 году 463 837, в 2010 году 324 338), и почти половины удмуртского населения живет в городских населенных пунктах (в 1989 году 48,8%, в 2002 году 46,6%, в 2010 году 44,5%), т.е. оно отрывается от той среды и образа жизни, которые, по традиционным представлениям, больше всего обеспечивают сохранение языка меньшинства².

¹ <http://uralistica.com/>

² Данные Всероссийской переписи населения 2010 года. Национальный состав населения Российской Федерации http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/tab5.xls; Городское и сельское население по субъектам Российской Федерации http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/tab1.xls; Население Российской Федерации

В то же время помимо воздействия тенденций, ускоряющих процесс смены языка, известны такие попытки удмуртской языковой общности, которые направлены на то, чтобы остановить, даже повернуть вспять этот процесс. Под влиянием одиночек, а также целых групп активистов возрождения удмуртского языка, у удмуртского языка появляется все новая и новая сфера использования. И раньше существовала пресса на удмуртском языке, издавались на нем книги (как удмуртские литературные произведения, так и переводы с других языков), вещали телевидение и радио, доступна была эстрада на удмуртском, а в XXI веке удмуртский язык завоевывает другие музыкальные жанры, искусство кино, и стал все большую роль играть в информатике и в Интернете тоже.

Компьютерному использованию удмуртского языка способствуют многочисленные программы. В 2013 году была создана программа для проверки удмуртского правописания, с 2012 года существуют программы, используемые на мобильных телефонах. После появления первого удмуртоязычного портала интернет-содержания на удмуртском языке все более разнообразны. Учитывая мнение Корнай, в первую очередь стоит упомянуть о том, что в настоящее время (11 сентября 2014) в онлайн-энциклопедии «Wikipedia» насчитывается 8630 статей на удмуртском языке, из них 3515 оценены как «хорошим» по правилам «Wikipedia». Поэтому удмуртская версия¹ занимает 172 место в списке Википедии.

Большинство порталов государственных организаций Удмуртской Республики, к сожалению, не имеют удмуртоязычного меню, но, по инициативе пользователей, российская социальная страница «ВКонтакте» интерфейс² доступен и на удмуртском языке.

по владению языками http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/tab6.xls

¹ http://udm.wikipedia.org/wiki/Кутскон_бам

² (доступность: 2014. augusztus 10.)

Имеется интернет-архив у издающихся на бумажном носителе газет¹, у традиционных теле- и радиопередач², также работают уже и новостные сайты, которые имеют только онлайн формат³. Хотя и редко обновляются, но начал работать первый гастроблог⁴, и даже первый эротический блог⁵ на удмуртском языке. «Web2.0» содержания настолько меняются, что невозможно за ним проследить: на уже упомянутом портале «ВКонтакте» работает подчеркнуто удмуртоязычное сообщество, группа. Из них «Сэрэмутсьёс» специализировался на комиксы⁶, а группа „Удмуртлык”⁷ идет впереди в показе мемов на удмуртском языке.

Несмотря на то, что появление интернет-содержания на удмуртском языке уже само собой важное событие, все же его настоящая значимость заключается во влиянии онлайн-пользования языком на «оффлайн»-пользование. Помимо мемов на удмуртском языке, на улицах Ижевска появились и удмуртоязычные граффити. Раньше редко можно было увидеть надписи или названия улиц на удмуртском языке, такси «Жужа Ижевская» в Ижевске бесплатно возит тех, кто машину заказывает на удмуртском. Так же поступает и открытый в 2012 году ресторан «Перепеч.кин», где подаются бесплатно удмуртские национальные блюда, заказывающим их на удмуртском языке.

Необходимо отдельно упомянуть и о попкультурном и социалингвистическом влиянии выступления на Евровидении ансамбля «Бурановские бабушки» (по-удмуртски «Брангуртысь песянайёс»). Напомним, что ансамбль «Бурановские бабушки» выступил в 2011

¹ К примеру <http://udmdunne.ru/архив/> и <http://zechbur.com/>

² К примеру <http://www.myudm.ru/taxonomy/term/2718>

³ К примеру <https://vk.com/vanmondyr>

⁴ Ческыт мед кошкоз (Удм. 'Приятного аппетита!') (<http://cheskyt.ru/>)

⁵ Чичпотон (Удм. 'Пробуждающий страсть') (<http://chichpoton.ru/>)

⁶ Сэрэмутсьёс – комиксы на удмуртском языке (<https://vk.com/seremtusjos>)

⁷ <https://vk.com/udmort>

году на фестивале песен Евровидения с песней „Party for everybody” на удмуртском и английском языках, где в финале получил второе место. За выступлением коллектива с особым вниманием следили в Удмуртской Республике, Российской Федерации и по всей Европе. Международный интерес и славу чрезвычайно креативно использовал не только ансамбль, но, примыкая к ним, и удмуртская интернет-публика тоже. Во время фестиваля сайты «ВКонтакте» и «Facebook» были завалены поддерживающими бабушек плакатами и мемами в основном на удмуртском языке. Данную кампанию и в оффлайн сфере поддерживали с помощью разных мероприятий, к примеру, состоялся флешмоб в Ижевске¹ и в Москве². В результате выступления «Бурановских бабушек» и кампании в поддержку удмуртского языка настолько возрос интерес к языку, что Удмуртский госуниверситет не способен был удовлетворить спрос на курсы удмуртского языка для взрослых, просто не хватало преподавателей и свободных помещений. Тогда как обязательные курсы удмуртского языка для чиновников привели к умеренным результатам, это культурное событие драматически повлияло на число обучающихся языку, и на положение удмуртского языка в целом.

Интернет на мансийском языке. Из уральских языков мансийскому больше всего угрожает исчезновение, его тяжелое положение давно известно лингвистам, исследователям [15, 208; 16, 28-30]. Статистические данные этого малочисленного языка по сравнению с другими уральскими языками России, выглядят особенно. Тогда как количество людей причисляющих себя к мансийскому народу постоянно растет (по данным переписей в 1989 году 8279, в 2002

¹ «Флешмоб Бурановские бабушки. Flash mob buranovskie babushki» <https://www.youtube.com/watch?v=cYke5J58Nak>

² «Бурановские бабушки: флешмоб в Парке Горького» https://www.youtube.com/watch?v=6L0PrI_UCbU

году 11 432, в 2010 году 12 269 человек), говорящих на мансийском языке без остановки уменьшается (в 1989 году еще 3184, в 2002 году 2745, в 2010 году уже только 938 человек). Учитывая факт, согласно которому перепись отражает не действительное знание языка, а измеряет лишь оценку респондентов по их собственному признанию (т.е. респонденту достаточно сказать, что он говорит на мансийском, опрашивающий в свою очередь не будет проверять, соответствует ли это действительности, и в какой степени). По всей вероятности, число хорошо говорящих на мансийском, на уровне родного языка, еще меньше.

По данным переписи 2010 года¹ 57,3% народа манси живет в городах, преимущественно больших, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, к примеру, в Ханты-Мансийске, Сургуте, или Кондинском. Хотя большинство манси (так, вероятно, и часть носителей мансийского языка) проживает в городах, ситуацию с мансийским языком можно охарактеризовать так: в сфере городской жизни мансийский язык не играет никакой роли. Мансийский не является официальным языком ни в округе, ни в его отдельных поселениях, нет у него сегмента в городской жизни, официальной или полуофициальной сферы, где он имел бы стабильное присутствие.

Хотя положение ни в коем случае нельзя назвать веселым, несправедливо было бы не упомянуть о тех попытках, которые хотели бы его изменить. Заслуга нескольких призванных борцов и неутомимых активистов, которые пытаются заботиться и восстановить мансийский язык с помощью языковых и культурных проектов, в том,

¹ Данные Всероссийской переписи населения 2010 года. Национальный состав населения Российской Федерации http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/tab5.xls; Население Российской Федерации по владению языками http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/tab6.xls; Городское и сельское население по субъектам Российской Федерации http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/tab1.xls

что мансийский язык и культура присутствуют в больших городах округа, в первую очередь, в Ханты-Мансийске. Цитаделью знания мансийского языка, кроме мансийских ученых, трудящихся в Югорском госуниверситете, Пединституте и Обско-угорском институте прикладных исследований и разработок являются еще газета «Луима Сэрипос», журналисты радио и телевидения «Югория», мансийские музыкальные и танцевальные коллективы. Над распространением мансийского языка трудятся сотрудники Центра «Лылынг Союм» и Театра обско-угорских народов «Солнце».

Тогда как в городской жизни присутствие мансийского языка в официальной и полуофициальной сфере можно назвать слабым, в результате инициатив снизу язык проявляется все больше и больше ранее неизвестной плоскости. Примером такой инициативы является т.н. «Этнодискотека», организуемая ежегодно в рамках празднования Дней родственных народов, или встреча в 2013 году боксера мансийского происхождения Руслана Проводникова, когда спортсмена фанаты встретили в ханты-мансийском аэродроме транспарантами (и) на мансийском языке.

Из заново завоеванных языковых сфер в настоящее время кажется самой значительной – интернет. Подобно появлению на интернете других находящихся под угрозой исчезновения языков, интернет-история мансийского языка тоже начиналась с деятельности отдельных интернет-пользователей в конце 2000 годов. «Web1.0» услуги встречаются в очень малом количестве: на порталах государственных и окружных организаций можно увидеть только переводы нескольких законов на мансийский (и хантыйский) языки¹, а мансиязычные общества в настоящее время представляет одна единственная «Луима Сэрипос», на портале² которой можно найти онлайн варианты статей,

¹ <http://www.kmns.admhmao.ru/wps/portal/kmn/home/docs>

² <http://www.khanty-yasang.ru/luima-seripos>

появившихся в газете. В начальной стадии находятся и «Web2.0» услуги. Употребление языка микросообществом, можно сказать, полностью отсутствует, тогда как для языка ханты на страницах «Facebook»¹ и «ВКонтакте»² создавались уже сообщества. Мансиязычная группа пока еще не существует³, кроме того отсутствуют и мансиязычные блоги, тематические страницы, видеоканалы, публичные проекты, а мансиязычная «Wikipedia» несколько лет уже в инкубаторе⁴ ожидает прибытие старательных редакторов. Помимо текстов, созданных на мансийском языке, значительную часть созданного материала составляют фотографии и видео, имеющие отношение к манси. На социальных страницах пользователи с удовольствием делятся друг с другом снимками, сделанными в повседневной жизни: на мансийских мероприятиях, на праздниках, в поездках в мансийские поселки, семейными и родовыми архивными фотографиями и т.п.

Тем очевиднее отсутствие пользования интернетом малыми сообществами, что индивидуальные пользователи часто используют мансийский язык на двух популярных социальных страницах (в первую очередь, на «Facebook» и «ВКонтакте», а на сайте «Одноклассники» мансийский язык пока не просветился). Преобладающее большинство, использующих на сайтах мансийский язык, живет на территории Ханты-Мансийского Автономного Округа, владеет мансийским языком в качестве родного и составляет интеллигенцию средних лет.

¹ Группа «Ханты путар», на казымсом диалекте. (<https://www.facebook.com/groups/xanti/>)

² Группа «Хантыйский язык», на шуришкарском диалекте. (<https://vk.com/public49481173>)

³ Хотя Вконтакте зарегистрировали группы специально по мансийской тематике, но в группах коммуникация идет на русском языке. На «Facebook» существует страница «Tellervo opettaa sinulle mansia» ('Теллерво учит тебя мансийскому языку' <https://www.facebook.com/TellervoOpettaaSinulleMansia>), но с 2012 года не редактируется, а администратор другой страницы (In Mansi Way 'Мансийским пособием, <https://www.facebook.com/InMansiWay>) не носитель мансийского языка.

⁴ <http://incubator.wikimedia.org/wiki/Wp/mns>

Хотя встречаются и пользователи, моложе этой возрастной группы, и, которые мансийским языком овладели не в детстве, а начали изучать уже будучи взрослыми. Мансийский материал мы взяли у тех пользователей, которые и в каждодневной жизни регулярно говорят на мансийском языке, т.е. журналисты, преподаватели, исследователи. Заслуживает упоминание и такое явление, когда тексты на мансийском языке создают не исключительно лица мансийской национальности. Удалось зафиксировать немало случаев, когда разговаривали друг с другом манси и ханты, манси и иностранцы (финны, венгры, шведы и т.д.) на мансийском языке. Количество интернет-содержания на мансийском языке все еще очень мало, но тот факт, что оно постепенно растет, порождает оптимизм.

Таким образом, как показывают приведенные примеры, активное онлайн-использование находящихся под угрозой исчезновения языков влияет на процесс ревитализации и укрепляет их. Функционирование виртуальных сообществ подкрепляет сцепление «оффлайн»-сообществ и создает новые связи. Интернет, особенно «Web2.0» услуги дают возможность создания и распространения новых многогранных содержаний, вследствие чего расширяется языковой материал, прибавляются функции угрожаемых вымиранием языков малочисленных народов. Благодаря интернет-присутствию укрепляется престиж языка, что, таким образом, может стать мотивацией для большего числа пассивных носителей пользоваться языком, а тех, кто не владеет им, может воздвигнуть освоить язык. Интернет-присутствие угрожаемых исчезновением языков необходимо не только носителям языка и активистам, прилагающим усилия для ревитализации его, но имеет непредвиденное преимущество для исследующих язык, т.к. изучаемый языковой материал постепенно расширяется и изыскания можно распространять на ранее неизвестные области.

Литература

1. Ethnologue: Endangered languages. <http://www.ethnologue.com/endangered-languages>
2. Fishman J.A. Reversing language shift. Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Multilingual Matters. 1991.
3. Lewis M.P., Simons G.F. Assessing Endangerment: Expanding Fishman's GIDS. Romanian Review of Linguistics, 55(2), 2010. 103-120. <http://www-01.sil.org/~simonsg/preprint/EGIDS.pdf>
4. Spiliopoulou Åkermark S., Laakso J., Sarhimaa A., Toivanen R. EuLaViBar Toolkit: Practical Guide to the EuLaViBar Tool, with Reference to the ELDIA Comparative Report. 2014. Доступно: https://fedora.phaidra.univie.ac.at/fedora/get/o:301101/bdef:Container/get/ELDIA_EuLaViBar-Toolkit.pdf
5. Language vitality and Endangerment. Document submitted to the International Expert Meeting on UNESCO Programme Safeguarding of Endangered Languages Paris, 10–12 March 2003
6. Bentonm R., Benton, N. RLS in Aotearoa / New Zealand 1989-1999. In. Fishman, Joshua [ред.] Can threatened languages be saved? Multilingual Matter. 2001. 423-450.
7. Olthuis M-L., Kivelä S., Skutnabb-Kangas T. Revitalizing Indigenous Languages. How to recreate a Lost Generation. Multilingual Matters. 2013.
8. Wardhaugh R. Szociolingvisztika. Budapest: Osiris. 2013.
9. Cseresnyési L. Nyelvek és strarégiák, avagy a nyelv antropológiája. Budapest: Tinta. 2004.
10. Pischlöger C. «Бурановские бабушки» на Youtube: Роль социальных сетей в сохранении удмуртской идентичности и языка в условиях глобализации // Проблемы сохранения нематериального культурного наследия в условиях

- глобализации. Ижевск, 2013. 161-165 с.
11. Crystal D. *Internet Linguistics: A Student Guide*. Routledge. 2011.
 12. O'Reilly T. *What is Web2.0: Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software*. O'Reilly Network. 2005. <http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html>
 13. Kornai A. Digital Language Death. *PLoS ONE* 8(10). 2013: e77056. <http://www.plosone.org/article/info%3Adoi%2F10.1371%2Fjournal.pone.0077056>
 14. Pischlöger C. Udmurt and Welsh in Web 2.0: Language Revitalisation and Social Media. Доклад, представленный на конференции «Language revitalization in a Russian and European context: Exploring solutions for minority language maintenance», Хельсинки, 16-18 декабря 2013.
 15. Munkácsi B.: Nyelvészeti tanulmányútam a vogulok földjén // *Budapesti szemle*, XVII/60. 383-408.
 16. Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки / Перевод с немецкого и публикация Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1999. 28-30 с.

Action nominal construction in northern mansi

Bernadett Biro

Сегедский университет, Сегед, Венгрия

Аннотация. В данной работе исследуются конструкции с именами, выражающими действие, в северном диалекте мансийского языка и их основной синтаксис с точки зрения типологии. Исследование основано на фольклорных текстах, собранных Б. Мункачи и А. Каннисто в конце XIX – начале XX веков, поэтому результаты данного исследования отражают состояние языка примерно 100-летней давности.

Ключевые слова: синтаксис, типология, предикат, конструкция, северный диалект мансийского языка.

1. Introduction

In my paper I examine the Northern Mansi action nominal constructions and their basic syntax from a typological point of view.

Nominalizations and action nominal constructions have been central in linguistic research in the past few decades, as they constitute an instance of structures showing categorially ambivalent behavior [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

The Mansi (or Vogul) language belongs to the Ugric group of the Finno-Ugric language family, which forms a branch of Uralic languages. According to the latest census data (2010) 12 262 people claimed to be of Mansi nationality, 7.6 % of hich spoke Mansi, while practically everybody had proficiency in Russian (<http://www.perepis-2010.ru/>).

Today, under the designation Mansi usually the Northern Mansi regional dialect is meant: it is a variety spoken in a few villages by the lower Ob and its western tributaries the Sosva and Sigva rivers in the Khanty-Mansi Autonomous District (*okrug*) of the Tyumen Region (*oblast'*), as well as by the Lozva river in the Ivel Area of the Sverdlovsk Region. Northern

Mansi is a seriously endangered language, and is currently threatened by the process of language shift to Russian.

I restrict my analysis to the Northern Mansi dialect only, which is also the basis of the Mansi literary language. My research material is taken from folkloric texts collected by Bernát Munkácsi [8] and Artturi Kannisto [9] at the end of 19th and at the beginning of 20th century. The size of my corpus is approximately 165 000 words. The data I used for my analysis includes cca. 700 clauses containing action nominal constructions. (I restricted the number of the clauses slightly by taking into account the frequent, very similar constructions only once.)

My findings reflect the synchronic state of the language at the turn of the 19th and 20th century. The reason for examining older texts rather than newer ones is that there is no available, present-day language material which could be considered as extensive and variable as those collections mentioned above. Another reason is that the language state represented by the folkloric texts is far less influenced by other languages (mainly by Russian) than the present-day Mansi. Thus that language state was rather untinged by language contacts and showed more coherent grammatical picture. I would like to emphasize though, that this does not mean any kind of evaluation: I do not consider neither language state better or worse, my intention was only to show the difference between them.

2. Action nominals and action nominal constructions

Action nominal constructions (ANCs) are noun phrases which have an action nominal (AN) (a noun derived from a verb) as their head, and which also contain one or more reflexes of a proposition or a predicate, e. g. *the enemy's destruction of the city (the enemy destroyed the city); the loud chanting in the quad (chanting loudly in the quad)* [10, 178; 11, 358].

Action nominals constitute a type of lexical nominalization. Lexical nominalization means the process when a verb or an adjective is turning into

a noun. The resulting nouns may be the name of the activity or state designed by the verb or adjective (action/state nominals), or may represent one of their arguments. The difference between the nouns of these two groups is that action nominals retain certain properties of the verbs or adjectives they are related to, while the forms in the second group typically behave syntactically like other nouns in the language, bearing only morphological and (often unpredictable and idiosyncratic) semantic relations to the associated verb or adjective [11, 349].

Action nominals (*Verbalnomen*, *nazvan'ie d'ejstvija*, *action nominal*, *verbal noun*, *nomen actionis*, *masdar*, and English and Latin *gerund*) traditionally constitute a subgroup of non-finite verb forms. But the exact definition of the term 'action nominal' can be vague and unclear, as it is also shown in the different names of these word forms [10, 178; 11, 350-351, 358-360; 2, 6-7; 4; 12, 186-194; 1, 28-32].

Following Koptjevskaja-Tamm I define action nominals as nouns, or such word forms that at least occur in typical nominal positions and show inflectional properties and/or combinability with adpositions typical of nouns. They are derived from verbs in some reasonably productive way, either derivationally or inflectionally, and refer to events and/or facts [4]. Action nominals clearly refer to events, like verbs do, but in contrast with verbs they do it by giving the events a name. So action nominals combine semantic and discourse features of both verbs and nouns. In their morphology they also combine verbal and nominal features and different languages treat them as being closer to verbs or nouns [2, 6].

Action nominal constructions typically have some of the syntactic features of both finite sentences and noun phrases with a non-derived noun as their head.

In linguistics there are two different approaches to the internal syntax of action nominal constructions (and also other kinds of nominalization): the generative and the typological approach.

In the second half of the 1980's deverbal nouns became central in generative linguistic research. The main target of the analyses was the English nominalizations, one of the most extensive descriptions of which was presented by Grimshaw [13]. Grimshaw argues that the deverbal nouns do not constitute a homogeneous group but they have at least two different types. Nouns, such as *examination*, have two different readings: in (1) this noun refers to an event (event-reading), while in (2) it refers to a concrete entity (non-event reading):

(1) *The examination of the patients took a long time.*

(2) *The examination was on the table.* [13, 49].

In the event-reading the noun inherits the argument structure of the underlying verb while in the non-event reading it does not. The two types can be distinguished on the basis of various semantic and syntactic criteria, including the possibility of event interpretation, licensing of argument structure, licensing of adverbs and aspectual modifiers, etc. On structural analyses, these differences have been captured in terms of distinct structural representations [5].

Grimshaw differentiates nouns denoting an event („complex event” nouns) and nouns denoting the result/outcome of an event or simply denoting an entity („result” nouns) on the basis of semantic criteria. In her opinion the basic difference between the two groups is that only the „complex event” nouns can assign theta-roles and only these support the argument structure [13].

(On the generative approach see Lees [14], Chomsky [15], Jackendoff [16], Rappaport [17], Laczký [6; 7], Koskinen [18], Alexiadou [5] among others.)

The second approach [10; 11; 2; 3; 4] discusses the internal syntax of action nominal constructions from crosslinguistic and typological points of view. Comries's conclusion is that action nominal constructions in different languages can be classified “according to the extent to which their internal

structure corresponds to that of a nonderived noun phrase, rather than to the internal structure of a sentence with a finite verb” [10, 200]. Comrie suggests that this classification principle leads us to a continuum between noun phrase-like and sentence-like action nominals. Koptjevskaja-Tamm in her study however shows that although ANC’s can be placed on a scale according to the extent of their ‘sentence-likeness’ and ‘NP-likeness’, this scale consists of discrete points, corresponding to well-defined types of ANC’s. In her classification she identifies seven nominalization types in different languages [2, 60].

3. Action nominals in Northern Mansi

There are several derivational suffixes in Northern Mansi which can form also action nominals. The action nominals derived with these suffixes tend to become lexicalized forms, e. g.: *pantil* ‘cover’ < *pant-* ‘to cover’, *K¹ sotəŋ* ‘enchantment’ < *sa:t-* ‘to charm’, *χa:χmil* ‘ascent, rise, slope’ < *χa:ŋχ-* ‘to ascend, to rise’.

In the texts however we find that mainly the non-finites in *-n* and *-m* (sometimes the non-finite in *-im(a)*) appear as action nominals with “complex event” reading. These deverbal forms in *-n* and *-m* are traditionally called present and past participles, and the nonfinite in *-im(a)* is called converb (or gerund).

Since I have only very few unambiguous examples of the converb in *-im(a)* appearing as action nominal, in my paper I restrict my analysis only to the deverbal nouns in *-n* and *-m*, e. g.:

(3) <i>lu:-majt</i>	<i>ta:rä</i>	<i>pos - nă - iŋ</i>	<i>pajt - awe</i>
horse-liver	through	cook-AN-TRNS	cook-PASS.3SG

‘Horse-liver is being cooked as long as it is completely/properly cooked’
(VNGy² IV: 419)

¹ K = dialect of Konda

² VNGy = Munkácsi, Bernát 1892–1896: *Vogul Népköltési Gyűjtemény I–IV*. MTA, Budapest

- (4) *po:lǝ - əm* *tow* *to:l - ma - tā* *sujti*
freeze-PTCP.PST branch break-AN-SG<3SG can.be.heard
‘Snapping of a frozen branch can be heard.’ (VNGy III: 97)

Interlocking of action nominals and other non-finite verb forms in Northern Mansi is not a unique case, there are several instances crosslinguistically. As a matter of fact we cannot say that there is an exact one-to-one correspondence between non-finite forms (the infinitive, the participle, the converb and the action nominal) and their functions, as it may well be the case that non-finites are most typically used in more than one syntactic function (c. f. Ylikoski 2003: 187). This is the case for example in English, where the non-finite form *crying* can function as a participle, as a converb and as an action nominal as well:

(5) Participle: *The **crying** girl left the room.*

(6) Converb: *The girl left the room **crying**.*

(7) Action nominal: *The girl’s **crying** irritates me.*

While for example in Hungarian there can be found three different forms in the same sentences:

(8) A **síry** lány elhagyta a szobát.

(9) A lány **sírva** hagyta el a szobát.

(10) A lány **sírása** zavar engem.

(On the mutual relations of the non-finite verb forms see Koptjevskaja-Tamm [2, 33-45], Ylikoski [12; 1, 28-32] among others.)

It seems that in Mansi non-finite verb forms also have more than one syntactic function, in the texts typically constructions with these verb forms appear as substitutes of relative and temporal subordinate clauses.

Action nominals and other non-finite verb forms are usually not distinguished in the literature on Mansi. Constructions containing different non-finites and their different functions (as well as the function of the ‘nomen actionis’) is presented under the introduction of the non-finite verb forms [19, 425, 433-436; 20; 21, 146-147; 22, 62, 70; 23, 65-70]. Different authors do not

even treat the non-finites uniformly: they discuss them under deverbal nouns [19] or as non-finite verb forms under verbs [21] or under syntax [23] or treat them as separate word class [22]. While presenting the syntax of Mansi, they mention that constructions with non-finites are used instead of subordinate clauses and they also list the most typical constructions. It is mentioned as well that the participles and the converb can function as a noun, i. e. as an action nominal (*nomen actionis*).

Now let us see, what arguments can support that these deverbal forms can stand as action nominals instead of participles in certain cases.

a) Considering their syntactic role, participles and action nominals theoretically can be easily distinguished since the primary function of participles is to serve as an attribute of a noun in a noun phrase (see (11) and (13)); while action nominals constitute the head of the NP (see (12) and (14)):

- (11) *te:n'-ut va:r - nə kit χum me:təla:l - s - əm*
 food prepare-PTCP.PRS two man hire-PST-3SG

‘I hired two food-preparing men’ (VNGy IV: 331)

- (12) *jäyi-pi:γ - äyən porä - te:n a:st - əs, tu:p*
 elder.brother-DU<2SG raft-SG<3DU get ready-PAST[3SG] only
nariytaχt - nə - te:n ariyt - əs, jāj - ən!
 push.oneself-AN-SG<3DU remain-PAST[3SG] come-IMP[2SG]

‘The raft of your two elder brothers is ready, only pushing away (themselves from the bank) is left, come!’ (VNGy II: 94-95)

- (13) *am se:l - əm puuŋ - əm ne:ne:n ti χu:ljti;*
 I gain-PTCP.PST wealth-SG<1SG for.the.two.of.you so remain
a:ps'i - n ul ljaultə - ln!
 younger brother-SG<2SG do.not scold-IMP.SG<2SG

‘The fortune that I have gained remains for the two of you; don’t scold your younger brother!’ (VNGy IV: 324)

- (14) *a:ps'i - me:n jäniym - əm - ä va:t ta:l - iγ*
 younger.brother-SG<1DU grow-AN-SG<3SG thirty year-TRNS

je:mt - s

become-PAST[3SG]

‘Our younger brother has become thirty years old [lit. ‘his growth became thirty years’].’ (VNGy II: 94)

b) The ability of combining with postpositions and case suffixes also supports the claim that these deverbal forms stand as nouns in these clauses and not as attributes (i. e. participles):

(15) *akw' u:s-χal jäl - nə - n ma:γəs*

One town-space-between walk-AN-SG<2SG for

at sa:t sajɬ mi: - γ - əm

five hundred rouble give-PRS-1SG

‘I give you five hundred roubles for walking there and back (in the town).’ (VNGy IV: 332)

(16) *am tiy' joχt - m - am - t no:ŋχ-masəpa - nə va:j-sup a:t'im*

I here come-AN-SG<1SG-LOC put.on-PTCP.PRS stockings-piece NEG

‘When I came here, there was not even a piece of stockings (to put on) here.’ (VNGy IV: 48)

c) The difference between action nominals and participles can be captured in the ability of expressing tense as well. While participles can express relative tense (compared to the finite verb of the sentence), see (17) and (19); action nominals cannot express even relative tense, not without case suffixes or postpositions, see (18) and (20):

(17) *man ru:piytə - nə ma:χum; naŋ ku:ʃej o:l - eγ - in*

we work-PTCP.PRS people you landlord be-PRS-2SG

‘we are working people; you are a landlord’ (VNGy IV: 334)

‘working people’ → ‘people, who works/is working’, it refers to a present time situation simultaneous with that of the finit verb

- (18) *taw se:məl ke:rpä n'a:liŋ a:l - ä lou tul'äp kitiy*
 (s)he black with.iron with.arrow case-3SG ten with.fingers two
ka:t - nə pu:γ - nä - tä ness sunsenti - ləm.
 hand-LAT take-AN-3SG just look-SG<1SG

'I just look (without defiance) that he takes his black iron arrow case in his two hands with ten fingers.' (lit. 'I look his taking of his arrow case') (VNGy IV: 303)

'his taking' → it can refer to a situation simultaneous with or prior to that of the finite verb ('that he takes/is taking it' or 'that he took it')

- (19) *ja:, känk - ən-pa:lt mujl - uŋkwə jäl - əm xum,*
 well elder.brother-SG<2SG-to stay-as-a-guest-INF go-PTCP.PST man
maj - im an'ä - n tu:p a:lenti - lən?!'
 give-CVB pile-SG<2SG hardly lift-SG<2SG

'Well, you, who went to your elder brother to stay as a guest, you can hardly lift the pile [of gifts] you were given?!' (VNGy IV: 330)

lit. 'a stay-as-a-guest went man' → 'man, who went to stay-as-a-guest', it refers to a situation in the past prior to that of the finite verb

- (20) *Ta:rəm piy numəl ta:räti - m e:ry - ä*
 heaven boy from.above lower-AN song-SG<3SG

'The song of the lowering of heaven's boy.' (VNGy II. 100)

'lowering' → it can refer to a situation simultaneous with or prior to that of the finite verb ('that he is being lowered' or 'that he was lowered')

On the basis of the examples mentioned above it can be claimed that these deverbal forms can function not only as participles but also as action nominals. The proof for this claim is particularly their syntactic position (attribute vs. head of the noun phrase, combining with case suffixes and postpositions) as well as their inability for expressing tense.

¹ It has to be noted however, that on the basis of the context or by means of common sense sometimes also in the case of action nominals it can be found out what kind of relative tense they express. = dialect of Konda

4. The basic syntax of Northern Mansi action nominal constructions

Valency of action nominals is one of the central and most intriguing issues concerning the syntax of action nominals. The expression of the subject and the direct object in the action nominal constructions (ANCs) provides perhaps the most interesting evidence for the hybrid verbal-nominal nature of the action nominal.

In some languages encoding of the subject and the direct object in ANCs is completely similar to the syntax of noun phrases. In other languages we find the retaining of the sentential syntax in ANCs. There are also such languages, where the encoding of the core arguments is partly similar to the sentential syntax and partly to that of noun phrases. And finally in some cases the syntax of the ANCs differs from both sentential syntax and the syntax of the noun phrases.

Following Koptjevskaja-Tamm (1999), action nominals derived from intransitive or transitive verbs are called intransitive and transitive action nominals respectively, and I use the following symbols:

S = the single argument of an intransitive verb

A = the agent argument of a transitive verb

P = the patient argument of a transitive verb.

In Northern Mansi in case of intransitive ANCs the unmarked S precedes the action nominal:

- (21) *piyrisʲ sʲisʲχ - ənə χalt tu: ta χajt - i*
 boy scream-AN during there so run-PRS[3SG]

‘while the boy is screaming, (s)he runs there’ (VNGy II: 59)

If S is a personal pronoun then usually it is crossreferenced by the possessive style agreement¹:

- (22) *ta aj - nə - me:n jui-pa:lt, ta untə - nə - me:n jui-pa:lt*
 that drink-AN-SG<1DU after that sit-AN-SG<1DU after

¹ If S is expressed by a noun, it is also usually crossreferenced by a possessive suffix

jol-χuj - uŋkwə-ke pat - nuw - əme:n ul akw' jot χuj - nuw - əme:n?!
 lie down-INF-if will-COND-1DU do not together lie-COND-1DU

‘After we drank, after we sat [lit. ‘after that drinking of the two of us, after that sitting of the two of us’], if we lie down, do not we lie down together?!’ (VNGy IV: 46)

In transitive ANCs both A and P can be present although it is not too frequent. If both of the core arguments are expressed, then both A and P precede the action nominal (A precedes P), both of them are unmarked and A is usually cross-referenced by the possessive style agreement:

- (23) *naŋ osmä s'o:piytä - nə - n-mu:s osmä joli pa:lt o:s' - nə*
 you pillow arrange-AN-SG<2SG-till pillow under be-PTCP.PRS
out - ä-oul - ä kwon ne:ltä - ln!
 bow-SG<3SG-tip-SG<3SG out stick-IMP.SG<2SG

‘When you arrange the pillows, stick out the tip of his bow being under the

pillow!’ (VNGy IV: 172)

In the majority of the examples only P is expressed, preceding the action nominal, and A is cross-referenced as mentioned above:

- (24) *joməs rus', joməs man's'i tittə - nə - m, ajt - nə - m χaltə*
 good russian good mansi feed-AN-SG<1SG water-AN-SG<1SG during
amki akw' tot te:γ - əm, amki akw' tot aje - γ - im
 myself at.the.same.place eat-1SG myself at.the.same.place drink-1SG

‘While I feed the honest Russians, the honest Mansis and give drink to them, I myself also eat there, I myself also drink there.’ (VNGy IV: 27)

In most of those cases, where neither A nor P is expressed in ANCs, A is crossreferenced by the possessive style agreement:

- (25) *toχ n'awlə - nă - t χaltə akw'-mat-e:rt χuml'ə la:w - i:*
 so thus chase-AN-SG<3SG during suddenly how say-PRS[3SG]

‘As (s)he is chasing him/her so, suddenly how does (s)he says.’ (VNGy II: 148)

There are some examples where the cross-referenced argument is not A but P. In these examples the action nominal has a passive meaning so P is the emphasized part of the sentence and not the general or indefinite A. This could be the cause for the possessive suffix referring to P instead of A (which is not expressed in the sentence):

- (26) *e:lälʰ* *ke:t - nə - m - t* *ta:rä* *amki*
forward send-AN-SG<1SG-LOC immediately myself
ne:-lili - m *vi:γ - ləm*
woman-soul-SG<1SG take-SG<1SG

‘If I am sent away, I myself take my woman-soul immediately.’ (VNGy IV: 76)

If we compare all these examples with the Mansi possessive construction, we could say that both S and A appear as possessors of the action nominal:

- (27) *χum sun-e* (28) *ta aj - nə - me:n* (*jui-pa:lt*)
man sledge-SG<3SG that drink-AN-SG<1DU (after)
‘the man’s sledge’ ‘(after) our drinking’ (= ‘after we drank’)

As it can be seen, in the Mansi possessive construction the unmarked possessor precedes the possession (there is no genitive case in Northern Mansi) but a possessive suffix is attached to the possession referring to the person and number of the possessor and also to the number of the possession. Similarly to this in ANCs the unmarked S and A precede the action nominal and there is a possessive suffix on the AN agreeing with S or A in person and number¹ 5. This feature links S and A to noun phrase syntax.

It is more difficult however to determine how P is expressed in ANCs because there is no accusative case-marker in Northern Mansi so the direct objects are unmarked in the sentences (except for the personal pronouns). In examples, where the action nominal has a passive meaning and the possessive suffix on the AN refers to the direct object (P), P appears as the possessor

¹ In case of action nominals, this agreement marker possessive suffix is not compulsory, but it is present in the 82 % of the examples.

of the AN similarly to S. In the rest of the examples however it cannot be decided unambiguously, whether P preserves its original case (nominative or unmarked accusative?) or we can say that it appears as a possessor of the AN similarly to S and A.

As mentioned above, unlike nouns, Northern Mansi personal pronouns have an accusative form so ANCs containing pronominal direct objects could help us to find out how P is encoded in the transitive ANCs. In such examples we find that the pronominal direct objects retain their accusative form also in nominalization:

- (29) *Tawä pu:γə - nə ma:'əs sup ju:wljə raχw - əl*
 (s)he.ACC catch-AN for shirt backwards collar-INST
jo:ηχta - wə, n'a:rä-pum - iγ os toχaɫ'iγ jo:ηχta - we - iγ; us'-ta
 turn back-PASS[3SG] shoe-hay-DU too so turn.back-PASS-3DU then
pu:γa - wə.
 catch-PASS[3SG]

‘For catching him/her, the shirt with its collar is turned backwards, shoe-hay [filling] is also turned backwards; then (s)he can be caught.’ [i. e. the corncrake] (VNGy IV: 414)

- (30) *pi:γkwə! am naγən re:χt - əm porä - m - t us't*
 little boy I you-ACC give.birth-AN time-SG<1SG-LOC right.then
vorti kit χapyä-lu:pta kit pait - äγən o:l - s - eiγ;
 red two poplar-leaf two face-DU<2SG be-PST-3DU

‘My little boy, when I gave birth to you, your cheeks were just like two red poplar leaves.’ (VNGy I: 123)

The behaviour of pronominal direct objects in these examples suggests that the direct objects retain their original marking (nominative or accusative case) in ANCs.

In conclusion we can claim that Mansi action nominals have syntactic features to some extent similar to that of noun phrases and to some extent similar to that of sentences with a finite verb. In ANCs S appears as an

unmarked possessor or only a possessive suffix refers to it on the action nominal. With transitive ANs both A and P can appear together. A as an unmarked possessor and P in a similar case as with finite verbs: in nominative if it is a noun and in accusative if it is a personal pronoun. The order of A and P corresponds to the basic word-order of Mansi (SOV). If only P is expressed in the ANC, we find a similar situation to the one mentioned above: the nominal P is unmarked while the pronominal P retains its original encoding (the accusative). If the transitive action nominal has a passive meaning, then A is not expressed in the ANC and P is cross-referenced in the possessive style agreement.

Appearing of S and A as possessors in ANCs links the syntax of the action nominals to the noun phrase, while the fact that P expressed by a personal pronoun preserves its original accusative case links it rather to sentences with a finite verb.

Abbreviations:

ACC	accusative
AN	action nominal
COND	conditional
CVB	converb
DU	dual

DU<2SG 2nd person singular possessive suffix referring to two (dual) possessions (in case of nouns); 2nd person singular verbal suffix of the determinate/objective conjugation referring to two (dual) determinate objects (in case of verbs)

IMP	imperative
INF	infinitive
INST	instrumental
LAT	lative
LOC	locative

NEG	negation
PASS	passive
PAST	past
PRS	present
PTCP.PRS	present participle
PTCP.PST	past participle
SG	singular

SG<3SG 3rd person singular possessive suffix referring to one (singular) possession (in case of nouns); 3rd person singular verbal suffix of the determinate/objective conjugation referring to one (singular) determinate object (in case of verbs)

TRNS	translative
------	-------------

References:

1. Ylikoski, Jussi Non-finites in North Saami. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = MSFOu 257.
2. Koptjevskaja-Tamm, Maria Nominalizations. Routledge, London – New-York.
3. Koptjevskaja-Tamm, Maria Action nominal constructions in the languages of Europe. In: F. Plank (ed.), Noun phrase structure in the languages of Europe. Mouton de Gruyter, Berlin. 723-761.
4. Koptjevskaja-Tamm, Maria Action nominal constructions. In: Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.), The World Atlas of Language Structures Online. Max Planck Digital Library, Munich. Chapter 62.
5. Alexiadou, Artemis Functional structure in nominals: nominalization and ergativity. John Benjamins, Amsterdam.
6. Laczkó, Tibor Action Nominalization and the Possessor Function Within Hungarian and English Noun Phrases. Acta Linguistica Hungarica 44: 413–475.

7. Laczkó, Tibor Az ige argumentumszerkezetét megőrző főnévképzés. In: Kiefer, Ferenc (szerk.), *Strukturális magyar nyelvtan III. Morfológia*. Akadémiai Kiadó, Budapest. 293-409.
8. Munkácsi, Bernát *Vogul Népköltési Gyűjtemény I–IV*. MTA, Budapest.
9. Kannisto, Artturi – Liimola, Matti *Wogulische Volksdichtung I–VI*. MSFOu. 101, 109, 111, 114, 116, 134.
10. Comrie, Bernard *The Syntax of Action Nominals: A Cross-Language Study*. *Lingua* 40: 177-201.
11. Comrie, Bernard – Thompson, Sandra Annear *Lexical nominalization*. In: Shopen, Timothy (ed.), *Language typology and syntactic description III*. Cambridge University Press, Cambridge. 349-398.
12. Ylikoski, Jussi *Defining non-finites: action nominals, converbs and infinitives*. *SKY Journal of Linguistics* 16: 185-237.
13. Grimshaw, Jane *Argument Structure*. MIT Press, Cambridge.
14. Lees, Robert B. *The Grammar of English Nominalizations*. Mouton, The Hague.
15. Chomsky, Noam *Remarks on Nominalization*. In: Jacobs, Roderick and Rosenbaum, Peter (eds.), *Readings in English Transformational Grammar*. Ginn and co. Waltham, Massachusetts. 184-221.
16. Jackendoff, Ray *X'-Syntax. A Study of Phrase Structure*. The MIT Press, Cambridge, Massachusetts.
17. Rappaport, Malka *On the nature of derived nominals*. In: Levin, Lori – Malka Rappaport – Annie Zaenen (eds.), *Papers in LFG*. Indiana University Linguistic Club, Bloomington. 113-142.
18. Koskinen, Päivi *Features and Categories: Non-finite Constructions in Finnish*. PhDthesis, University of Toronto.
19. Szabó, Dezső *A vogul szóképzés*. *Nyelvtudományi Közlemények* 34: 417-443.

20. Sz. Kispál, Magdolna A vogul igenév mondattana. Akadémiai Kiadó, Budapest.
21. Rombandeeva, Evdokia Ivanovna [Ромбандеева, Евдокия Ивановна] Мансийский (вогульский) язык. Издательство «Наука», Москва. 65-79.
22. Kálmán, Béla Chrestomathia Vogulica. Tankönyv-kiadó, Budapest.
23. Riese, Timothy Vogul. Languages of the World/Materials 158. Lincom Europa, Muenchen.

Non-standard negation in Mansi

Sipőcz Katalin, доктор филологии, доцент
Сегедский университет, Сегед, Венгрия

Аннотация. В данной работе исследуются способы так называемого нестандартного отрицания в мансийском языке с точки зрения типологии. В мансийском языке средством стандартного отрицания является отрицательная частица *at*, используемая при отрицании глагола сказуемого. Из области нестандартного отрицания данная статья исследует отрицания экзистенциальных предложений (*Pasant nēpak ā'im*. 'На столе нет книги'), предложений с локативным детерминантом (*Nēpak pasant ā'im*. 'Книга не на столе'), именных сказуемых (*Am rūś ā'i, am mañši*. 'Я не русский, я манси') и предложений, выражающих отношения притяжательности (*Mañši xum sāli-tāl*. 'У мужчины манси нет оленей').

Средства отрицания этих конструкций (*ā'im, ā'i, -tal*) отличаются от отрицательной частицы стандартного отрицания, что с точки зрения типологии является довольно распространенным явлением.

Ключевые слова: мансийский язык, отрицание, нестандартное отрицание

In the present paper I discuss the non-standard negation in Mansi: the negation of existential, locative and non-verbal clauses and the negation of possessive constructions. First I give a brief overview about Mansi standard negation in order to serve as a point of reference for investigation of non-standard negation. The paper offers a description of morphosyntax of non-standard negation in today's Mansi language in a broader typological frame.

I investigate only the Northern Mansi dialect, since by now it has become the only Mansi dialect that is still actually spoken. I use the designation "Mansi" to refer to this dialect only, as is now customary in the linguistics

literature (with the exception of works discussing historical aspects). Differences between the sub-dialects of the (Northern) Mansi dialect are small, mainly of phonetic and lexical nature, and, to my knowledge, they do not concern negation. Sub-dialects of the Northern dialect are the following: Sosva (the standard is based on this variety), Sygva, Lozva, and Ob (disappearing).

The language data are taken on the one hand, from folkloric texts from the end of the 19th century and the beginning of the 20th century and studies based on these texts [1; 2; 3; 4; 5], on the other, from newer grammars published in Russia [6; 7; 8], and finally from contemporary texts from the last two decades [9; 10], from newspaper articles from the Mansi language paper *Luima Seripos* (11), and I also collected data from native speaker informant¹. The vernacular of the speaker from whom I was able to elicit data is the Sosva dialect. Studying various aspects of negation in folkloric texts, we can find considerable variation. In my paper, I focus on the most standard and productive structures.

1. Standard negation

Standard negation is the basic way for negating declarative main clauses. The negation of existential, copular or non-verbal clauses, the negation of subordinate clauses, and the negation of non-declarative clauses fall outside standard negation, but it is possible that languages use their standard negation constructions for the negation of these clause types too [12; 13].

Negation in the Ob-Ugric languages has been discussed extensively [4; 5; 14; 15; 16²]. Within the Uralic language family, Ugric languages are usually known as a group in which negation is simpler than in other Uralic languages: no negative verb is used, and the main marker of negation is the negative particle. Recent studies predominantly using a typological approach

¹ In my paper the sentences without any source indication are from the native speaker consultant.

² See also: <http://www.univie.ac.at/negation/index-en.html>

also claim the same: negation is expressed with a particle in Ugric languages [17; 18]. On the basis of the structure of the negative construction, we can claim that these languages are characterized by symmetric (S) negation [19, 318; 20]¹. In Wagner-Nagy's 2011 monograph on negation in Samoyed and Ob-Ugric languages the asymmetric (A) negation is also mentioned in the case of Mansi² [16, 61]. (See Table 1)

Table 1. Negation constructions in Mansi

	Miestamo	Wagner-Nagy 2008	Wagner-Nagy 2011
Mansi	S	S	S <i>at</i> +V[FE] A /FIN/NEGVERB V-NMLZ-P _x +NEG.EX

1.1. The negative marker of standard negation: *at*

The negative element in standard negation is *at*, which precedes the finite element of the sentence in clauses with a verbal predicate, as in (1). According to Dryer [21] the preverbal position of the negative element is typologically the most frequent.

- (1) *Isnas-nəl* *at* *lāp-i* *āwi-nəl* *at* *lāp-i*.
window-ABL NEG fit-3SG, door-ABL NEG fit-3SG
nor *xal-nəl* *lāp-i*.
beam slit- ABL fit-3SG

'It cannot get in through the window, it cannot get in through the door. It can get in through the beams.' (Mansi riddle) [3, 74].

The particle *at* is used throughout the verbal paradigm: in both the subjective and objective conjugations, in present and past tense, in passive voice, and, in addition to the indicative mood, in the conditional-optative

¹ In symmetric negation the structure of the negative sentence is identical to the structure of the affirmative sentence, except for the presence of the negative marker(s). In asymmetric negation there are structural difference between the negative and affirmative structures. (Miestamo 2013)

² For more detail, see Wagner-Nagy2011: 112, Sipőcz 2014

and evidential moods as well¹ (see Table 2). The particle *at* is not used in the imperative (see 2.2).

Table 2. The use of the particle *at* (*toti* ‘bring’ – only 1SG forms are given)

Present Subj.	<i>tot-ēγəm</i>	<i>at tot-ēγəm</i>
Present Obj. [SG.O]	<i>tot-iləm</i>	<i>at tot-iləm</i>
Past Subj.	<i>tot-s-əm</i>	<i>at tot-s-əm</i>
Past Obj. [SG.O]	<i>tot-əs-ləm</i>	<i>at tot-əs-ləm</i>
Passive	<i>tot-awe-m</i>	<i>at tot-awe-m</i>
Past Passive	<i>tot-we-s-əm</i>	<i>at tot-we-s-əm</i>
Cond.-Opt. Subj.	<i>tot-nuw-əm</i>	<i>at totnuw-əm</i>
Cond.-Opt. Obj.[SG.O]	<i>tot-nuw-ləm</i>	<i>at tot-nuw-ləm</i>
Evidential	<i>tot-ne-m</i>	<i>at tot-ne-m</i>

2. Prohibitive

The particle *at* is used to negate a verbal predicate of any tense and mood except the imperative.

The morphologically marked imperative mood is used in the active voice in Mansi only in the second person, the marker of it is *-en*. In other persons and in passive voice the indicative form of the verb is used to express any imperative function. In non-second person commands the particle *wos(s)* is often used before the indicative verb form. The negative element in sentences expressing prohibition is the particle *ul* in every person and number, in both active and passive voice. The particle *wos(s)* can also occur in prohibitives, typically of the non-second person type. Prohibitive in Mansi results in a symmetrical construction: the only difference between the affirmative

¹ In its verbal system Mansi has an active and a passive voice. The active conjugation can be objective and subjective, the objective conjugation encodes the person and number of the subject and the number of the direct object. In active conjugation two tenses (the present and the past) and four moods (indicative, conditional-optative, imperative and evidential) are distinguished. (The categorization of evidential as mood varies in the literature. Riese 2001: 48) The passive conjugation (-(a)we) has present and past forms. . In Mansi the main word order is SOV, but its clause structure is also motivated pragmatically.

sentence and its negation is the negative particle (see Table 3 and (2), (3)).

Table 3. Negation of the imperative

Imperative		Indicative	
Affirmative	Negative	Affirmative	Negative
<i>tot-en!</i> bring-IMP 'bring!'	<i>ul tot-en!</i> NEG bring-IMP 'don't bring!'	<i>tot-ēγan</i> bring-2SG 'you bring'	<i>at tot-ēγan</i> NEG bring-2SG 'you don't bring'
<i>tot-eln!</i> bring-IMP.O 'bring!'	<i>ul tot-eln!</i> NEG bring-IMP.O 'don't bring'	<i>tot-ilan</i> bring-SG.2SG 'you bring'	<i>at tot-ilan</i> NEG bring-SG.2SG 'you don't bring'
<i>(woss) tot-ēγam!</i> bring-1SG 'let me bring'	<i>ul (woss) tot-ēγam!</i> NEG bring-1SG 'I should not bring'	<i>tot-ēγam</i> bring-1SG 'I bring'	<i>at tot-ēγam</i> NEG bring-1SG 'I don't bring'
<i>(woss) tot-awe-m!</i> bring-PASS-1SG 'they should bring me'	<i>ul (woss) tot-awe-m!</i> NEG bring-PASS-1SG 'they should not bring me'	<i>tot-awe-m</i> bring-PASS-1SG 'they bring me'	<i>at tot-awe-m</i> NEG bring-PASS-1SG 'they don't bring me'

- (2) *Ul min-en, tiγ jij-en!*
NEG go-IMP here come-IMP
'Do not go, come here!' [1, I. 18]

- (3) *Anam ul al-eln!*
I.ACC NEG kill-IMP.O
'Do not kill me!' [1, IV. 174]

Typologically Mansi prohibitive can be categorized as type 2 in van der Auwera et al.'s typological framework: "The prohibitive uses the verbal construction of the second singular imperative and a sentential negative strategy not found in (indicative) declaratives." [22]

3. Non-standard negation

As has been mentioned above the negation of non-verbal predicates usually differs from the negation of verbal ones. It can be seen in the case of

Mansi, too. I discuss four main types of non- standard negation: existential negation (a), locative negation (b), negation of nominal predicate (or ascriptive negation) (c) and possessive negation (d).

(a) *There is a book on the table. / There is no book on the table.*

(b) *The book is on the table. / The book is not on the table.*

(c) *She is Mansi. / She is not Mansi.*

(d) *She has long hair. / She does not have long hair.*

3.1. The negation of existential predicates

In accordance with the SOV nature of Mansi, the word order of the existential sentence is L T COP (see 4), that is, the locative phrase (L) is followed by the name of the entity whose existence the sentence states (T), while the copula (COP) is in final position [23]. The copula can be deleted or replaced by another verb (as in 5). In the negation of the existential sentence, a special negative element, *at'im*, is used (see 6), which grammars of Mansi consider to be a negative copula whose inflection, however, is limited. Number markers (DU: *at'iməγ*, PL: *at'imət*) and even suffixes referring to person can be attached to it (cf. 7), but tense markers cannot, it has only present forms.¹ The word order remains L T COP in negation as well. The lack of person and number agreement occurs in several examples in the corpus (e.g. 8).

(4)	<i>Pasan-t</i>	<i>nēpak</i>	<i>ōl-i.</i>
	table-LOC	book	be-3SG
	'There is a book on the table.'		
(5)	<i>Tūr</i>	<i>wāta-t</i>	<i>kol</i> <i>ōl-i / ūnl-i.</i>
	lake	shore-LOC	house be-3SG / stand-3SG
	'There is a house on the shore of the lake.'		
(6)	<i>Pasan-t</i>	<i>nēpak</i>	<i>āt'im.</i>
	table-LOC	book	NEG.EX

¹ Historically, the negative element is considered to be of participial origin: according to one explanation, it was formed by attaching the *-m* participial derivational suffix to the standard negative element *at*. (K. Sal 1954: 65)

- 'There is no book on the table.'
- (7) *Pasant nēpak-ət āt'im-ət.*
table-LOC book-PL NEG.EX-PL
'There are no books on the table.'
- (8) *Nan āt'im, lū-t āt'im.*
you(PL) NEG horse-PL NEG.EX
'You won't be there and the horses won't be there either.' [1, I, 9]
- In past tense and non-indicative sentences the copula following the existential negation element carries the markers of tense and mood (see 9 and 10). In my data provided by the native speaker informant, however, in negation of past tense existential sentences, in addition to *āt'im*, the element *at* also occurs, just like it does in folkloric texts (see 11 and 12).
- (9) *Pōl'im xōtpa at'im ōl-əs.*
freeze-PTCP.PST person NEG.EX be-3SG.PST
'nobody froze' (lit. 'there was no frozen person') [11, 2012/4]
- (10) *Soma lūl-nə ēlām-xoləs āt'im ōlnū.*
straight stand-PTCP.PRS man NEG.EX be-3SG.COND
'There would be no person standing straight.' [1, I, 26]
- (11) *Pasan-t nēpak at ol-əs.*
table-LOC book NEG be-3SG.PST
'There was no book on the table'.
- (12) *Tot xum-xōtpa at ti ōl-i.*
there male-man NEG PTCL be-3SG
'There is no male person there.' [1, I, 131]

Considering Croft's (1991) typological framework, Mansi belongs to the languages that have a special auxiliary verb for negating existentials. This is the most common type of languages in the world, especially widespread in the Siberian area [16, 177]. The paradigm of the auxiliary verb is incomplete in many languages, but, for instance in contrast with Hungarian, in Mansi in the missing tense and moods it is not the negative element of standard negation that co-occurs with the copula but, instead, the appropriate form

of the copula co-occurs with the existential negative auxiliary verb. As examples (11) and (12) demonstrate, there is some vacillation here in Mansi as well, but only as an alternative variant (see Table 4).

Table 4. The negation of existential sentences in Hungarian and Mansi

Hungarian	Mansi
<i>Az asztal-on nincs könyv.</i> ARTDEF table-LOC NEG.EX book 'There is no book on the table.'	<i>Pasan-t nēpak at'im.</i> table-LOC book NEG.EX 'There is no book on the table.'
<i>Az asztal-on nem vol-t könyv.</i> ARTDEF table-LOC NEG be-3SG. PST book 'There was no book on the table.'	<i>Pasan-t nēpak at'im ōl-əs. /</i> <i>(Pasan-t nēpak at ōl-əs.)</i> table-LOC book NEG.EX be-3SG.PST 'There was no book on the table.'

3.2. The negation of locative predicates

A locative predicate is negated in the same way as an existential: the negative element is *at'im*, but the word order in this case is TLCOP, also in accordance with the SOV nature of the language [23] (see 13). The negative predicate is inflected in a limited way here as well, although, due to the nature of locative sentences, it combines with morphemes expressing person more often than it does in existential sentences (14).

Just like in the case of the negation of existentials, especially in non-present tense, the standard negative particle *at* occurs instead of the usual negative existential marker (15). In the language use of my native speaker consultant this occurs more often in the case of locative predicates than in existential sentences.

- (13) *Nēpak pasan-t at'im.*
book table-LOC NEG.EX
'The book is not on the table.'
- (14) *Am tot at'im-əm ol-s-əm.*
I there NEG.EX-1SG be-PST-1SG
'I was not there.' [6, 60]

- (15) *Nēpak pasan-t at ōl-əs.*
 book table-LOC NEG be-PST.1SG
 ‘The book was not on the table.’

In the corpus – in the folkloric texts (16) and the data provided by the native speaker consultant (17) – there is one occurrence of the negative marker *āt'i* (used generally in non-verbal negation) instead of the usual negative predicate *āt'im*.

- (16) *Kwol āt'i, puuŋ āt'i, ēlām-xoləs āt'i, paul-aulä-t*
 house NEG wealth NEG man NEG village-edge-LOC
lul-nə āmp āt'i.
 stand-PTCP.PRS dog NEG

‘There is no house, no wealth, no people, and no dogs at the edge of the village.’ [1, III. 170]

- (17) *Man āt'i kōl-t.*
 we NEG house-LOC
 ‘We are not in the house.’

3.3. The negation of non-verbal predicates

In the negation of non-verbal predicates in Mansi the negative element *āt'i*¹ is used. In the written corpus there are relatively few examples of negation of this type – most of my data come from my native speaker consultant. Both adjectival (18) and nominal predicates (19) are negated in a similar way. The element *āt'i* usually occurs in sentence final position following an adjective or a noun, but, according to the data provided by my native speaker consultant, it can also occur preceding a nominal (20 and 21). The question whether the difference in word order carries a difference in function requires further investigation. However, on the basis of my data I do not detect such differences between the two word orders. The negation of the nominal predicate is the same in the case of proper inclusion and

¹ It is most likely historically connected to the *āt'im* element of existential negation, and the form *āt'i* is also probably derived from a participle. (Cf. K. Sal 1954: 65.)

equation as well (see 19–21).

- (18) *Oma-m āt'a-m-nəl māñ. / Oma-m āt'a-m-nəl māñ āt'i.*
 mother-1SG father-1SG-ABL young / mother-1SG father-1SG-ABL young NEG
 'My mother is younger than my father.' / 'My mother is not younger than my father.' [8, 49]

- (19) *Am rūś āt'i, am mañši.*
 I Russian NEG I Mansi
 'I am not Russian, I am Mansi.'

- (20) *Tiji āt'i naŋ jōrn-kol-ən. / Tiji naŋ jōrn-kolən āt'i.*
 this NEG you Nenets-house-2SG
 'This is not your chum [round tent].'

- (21) *Am naŋ āś-ən āt'i. / Am āt'i naŋ āśən.*
 I you father-2SG NEG
 'I am not your father.'

In the corpus there are some examples of negating non-verbal predicates employing the existential negator *āt'im* (see 22). Wagner-Nagy [16, 308–309] provides further examples of this type of negation, and, on the basis of her examples it can be stated that while the existential negative marker always occurs sentence finally and marks person and number agreement, the negative marker *āt'i* can occur before or after the predicate and is never marked for person or number. Probably, *āt'i* is a particle developed from the form *āt'im*, which was originally used for negating existential sentences, under a process of typologically relatively common grammaticalization.

- (22) *Am ľul xum āt'im-əm.*
 I bad man NEG-1SG
 'I am not a bad person.' [7, 23]

In Mansi constructions expressing the state of the subject the use of the copula is general with the translative-essive case of the subject (see 23). In this case, negation is done in the standard way (24).

- (23) *Am l'ōmwoj-iŋ ōl-ēŋəm.*
 I mosquito-TRL be-1SG

‘I am a mosquito.’ [3, 73]

- (24) *Taw lēkkar-iy at ōl-əs.*
s/he doctor-TRL NEG be-PST.3SG
‘S/He was not a doctor.’ [8, 53]

3.4. The negation of the possessive

It is a well-known phenomenon that in the Mansi language (as well as in Khanty), as opposed to the majority of the Uralic languages, the primary marker of predicative possession is a transitive verb, *ōńśi-* ‘have’ (25).

- (25) *Am ŋōtne āyi ōńś-ēγəm.*
I beautiful daughter have-1SG
‘I have a beautiful daughter.’

This verb can be used in a variety of contexts, also expressing ‘to carry, to wear (clothes), to look after, to give birth, etc.’, the possessive meaning has developed from these primary uses (26). Possessive sentences have the same structure as simple sentences with verbal predicate: the verb is in sentence-final position, the possessor is the subject and the possessee the object of the transitive verb, and in the objective conjugation it agrees with the object in number, too (27). In passive constructions the object becomes the grammatical subject (26).

- (26) *Mańśi nē-n ŋāwram-at jomsakw oś-w-es-ət.*
Mansi woman-LAT child-PL well have-PASS-PST-3SG
‘The Mansi woman took good care of the children.’ [6, 67].

- (27) *Manər tin-t ōńśi-lən?*
what price-LOC have-SG.2SG
‘What is its price?’ (lit. ‘In what price do you own it?’) [24, 386]

The negation of possession follows the rules of standard negation: the negative particle *at* is used, occurring immediately before the verb (28).

- (28) *Am ŋōtne āyi at ōńś-ēγəm.*
I beautiful daughter NEG have-1SG
‘I do not have a beautiful daughter.’

Mansi is typically referred to as a language having more than one possessive predicate construction [25; 16, 246-250]. The folkloric texts contain several examples of nominative and locative possessive structures from the various Mansi dialects. The nominative possessive structures prevail especially in Southern Mansi texts (29). The negation of this structure, as expected, is done by the negative existential verb (*īkēm*), similarly to the negation of existential sentences (30).

(29) Southern Mansi

Ux níw-ämp-ăn *ăl*, *ux níw-mišäk-ăn* *ăl*.
 one female-dog-SG.3PL be.3SG one female-cat SG.3PL be.3SG
 ‘They have a female dog and a female cat.’ [1, IV.351]

(30) Southern Mansi

Tīnī-khår-ăn ***īkēm-ijèt***.
 food-SG.3PL NEG.Ex-PL
 ‘They do not have any food.’ [1, IV. 351]

This construction is not typical in Northern Mansi folkloric texts or in contemporary language use – it does not occur in the data provided by my native speaker consultant at all. Nonetheless, negative structures similar to the Tavda examples above do occur in Northern Mansi folkloric texts, but it is generally clear from the context that in these cases it is an existential structure that is negated and not the possession. For instance, in the case of (31) a kidnapped girl who was made drunk regains consciousness and realizes that her reindeers and brothers are gone.

(31) *Suns-i:* *pōr-anā* ***āt'im-ət***, *tūlment-im-ət*.
 stare-3SG caviar- PL.3SG NEG-PL steel-PTCP.PST-PL
 ‘She stares at it, her caviar is not there, it has been stolen.’ [1, IV. 184]

The examples of locative possessive also come primarily from folkloric texts and primarily not in Northern Mansi dialect. Literature on possession in the Uralic languages [25] typically mentions this ancient type of possessive structure, considered to be general in other Uralic languages, also in the case of Mansi [25, 13] (see examples 32, 33). However, on the basis of written

Mansi sources and especially materials from Northern Mansi dialects, we can claim that this type is rare and we can take it into account only from a historical viewpoint [26, 42; 27, 178].

- (32) *taw* *pālt-e* *nomt* *mośśa*
 he PP-3SG wit little
 ‘He is no genius.’ (lit. ‘There is little wit at him.’) [25, 13]

- (33) *naŋən* *at* *ke* *saġ*¹
 you.LAT NEG COND pity
 ‘If you do not mind/if you do not pity him/her’ (lit. ‘if you do not have your pity’) [25, 13]

The data provided by my native speaker consultant does not contain any examples of nominative or locative possessive. When I asked her about these, her response was that neither structure is suitable for the expression of possession (see 34-37).

- (34) **Am* *palt-əm sāli* *ōl-i.* (cf. 32)
 I PP-1SG reindeer be-3SG

- (35) *Sāli* *am* *palt-əm ōl-i.* (cf. 32)
 reindeer I PP-1SG be-3SG
 ‘The reindeer is with me.’

- (36) **Anəm-n* *sāli* *ōl-i.* (cf. 33)
 I-LAT reindeer be-3SG

- (37) *Sāli-m* *ōl-i.* (cf. 29)
 reindeer-1SG be-3SG
 ‘My reindeer is alive.’

To sum up the above, in Northern Mansi standard possession is expressed by the transitive verb, and its negation follows the rules of standard negation. Other constructions are not relevant from the respect of Northern Mansi and the contemporary linguistic situation.

Data provided by the native speaker informant show another possessive

¹ In this case the possibility cannot be discarded that the structure developed under the influence of Russian

structure that seems to be spreading. It is not typical in the folkloric texts, but it is rather frequent in recent publications. One of the new Mansi textbooks [8] also discusses it as a way of expressing possession. Furthermore, this type is mentioned in typological works on possession as well, where it is called adjectivization [28]: an adjectival derivative (nomen possessoris) suffix is attached to the possessed (*-əŋ*, *-ən*, *-n*), and this nomen possessoris becomes a part of the predicate, with the possessor being the subject of the sentence. This structure coincides with the structure of sentences with non-verbal predicates, and the copula can be omitted in present tense. According to Skribnik and Afanasyeva's textbook [8, 65], this type of possession expresses a kind of abundance, that is, the sentence in (38) means that the Mansi man has many reindeers, as opposed to the transitive structure, which does not have this additional meaning. This was not confirmed by my native speaker informant (see 39, 40). Probably the reading ('possessing one object' or 'being rich in objects') depends on the pragmatics of nominal stems used.

(38) *Māńsi xum sāl-əŋ.*

Mansi man reindeer-POSS

'The Mansi man has (many) reindeers.' (lit. 'The Mansi man is reindeery'.)

(39) *Am nōtne āyi-n.*

I beautiful daughter-POSS

'I have a beautiful daughter.'

(40) *Am āt'a-m kāsaj-ən ōl-əs.*

I father-1SG knife-POSS be-PST.3SG

'My father had (a) knife.'

Negating this structure does not coincide with the negation of the sentences with non-verbal predicates or with negative existential sentences, that is, the negation is not expressed by *āt'i* or *āt'im* but by a caritive suffix (*-tāl*) (see 41–45).

- (41) *Mańsi xum sāli-tāl/(sāli tāl)*
Mansi man reindeer-CAR
‘The Mansi man has no reindeers.’
- (42) *Am nōtne āyi-tāl. /(āyi tāl)*
I beautiful daughter-CAR
‘I have no beautiful daughter.’
- (43) *Am āt’a-m kāsaj- tāl. / (kāsaj tāl)*
I father-1SG knife-CAR
‘My father has no knife.’
- (44) *Ti nē ōjka-te kat-tāl. / (kat tāl)*
this woman husband-3SG hand-CAR
‘This woman’s husband has no hands.’
- (45) *Ti nē ōjka-te kat-e tāl.*
this woman husband-3SG hand-3SG CAR
Ti nē ōjka-te kat-aye tāl.
this woman husband-3SG hand-DU.3SG CAR
‘This woman’s husband has no hands.’

The caritive suffix *-tāl* did not grammaticalize from a postposition, it is, instead, a long-established combination of the caritive and adverbial suffixes **-t* and **-l* (the equivalent of the Hungarian caritive suffix *-tAlAn*). However, it can be separated from the noun by a possessive suffix (45) and my consultant also consistently wrote it separately. This can be considered the result of a kind of degrammaticalization process that might have been reinforced by the fact that this construction is becoming or has become a typical way of expressing the negative possessive.

Table 5 summarizes the Mansi negation markers and their functions, also, it provides examples of their most common uses.

Table 5. *Mansi negative markers and their functions:*

Negative marker	Function	Example
<i>at</i>	standard negation	<i>am at totēγəm</i> ‘I do not bring’
<i>ul</i>	imperative negation	<i>ul toten!</i> ‘don’t bring!’ <i>ul woss toti!</i> ‘s/he shouldn’t bring!’
<i>ā’im</i>	existential negation locational negation	<i>pāsant nēpak ā’im</i> ‘There is no book on the table.’ <i>nēpak pāsant ā’im</i> ‘The book is not on the table.’
<i>ā’i</i>	negation of non-verbal predicate (negative replies)	<i>taw nōtne ā’i</i> ‘S/He is not beautiful’ (<i>Mineγən, a-a?</i> <i>Ā’i, am at mineγəm.</i> ‘Are you going?’ ‘No. I am not going.’)
<i>-tal</i>	possessive negation,	<i>taw koltal</i> ‘s/he has no house’

List of abbreviations

ABL	ablative
CAR	caritive
COND	conditional
COND-OPT	conditional-optative
DU	dual
FE	finite element
IMP	imperative
LAT	lative
LOC	locative
NEG	negative / negative element
NEG.EX	negative existential element
NMLZ	nominalizer
O	object
PASS	passive

PL	plural
POSS	possessive, nomen possessoris
PP	postposition
PRS	present
PST	past
PTCP	participle
PTCL	particle
Px	possessive suffix
SG	singular
TRL	translative

References

1. Munkácsi Bernát. *Vogul Népköltési Gyűjtemény I–IV*. [Mansi Folclor Texts]. I–IV. MTA, Budapest. 1892–1896.
2. Munkácsi Bernát. *A vogul nyelvjárások szóragozásukban ismertetve*. [The Mansi dialects in paradigms.] Budapest. 1894.
3. Kálmán Béla *Chrestomathia Vogulica*. Tankönyvkiadó, Budapest. 1976.
4. K. Sal Éva. Az obi-ugor nyelvek tagadó névmásainak kérdéséhez. [The question of negative pronouns in Ob-Ugric languages] *Nyelvtudományi Közlemények*. 53: 210–219. 1951
5. K. Sal Éva. A tagadás az obi-ugor nyelvekben. [Negation in Ob-Ugric languages] *Nyelvtudományi Közlemények*. 56: 57-69, 57: 73-111. 1954-55.
6. Balandin A. N. *Samoučitel' mansijskogo jazyka*. [Teach yourself Mansi.] Učpedizd. Leningrad. 1960.
7. Rombandeeva, E. I. *Sintaksis mansijskogo (vogul'skogo) jazyka*. [The Syntax of Mansi language.] Moscow: Nauka. 1979.
8. Skribnik, Elena & Afanaseva, K.V. *Praktičeskij kurs mansijskogo jazyka*. [Practical course of Mansi language] Khanty-Mansiysk. Poligrafist. 2007.

9. Dinislamova Svetlana. Lavim ľonxanuw. [The way destined for us.] Khanty-Mansiysk. 2007.
10. Dinislamova Svetlana. Szvetlana Gyinyiszlamaova: Vízcsepp [Waterdrop], Sipőcz Katalin (ed.), Szegedi Egyetemi Kiadó – Juhász Gyula Felsőoktatási Kiadó, Szeged . 2008.
11. Luima Seripos issues of 2011, 2012. [Mansi language newspapers] Khanty-Mansiysk.
12. Matti Miestamo. Symmetric and Asymmetric Standard Negation. 2013. In: Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/113>, Accessed on 2014-05-28.)
13. 13. Matti Miestamo. Subtypes of Asymmetric Standard Negation. 2013. In: Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/114>, Accessed on 2014-05-28.)
14. Honti László. Die Negation im Uralischen I–III. *Linguistica Uralica* 33: 81–96, 161–176, 241–252. 1997.
15. Wagner-Nagy Beáta & Márta Sarolta Viola. Typology of affirmative and negative non-verbal predicates in the Ugric and Samoyedic languages. *FUF* 60: 117-159. 2009.
16. Wagner-Nagy Beáta. On the Typology of Negation in Ob-Ugric and Samoyedic Languages. *SUST* 262. Helsinki. 2011.
17. Dahl, Östen. Typology of sentence negation. *Linguistics* 17: 79–106. 1979.
18. Payne, John R. Negation. In *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. 1: Clause Structure, Timonty Shopen (ed.), CUP, Cambridge, 197–242. 1985.
19. Matti Miestamo. Standard Negation. The Negation of Declarative

- Verbal Main Clauses in a Typological Perspective. (Empirical Approaches to Language Typology 31.) Berlin: Mouton de Gruyter. 2005.
20. Wagner-Nagy Beáta. Tagadás. [Negation] In Uralisztika. [Uralistics] Kozmács István – Sipőcz Katalin (eds.) JGyF Kiadó, Szeged, 182-208. 2008.
 21. Matthew S. Dryer. Order of Negative Morpheme and Verb. 2013. In: Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/143>, Accessed on 2014-05-28.)
 22. Johan van der Auwera, Ludo Lejeune (with Valentin Goussev). 2013. The Prohibitive. In: Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/71>, Accessed on 2014-05-28.)
 23. Freeze, Ray. Existentials and other locatives. *Language* 68: 555–595. 1992.
 24. Munkácsi Bernát & Kálmán Béla. *Wogulisches Wörterbuch*. Akadémiai Kiadó, Budapest. 1986.
 25. Honti László. A birtoklás kifejezésének eszközei az uráli nyelvekben szinkrón és diakrón szempontból [The expression of possession in Uralic languages from synchronic and diachronic aspect.]. *Nyelvtudományi Közlemények* 104: 7–56. 2007.
 26. Csepregi Márta. Akarat, kívánság, képesség, készség, lehetőség kifejezése a szurguti hantiban. [The expression of will, desire, ability, skill and possibility In Surgut-Khanty.] In *Per Urales ad Orientem*. SUST 264. Helsinki. 39–53. 2012.
 27. Riese, Timothy. Nochmals zu habeo im Wogulischen. In

Gedenkschrift für Irén N. Sebestyén (1890–1978). *Specimina Sibirica* 3. Pusztay János (ed.), Pécs. 175–180. 1990.

28. Stassen, Leon. Predicative Possession. In Haspelmath – Dryer – Gil – Comrie (eds): *The World Atlas of Language Structures Online*. Chapter 120. Munich. 2008.

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА

Современные мифы. Мифологизация истории появления и развития письменности у малочисленных народов Севера

А.А. Бурыкин, доктор филологических наук,
доктор исторических наук
*Института Лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье анализируются причины возникновения мифов, описывается история их распространения.

Ключевые слова: мифы, мифология, жанр, сказка, письменность, графика, алфавит, литературный, языковая компетенция.

В современных условиях Крайнего Севера начальный этап преобразований жизни и быта коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока воспринимается самими коренными жителями Севера как некий, почти фольклорный, компонент их культурной и этнической истории. Более поздние события, касающиеся переселений отдельных групп коренных жителей на другие территории и в другие населенные пункты, каких-то событий в сфере культуры также становятся основой пусть не слишком объемных, но содержащих значимые подробности рассказов, которые иногда соответствуют по содержанию жанрам исторических преданий и устных повествований, но часто представляют собой вымысел, появившийся на свет под давлением каких-либо обстоятельств, будь-то события из жизни рассказчика, чьи-то повествования, которые ему доводилось слышать, или классический этиологический рассказ о том, что раньше у того или иного нашего народа все было иначе, а сейчас – так, как есть. В

этих условиях начинают формироваться представления о некоторых составляющих культуры, носящие совершенно мифологический характер.

Нам доводилось обращать внимание на то, что в несказочной прозе ненцев существует определенная стереотипная организация сюжетов, причем в ней обязательно присутствует представитель иного этноса, как правило, не являющийся положительным героем. Часть таких рассказов относится к быличкам (рассказы от первого лица, когда рассказчик является героем повествования), часть – к бывальщинам, когда героем рассказа выступает некое третье лицо.

Один из самых поистине поэтических мифов, рассказывающий о вкладе представителей коренного населения в освоение Севера и представляющий собой изысканный художественный образец устной прозы, был услышан нами в 1988 г. в тундре близ пос. Омолон Билибинского района Чукотки от эвена Николая Михайловича Дьячкова, 1934 г. рождения. Приведем его запись (рассказ на русском языке):

Рядом с нами есть совхоз, он называется «Турваургин». Так звали чукчу, который первым нашел золото на Чукотке. Он кочевал с оленями, нашел в реке самородок золота, взял его и носил с собой. Встретился с геологами, которые искали золото, те увидели у него этот самородок, спрашивают: «Ты где его нашел?». Он показал им место, там открыли прииск, который называли его именем – «Турваургин». Потом на том месте создали оленеводческий совхоз, и его тоже назвали «Турваургин».

В этой истории есть одна странность, не очевидная для непосвященного слушателя, но представляющая интерес для лингвиста. Омолонские эвены по большей части двуязычны и хорошо владеют разговорным чукотским языком (в свою очередь, омолонске чукчи, особенно женщины, иногда говорят по-эвенски свободно и без акцента).

Название «Турваургин», в чукотском звучании «Торвагыргын», на самом деле имеет значение «Новая жизнь», оно было весьма популярно на Чукотке в 1930-е-1960-е годы и сохранилось в названии одного из совхозов. То, что иноязычное название стало основой сюжета мифа, будучи осмыслено как личное имя – не удивительно, такова история многих десятков и сотен топонимических легенд. Вполне логичен и приоритет коренного жителя, пусть соседа, перед приезжими, в столь значимой области, как добыча золота. Однако достаточно странно то, что у ближайших соседей чукчей – омонских эвенов, знакомых с чукотским языком, мог возникнуть мифологический рассказ, основывающийся на непонимании чукотского слова или переосмыслении его значения.

Надо сразу же с горечью признать, что далеко не все мифы об истории народов Севера столь поэтичны по форме и содержанию, столь наивны и безобидны по своему бытоописанию, и связаны непосредственно со средой носителей традиционной культуры и фольклора. Гораздо чаще они существуют вне этой среды, внутри совсем иных социальных групп, и затрагивают, в позитивном или негативном смысле чьи-то персональные интересы.

Одним из самых частых предметов мифологизации в культуре коренных жителей Севера является история и судьба письменности малочисленных народов Севера. Известно, что в 1932 году письменность на латинской графической основе была введена в практику школьного и ликбезовского обучения, а также по отдельным регионам - для средств массовой информации и, отчасти, для местного делопроизводства для 14 коренных народов Севера. В 1936-1939 гг., а в некоторых регионах, возможно, и позднее (для ряда территорий нет достоверных данных), письменность этих народов была переведена на кириллическую (русскую) графическую основу. Подробности и детали этого процесса (который, как оказалось, длился более пяти лет), выявляются только

сейчас: например, нанайский алфавит был заменен на кириллический фактически в марте 1936 г., причем по инициативе местных органов и Комитета Нового алфавита; эвенская письменность на кириллической основе стала использоваться с 1935 г., а алфавит на латинской основе сохранялся в местной газете «Оротты правда» до начала 1939 г..

Тем не менее, в среде интеллигенции различных малочисленных народов Севера (на Чукотке, в Магаданской области, в Якутии) периодически слышны голоса, утверждающие, что письменность на латинской графической основе была более совершенной и, главное, лучше приспособленной к звуковому строю языков соответствующих народов. Обычно эти голоса принадлежат педагогам, занятым составлением учебников и учебных пособий, а также научно-методических разработок по отдельным языкам, реже – писателям. Формой обнародования такой информации являются обычно разнообразные педагогические конференции и совещания районного, окружного, реже – областного и республиканского уровней; семинары авторских коллективов, работающих над учебными пособиями, иногда – более широкие мероприятия, проводимые местными Ассоциациями коренных народов или региональными учреждениями культуры. Такие высказывания практически не попадают даже на страницы местной периодики; нет подобных суждений и в научно-методических изданиях, где обсуждаются в основном вопросы частичных реформ алфавита и графики языков отдельных народов. Нередко реализуются явочным порядком без согласования с административными и консультативными органами частичные, а иногда и радикальные изменения в графике отдельных языков народов Севера. Если выразиться точнее – данные изменения затрагивают только состав используемых знаков, статус же многих из новоизобретенных знаков трудноопределим. Причина невозможности установить статус графических знаков одна – сплошь и рядом графическая система

вообще не имеет алфавита как определенного порядка графических (буквенных) знаков и кодификации статуса графического знака. Так, у ханты после частичной реформы графики 1992-1993 годов вообще был не определенным ни набор букв, ни алфавитный порядок. Такое положение дел, надо сказать, устранено только сейчас при появлении нового алфавита для казымского диалекта хантыйского языка и того хантыйского литературного языка, который обслуживает юго-западные говоры ханты в их современного расселения. Часть знаков графики языка может быть не включена в нормативный список знаков-алфавита, как это имеет место у ительменов с 1988 года, и никто еще пока не озаботился этим вопросом. Возможно, что обновленный алфавит какого-то языка применяется лишь в учебной литературе и не находит поддержки в других сферах функционирования письменности, как у чукчей с 1989 г. с добавленным «хвостатого л». Если же обратиться к истории и посмотреть издания 1930-х годов, посвященные введению письменности у народов Севера, то окажется, что Единый Северный Алфавит, который многие из ностальгирующих, но не изучавших его, называли идеальным для народов Севера, был воспроизведен в трех изданиях, причем в двух из них была сделана оговорка, что по техническим причинам типография не может воспроизвести все знаки, вводимые для тех или иных языков.

У известного чукотского писателя Юрия Рытхэу есть небольшая повесть «Наборщик Эму». Содержание ее вкратце таково: автор, приехавший в северный поселок, встречается старого знакомого – эскимоса Эму. В свое время Эму выучился грамоте и, освоив специальность наборщика, работал в типографии, печатавшей местную газету, набирал материалы на русском, чукотском и эскимосском языках. Затем в один момент газету закрыли, печатную машину, вместо того, чтобы просто выбросить, разрезали автогеном (заметьте, действие происходит в отдаленном районе на Чукотке во время войны!), а Эму

получил приказ райкома утопить шрифты в море. В финале повести ее главный герой говорит повествователю:

- Я тебе по секрету скажу, что шрифт я не утопил. Не мог я такого сделать. Я спрятал мешки. А куда – этого я даже тебе не скажу. Но если они понадобятся, я их достану. Вот так. Ждем.

Зададим себе вопрос: какие именно шрифты из бытовавших в разные периоды письменности северных народов мог спрятать в скалах наборщик Эму – герой рассказа Юрия Рытхэу? Могли ли это быть шрифты на латинской графике? Как видно из изложенного, эти шрифты не изымались из обращения даже в Магадане, в редакции газеты «Оротты правда» – более того, они поддерживали навыки чтения и письма у тех, кто прошел курс обучения грамоте на таком алфавите. Более того, по одному из сообщений В.В. Леонтьева, латинская графика держалась в употреблении на Чукотке едва ли не до 1950-х годов, если это не опечатка.

Может быть, это были шрифты, на кириллической графической основе с использованием дополнительных знаков К” и Н”, которые используются в наши дни?

Дело в том, что эти шрифты с использованием отдельных литер для увулярного К” и заднеязычного носового Н”, вошли в употребление лишь в 1950-е годы, причем только в учебной литературе. В художественной литературе на языках народов Чукотки, издаваемой Магаданским книжным издательством (основано в 1954 г.), такие шрифты начали применяться только с 1982-83 годов.

На самой Чукотке – в Анадыре – где издавались газеты «Советская Чукотка» (с ноября 1993 г. «Крайний Север»), – «Советкэн Чукотка» (с мая 1953 г.; ныне «Мургиннутэнут» – «Наш край» – приложение к газете «Крайний Север»), чукотских и эскимосских шрифтов на кириллической основе с дополнительными литерами К” и Н” никогда не было. И при наборе чукотских текстов в газете «Советская Чукотка»

в 40-х – начале 50-х годов и позднее, при издании газет «Советкэн Чукотка», а с 1989 по 1994 г. «Мургиннутэнут» – как отдельного самостоятельного не переводного издания, в этих изданиях применялись те же шрифты, что и при наборе русскоязычного текста окружной газеты, а соответствующие чукотские звуки передавались знаками К' и Н'. Такое положение дел, при котором в учебной и художественной литературе на чукотском языке применялись знаки К'' и Н'', а в газетах и печатной продукции местной типографии – знаки К' и Н', имело место до апреля 1993 года – до того момента, когда в редакции газеты «Советская Чукотка» появились чукотские, эскимосские и эвенские шрифты со всеми необходимыми дополнительными литерами, но эти шрифты появились сразу же в компьютерном варианте. Таких шрифтов в металле на Чукотке не было никогда даже в окружном центре, не говоря уже о районных типографиях Певека, Мыса Шмидта и такого отдаленного районного центра как Лаврентия (у Рытхэу он называется Кытрын).

Отметим при этом, что в связи с нестандартным расположением дополнительных знаков на клавиатуре, образовались дополнительные проблемы использования новых шрифтов. Применительно к чукотскому языку, знаки К'' и Н'', встречающиеся в тексте довольно часто, потребовали дополнительных навыков компьютерного набора по сравнению с машинописью. Эвенские шрифты с дополнительными знаками Н'', О перечеркнутое и О перечеркнутое с точками, которые имели очень неудачное расположение на клавиатуре, вводились в обиход постепенно; сначала использовался шрифт без дополнительных литер, затем вошел в применение знак Н'', потом, примерно через два месяца – О перечеркнутое, и только в последнюю очередь знак О перечеркнутое с точками, встречающийся в ограниченном числе слов, хотя и довольно частотных.

Таким образом, запрещенные к употреблению чукотские шрифты,

которые наборщику Эму было приказано утопить в море – не что иное, как не лишенный привлекательности миф, возможно, имеющий под собой какую-то событийную основу (да и то – вряд ли), но не имеющий и не могущий иметь фактической основы. Кстати, и выходящая в Чукотском районе газета «Заря Чукотки» (до сентября 1991 г. – «Заря коммунизма») имела солидный возраст и перестала выходить только в середине 90-х годов: при этом с 1992 по 1994 годы, после выхода из строя районной типографии в с. Лаврентия, эта газета набиралась и печаталась в окружной типографии в Анадыре.

Владилен Вячеславович Леонтьев (1928-1988), живший на Чукотке с 1935 года и ходивший в одну школу с Юрием Рытхэу, был свидетелем всего, что связано с функционированием чукотской письменности; как педагог, проработавший более десяти лет в системе образования, он знал, как и какой письменностью пользуются чукчи – школьники и их родители; как литератор, он описал изобретение рисуночного письма чукчей Антымавле в своем романе «Антымавле – торговый человек». Сообщения из его научных работ заслуживают всяческого доверия.

С этим мифом связан второй миф о письменности малочисленных народов – согласно ему, алфавиты на латинской основе точнее передавали звуки языков малочисленных народов. В наши дни под таким высказыванием могут подписаться представители самых разных народов. Так ли это на самом деле?

В этом случае мы имеем очень разную картину по отдельным языкам. Весьма совершенными в отношении передачи фонемного состава языков были алфавиты нивхского и удэгейского языков, в обоих случаях при разработке алфавитов учитывались экспериментально-фонетические исследования звукового строя языков. Что касается чукотского языка, то в основе чукотской графики и орфографии лежали записи В. Г. Богораза, не всегда отличавшиеся точностью (образованные чукчи – профессиональные журналисты в 1992 г. с

трудом могли прочесть чукотские слова, напечатанные латинским алфавитом в книге В. Г. Богоразы «Материальная культура чукчей» [1]), при этом около 20% слов, записанных В. Г. Богоразом, остались неидентифицированными со словами разговорного чукотского языка: подчеркиваем – в этом участвовали лучшие знатоки чукотского языка!

Аналогичным образом обстоит дело с эвенским алфавитом на латинской основе (на основе ЕСА). Мало того, что в 1930-е – 1940-е годы оставался не выясненным до конца состав гласных фонем (фактически вокализм эвенского языка получил адекватное описание с учетом предварительных экспериментальных данных только в самом конце 1940-х годов), а более или менее адекватно отражающая его графика введена в употребление только в 1959 г., но графика на основе ЕСА воспроизводила написание эвенских слов в миссионерских изданиях XIX века. Небезынтересно отметить, что в образцах эвенского фольклора, изданных в 70-е годы XIX века, отмечаются те же особенности передачи звучания эвенских слов, что и в переводе Евангелия, хотя в этих изданиях используется запись латинским алфавитом (лишь один текст был написан русскими буквами).

Таким образом, системанормативных написаний слов – орфография эвенского языка с использованием графики на основе ЕСА, не только не была фонематической, вопреки множеству работ 40–50-х годов – она была по существу традиционной, причем в достаточной степени немотивированной. То же справедливо и по отношению к чукотской орфографии. Неудачным был выбор многих знаков: если буква [э] (шва) обозначала гласный э, то чукотский краткий [ы] обозначался в чукотском алфавите на латинской основе взятым из кириллицы мягким знаком (хочется задать вопрос: знал ли об этом кто-нибудь из нынешних сторонников латинизации северных письменностей?). Более того, распространение латинского алфавита в школьном обучении иностранным языкам в его стандартном английском (чаще всего) или

немецком вариантах, чего не было в 1930-е-1940-е годы в северных школах, делало бы ЕСА совершенно непригодным для применения: слишком велики его отличия от общеупотребительного набора знаков латинской системы письма.

Есть другая разновидность мифологических рассказов о становлении и развитии письменности у народов Севера. Некоторые из пишущих на эти сюжеты, в частности, краеведы, склонны преувеличивать значение ранних форм изобразительной деятельности у северных народов, в частности, ограниченного использования рисуночных знаков наподобие чукотской письменности Теневиля (ср. публикации А.Макеева в газетах Корякского АО в последние годы).

Представления, навеянные поистине донаучным уровнем публикаций на данные темы, оказались способными множить невежество в столь значимом вопросе на широкую аудиторию: однажды в популярной телеигре «Поле чудес» прозвучал вопрос: «Какой народ пользуется письменностью, которую изобрел пастух?» Случайно подобранный (и оказавшийся, по мысли устроителей игры, правильным) ответ гласил: «Чукчи». То, что чукчи пользуются письменностью, и эта письменность на основе русского алфавита, осталось неведомым громадному большинству телезрителей во всех уголках России.

У ханты зафиксирован любопытный образец сказочной прозы, содержащий элементы мифологического, конкретно этиологического содержания: этот текст так и назван в публикации «Почему у остяков нет своей грамоты». Это рассказ, объясняющий, почему у ханты в наши дни нет своей письменности – потому что хантыйскую книгу съел лось – помещен среди хантыйских сказок [2, 179, текст № 53]. Разительная параллель с содержанием этого этиологического по своей сути рассказа представлена в чувашской пословице: «Чувашскую книгу корова съела». Думается, это совпадение не случайно – ханты,

как и чувашаи, до появления кириллической письменности для того и другого языков в течение длительного времени жили в соседстве с татарами, имевшими письменность, основанную на арабской графике. Вполне вероятно, что данный мотив имеет какой-то общий источник, который может быть обнаружен в перспективе среди разнообразных фольклорных рассказов – сказок и образцов несказочной прозы – содержащих мотивы появления или использования письменности.

Еще один широко распространённый миф: для развития языков и письменности много сделали писатели из среды коренных народностей. Этот миф существует, как некая константа, он не имеет повторяющегося содержания, однако нарративы с подобным содержанием распространены довольно широко. Посмотрим, всегда ли литературная деятельность коррелирует с активной языковой деятельностью в сфере функционирования родного языка и всегда ли литературное произведение и книга на родном языке, содержащая такое произведение – дело рук одного человека.

Юрий Рыхэу, имя которого мы уже упоминали, написал на чукотском языке всего 4 книги из 13 изданных на родном языке его книг: остальные 9 переведены на чукотский язык с русского профессиональными переводчиками – мастерами своего дела М.П. Легковым, и Л.Г. Тынель. Правда, Ю. С. Рыхэу сыграл видную роль в издании литературы на чукотском языке и как переводчик. Аналогичная деятельность Ю. Шесталова в истории мансийской письменности – белое пятно...

Такой миф в определенной социальной среде – среде героев мифов и их ближайшего окружения, в основном педагогов, писателей, литературных критиков и журналистов, часто принимает следующую форму: «То, что сделано, сделано руками самих северян – наших современников». В начале 1980-х годов в литературном мире России имела место шумная кампания, в центре которой был В.М. Санги,

издавший перевод двух сказок Пушкина на восточносахалинский диалект нивхского языка: «Пушкин впервые заговорил по-нивхски». «Благодаря писателю (В. Санги - А.Б.) впервые на нивхском языке в его переводах зазвучали произведения А. Пушкина, Л. Толстого, лучшие произведения советских литераторов» [3, 72]. Никакие другие переводы на нивхский язык не издавались ни ранее, ни позже вплоть до настоящего времени так что ни книги Льва Толстого, ни «лучшие произведения советских литераторов» нам на нивхском языке, увы, не доступны.

Если выражаться в той же манере, то надо сказать, что Пушкин заговорил по-нивхски намного раньше, еще в 1936 г., но этого перевода «Сказки о рыбаке и рыбке», выполненного А. Тыхта, нет ни в одной библиографии по языкам и литературе народов Севера, и он стал библиографической редкостью. Статус-кво был восстановлен только в справочном издании «Писатели и литераторы малочисленных народов Севера», подготовленном В. Огрызко (1999). Заметим, что тексты этого издания по языку все же не совпадают с текстами, изданными В. М. Санги, что свидетельствует о независимости и самостоятельности позже изданного перевода. Кстати, почему-то «Сказка о рыбаке и рыбке» всегда переводилась на северные языки под названием «Рыбак и рыба», «Рыбак и рыбка» ср. нивх. *ч'онан"нигвн" харач'охара*, эвен. *оламатти, олаккан-да*, - хотя у Пушкина слово «сказка» входит в заголовок текста.

Фактически любое упоминание какого-либо общественного деятеля или писателя, вышедшего из среды коренных северян в 1930-е-1940-е годы, сопровождается мифами. Так, на Чукотке после распространения по школам одного из методических материалов по литературному краеведению получил хождение миф о том, что эскимосский поэт, летчик по профессии Юрий Анко (1930-1960) трагически погиб в результате летного происшествия, причиной

чего стали опубликованные воспоминания Ю. Рыхэу о встрече с Анко во время его работы в Анадырском авиаотряде, окрашенные в романтический тон (в настоящее время немногим известно, что подлинной причиной смерти Ю. Анко, уже после снятия его с летной работы, было самоубийство).

В среде эвенов, в особенности за пределами Якутии, были распространены представления о том, что первый эвенский поэт и прозаик Николай Тарабукин (1910-1950) был крупным ученым и внес значительный вклад в изучение и описание эвенского языка. В 1980 г. в пос. Эвенск Магаданской области один из наших собеседников, партийный работник (эвен по национальности, педагог по образованию, выпускник Хабаровского пединститута), характеризуя себя, говорил, что он «представитель тарабукинского направления» в науке, и «не признает» трудов по эвенскому языку, написанных В.И. Цинциус, Л.Д. Ришес и К.А. Новиковой (автор этой статьи тогда учился на втором курсе аспирантуры и в этом перечне не фигурировал). Научные труды Н.С. Тарабукина не известны в печатном виде и никогда даже не упоминались в научной литературе по тунгусо-маньчжурским языкам (существуют лишь неясные рассказы о том, что какие-то его материалы хранились некогда в Якутском Институте языка, литературы и истории). Похоже наш собеседник на тот момент не знал о своем известном соотечественнике ничего, кроме его имени и того, что он был писателем. Позже аналогичный миф реализовался при редактировании пособия Е. Е. Банакановой «История и культура эвенов», где в авторском варианте утверждалось, что Н. С. Тарабукин – автор целых томов стихов о родной природе, родном народе и т.п.

Мифология культуры народов Севера – сложное явление, которое характерно для относительно узкого хронологического периода 1970-х – начала 1990-х годов. Причина его ясна: объем пропагандистской информации о культуре народов Севера, обремененной в наукообразную и

художественную форму, намного превышал объем материализованных произведений культуры этих народов, созданных за то же время. Основная масса образцов оригинальной литературы на языках народов Крайнего Северо-Востока, выпущенных в свет в названные годы, – переиздания напечатанных ранее книг: переиздания занимали значительное место и среди переводной литературы. Неясно, будет ли явление мифологизации культуры иметь какое-либо продолжение. Демографически такие мифы связываются с творческой или общественной деятельностью людей, чей возраст находится в диапазоне от 50 до 70 лет – людей 1930-1950 годов рождения. Питательной средой для этой мифологии является неадекватное восприятие культуры народов Севера самими коренными жителями северных регионов, незнание ее в среде приезжего населения и, отчасти, утрата какого-то объема научной информации о языке, литературе и культуре народов Севера в среде специалистов – лингвистов и этнографов в связи со сменой поколений и не в последнюю очередь вследствие изменений в образовательном стандарте и национальном составе североведов обеих специальностей. Перспективы у этих мифов неблагоприятные: большая часть их будет, очевидно, утрачена вследствие смены поколений. Но даже более вероятно, что та часть их, которая относится к языку и письменности, будет сведена на нет дальнейшим падением уровня языковой компетенции коренных жителей Севера, которое неизбежно еще больше снизит внимание к образцам письменной культуры малочисленных народов Севера, ныне более представляющим собой музейные предметы, подобно вышивкам и гравированным клыкам, отнюдь не единицы библиотечного хранения, как это можно было бы ожидать.

Литература

1. Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. Аваториз. Пер. с англ. М. Наука, 1991. 224 с.
2. Мифы, предания, сказки хантов и манси / пер с хант.-манс. и нем. языков. Сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной, под общ. ред. Е.С.Новик. М.: Наука; главная редакция восточной литературы, 1990. 568 с.
3. Огрызко В.В. Звуки языка родного. Магадан, 1990.

**Следы жанрового синкретизма и жанровых трансформаций
в мифологических рассказах и малых жанрах хантыйского
фольклора**

А.А. Бурыкин, доктор филологических наук,
доктор исторических наук

Института Лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург

В.Н. Соловар, доктор филологических наук
*Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок, Ханты-Мансийск*

Аннотация. В статье ведется наблюдение за жанровыми преобразованиями нарративных текстов – мифологических рассказов или сказок и образцов малых фольклорных жанров.

Ключевые слова: сюжет, мотив, миф, сказка, загадки, эпический текст, этиологическая сказка, космогонические мифы, синкретизм.

Изучение конкретной этнической фольклорной традиции немислимо без выяснения вопроса о связях между отдельными жанрами фольклора в реализациях одних и тех же элементарных минимальных сюжетов, мотивов, образов, и культурных констант иного типа, например, устойчивых сравнений, замещений, предметов с символическими функциями, а также предметов, имеющих какую-либо значимость для традиционной этнической культуры. Нам известно, что весьма часто сюжет нарратива или сам нарратив – образец какого либо повествовательного жанра, мифологический рассказ или сказка – постепенно вытесняется из континуума аналогичных образцов на периферию и меняет свои характеристики – прежде всего объем, а потом прагматику и жанровость.

Мы начнем изложение материала с предмета, который наилучшим

образом иллюстрирует объем интересующей нас проблематики – жанровых преобразований одних и тех же повествований или их фрагментов:

1. Эволюции мифа о солнце и луне с гендерной персонификацией.

У гренландских эскимосов зафиксирован миф следующего содержания:

Люди играют в тушение ламп, занимаются любовью при погашенных жирниках, и мужчины метят своих партнерш сажей; однажды мужчина сходится со своей младшей сестрой, узнает об этом; брат и сестра, смутившись, убегают, бегают по кругу, преследуя друг друга, поднимаются вверх. Старший брат, факел которого погас, превращается в луну, младшая сестра, факел которой продолжал гореть – в солнце [1, 478-479].

У эскимосов Аляски зафиксирован такой миф:

Брат влюбляется в сестру (видимо, младшую - авт.) и преследует ее, она уплывает в лодке, потом улетает на небо и превращается в луну, брат - в солнце; он укрывает сестру, когда люди видят лунные затмения [2, 131-132].

Два варианта близкого сюжета зафиксированы у эскимосов Канады: к женщине приходит мужчина, которого она не может узнать: она метит своего гостя сажей, потом видит эту отметку на лице своего брата; брат бежит за сестрой (или убегает от преследующих его родителей), сестра превращается в солнце, а брат – в месяц [2, 242-243].

В собрании чукотских загадок встретились два образца загадок, которые перекликаются по содержанию с мифологическим или сказочным сюжетом, бытующим у народов Северо-Востока Азии и Северной Америки, в частности, у эскимосов. Это следующие загадки:

1) *К'ол н'эвыск'эт гэтленьеутэ пэнин атчычетыльыт, нак'ам люткук лылавывркыт. Мэн'ин инэ микынэ к'ыриркынин? К'оо.*

Одна девушка со своим младшим братом всегда друг от друга прячутся и друг друга видеть не могут. Кто из них на самом деле кого ищет? Неизвестно... (Тиркытир, йѣилгын - солнце и луна).

2) *Э'рыкут к'ол а'ачек к'оленавыск'атэты рэмкичигъи. Эчги а'ачек пинтык'этгъи, н'эвыск'эт атчыгъэ. Ынкатагнэты пэнин ытлн тылельын, нак'ам н'эвыск'эт лъук лылавьыркынэн.* Один юноша хочет прийти в гости к девушке. Когда он приходит, девушка прячется. Он все время двигается, но девушку увидеть не может. (Йѣилгын, тиркытир - луна и солнце) [3, №№ 39, 40].

Первой из загадок, в которой указаны родственные отношения персонажей – что существенно, фигурантами выступают старшая сестра и младший брат, то есть единственная пара кровных родственников, союз которых в архаической сибирской или евразийской традициях попадает под запрет как инцест [4; 5]: в этом плане родственные отношения героев эскимосских мифов непонятны или трансформированы под влиянием иных традиций.

У эвенов имеется загадка с похожим содержанием: в ней речь идет о тех же объектах – луне и солнце – с той же гендерной противопоставленностью и теми же родственными отношениями (впрочем, о последних судить трудно: возможно, текст является обратным переводом с русского языка): *Акадмар экэнтэки эммоттэн. Акадмар эмрэкэн, дыккоттэн. (Нѣлтэн, аткикан).* Старший брат к старшей сестре приходит. Когда он приходит, сестра прячется. (Месяц и солнце). Точный перевод этого текста – «Чей-то старший брат к тетке-младшей сестре отца (которая, видимо, младше его) приходит», или «Старший брат к младшей сестре приходит» (если допустить, что в тексте сохраняется указание на гендер младшего партнера: в эвенском языке младший брат и младшая сестра обозначаются одним словом) [6, 112, 256].

Мы можем наблюдать, что подобные сюжеты, выступающие как этиологические рассказы о происхождении или обосновании запрета

на инцестуальные связи, у эскимосов сохраняются как образцы прозаических жанров, сказок или мифологических рассказов. У чукчей, как мы видим, мифологический рассказ с этиологическим содержанием свертывается в объеме до минимума и превращается в загадку.

На материале мифологии американских индейцев такие сюжеты обсуждались К. Леви-Стросом [7, 123-124]. К сожалению, в изложении К. Леви-Строса не указывается относительный возраст брата и сестры, что, как мы видим, является принципиально важным для понимания сюжета и оценки его возможных эволюций в нарративных формах.¹

Рассмотренные примеры показывают нам один из возможных истоков загадки как жанра. Оказывается, что некоторые загадки могут представлять собой свернутый нарратив: в нашем случае это варианты мифологических рассказов, которые существуют в более архаической традиции в виде довольно разветвленной системы вариантов, но при превращении в загадку теряют дифференцирующие их черты.

Чем именно вызваны такие переходы из одного жанра в другой – непонятно: в виде одной из гипотез мы можем предположить, что предметами загадок были не только реальные объекты, но и некоторые нарративные тексты, а то, что мы теперь называем загадкой, первоначально представляло собой определенную мнемотехническую систему запоминания мифологических рассказов, которые вторично разворачиваются из загадки: отгадкой таких загадок служат не слова-названия, а само содержание рассказа.

Рассмотренные примеры побуждают искать сходные образцы и ситуации в фольклоре обско-угорских народов.

Несмотря на наличие заметного количества загадок о небесных

¹ Огромное количество материалов по отношениям Солнца и Луны в мифах различных народов собрано в указателе Ю.Е. Березкина (Березкин 2014, А14. Затмения: отношения солнца с луной: А7377..10-25.27-29.31.35.37.38.40.42-44.50-52.53.59.61..62.65.67.68.70-73).

светилах, в хантыйской фольклорной традиции мы не обнаруживаем прямых аналогий с мифологическими рассказами и загадками о солнце и луне, приведенных выше. Тем не менее образ женщины-солнца – частичная персонажная аналогия с рассмотренными выше мифологическими рассказами – встречается в хантыйских загадках: *Төрәм найнам, нэви найнам ях сáмлал энтэ алэмлэт.* (Қәтәл). *На небесную женщину, божественную женщину не поднимаются глаза множества людей земли.* (Солнце) [8, № 4]. *Төрәм най эви хот лыпи эвэлт мўв щурэс мирэн ким ньэхэлты йнт всрэтла* Небесную божественную девушку тысячи людей не могут выгнать из дому. Придет время, она сама уйдет. (Солнечный луч) [8, № 6].

Примечательно, что хантыйские загадки о Вселенной, солнце, небе, месяце, как можно судить по их собранию [8] явно соотносятся с иным миром реалий и иными представлениями о них.

2. Миф о происхождении созвездия.

Среди мифологических рассказов ханты имеется такой текст: три крылатых человека - с Ваха, с Оби и с Енисея – бегут за лосем, ваховский бросает ковш, все они затем убегают на небо: «Теперь на небе три звездочки: это охотники бегут за лосем, а ковш это котел, который один из них бросил» [9, 69].

Судя по всему, здесь рассказывается о созвездии Ориона, и понятно, что ковш тут – Большая медведица. Очевидно, что записанный вариант является довольно поздним: в нем отражена география расселения ханты, но акцентирована особая значимость ваховского региона для рассказчика.

У эвенов имеется загадка о созвездии, которое по-эвенски называется «Горные бараны» (что имеется в виду, установить не удалось). Перевод ее таков:

Три человека горного барана пешком преследуют, всю жизнь преследуют, и не отстают, и не догоняют [6, 113, 256].

Несмотря на скудость сохранности жанра мифологических рассказов у эвенов, нам известны по крайней мере два варианта нарратива, объясняющего происхождение такого созвездия [10, 17; 11, 22, 42]. Варианты этих рассказов разобщены и в сильной степени трансформированы.

Мифологический рассказ о превращении охотников, преследующих зверя, в созвездие известен у канадских эскимосов [2, 243-244].

Группа сюжетов «Космическая охота» известна в большом количестве сюжетов и их вариантов [12]. Как и в предыдущем случае, в тех традициях, где мы фиксируем загадки с мифологической сюжетной основой, почти не представлены мифологические рассказы с тем же или сходным содержанием.

К рассмотренным здесь мифологическим рассказам примыкают следующие хантыйские загадки, связь которых с космической мифологией обско-угорских народов почти утрачена или далеко не очевидна: *Мўксәр қоңқии йәңк әнтә қәмрили, метәпи йәм ләйи войәх вөй әнтә тәили. Қоңқи қосәт*: Из какого ковша воды не глотают, из какого хорошего черпака не снимают жир? (Созвездие Большой Медведицы).

Йәм қө күтексәм войәх ләк: Хорошим охотником прослеженные лосиные следы (Созвездие Лося – Млечный путь).

Пахта мәх өхтынә сорни веләң йвәл қурәкинт, төппә цөхәл сәмәт арханам пәрәкинтәт (Кўрәң войәх ләк): По черной земле божественная нарта пронеслась, только снежные глазки рассыпались (Млечный путь) [8].

3. Загадки о звездном небе как предмете с отверстиями.

У ханты записаны следующие загадки о вселенной и звездном небе:

1) *Қот нумпи йимәң ләпас*.

Высоко над домом священный лабаз (Вселенная, Белый свет) [8];

2) *Хот лаңэл пирмән тәхты*: На потолке оленья шкура, съеденная личинками оводов (Звездное небо).

Аналогичная загадка есть у эвенков: *Большая-большая черная покрывка с многими-многими отверстиями есть (Ночное небо)* [6, 114].

Содержание этих загадок может быть поставлено в связь с мифологической экспозицией, зафиксированной в одном из эвенкийских эпических сказаний: *«Давно, давно, когда земля только становилась, когда небо-матушка подобно опрокинутому чуману было, жил один человек. Когда земля, словно ковер-кумалан, расстилалась, жил он, собирая ягоды. Появившаяся гора с холмик была, когда он жил; появившаяся река как ручеек была, когда он жил. Трава только пробивалась, а дерево величиною с четверть было, когда жил мата. Если посмотреть, что за жилище было у этого маты, оказывается чум-утэн из плах. Звали этого молодца Гарпас-мата-Гарпанучан»* [13, 257].

Опрокинутая посуда с дырками – одна из форм представлений о звездном небе в загадках: у эвенков подобной загадки не отмечено, но, возможно, она отыщется среди загадок других тунгусо-маньчжурских народов (странно, но загадки о Вселенной, небе и небесных светилах у тунгусо-маньчжурских народов, в отличие от загадок о других объектах, не показывают общности). В данном случае эвенкийский эпический текст сохраняет нам мифологический элемент, реализуемый в загадках, представляемых разными этническими традициями.

4. Этиологическая сказка о том, почему у глухаря брови красные: трансформации нарратива.

У ханты известна следующая сказка с названием «Почему у глухаря глаза красные». Вот ее текст:

Когда-то жили все птицы вместе и не улетали в теплые края. Стало холодно, собрались птицы улетать на юг. Собрались все вместе и решили завтра лететь. Глухарь ночевал отдельно. Утром он

прилетел туда, откуда должны были улетать птицы, но место было пустое, птицы уже улетели. Глухарь так долго плакал, что у него покраснели глаза. Весной птицы прилетели. Он рассказал, как провел зиму. Боровая птица решила больше не улетать на юг. Водоплавающая птица не поняла глухаря и стала на зиму улетать [9, 76].

Аналогичная сказка, объясняющая, почему у глухаря красные брови, есть у эвенов [14, 34-35; 5] и у кетов [15, 80-81]. Согласно указателю Ю. Е. Березкина, аналогичный сюжет имеет широкое распространение в Сибири: перечень народов, которым он известен – алтайцы, тофалары, шорцы, восточные ханты, кеты, северные селькупы, эвенки (туруханские, енисейские, сымские, баунтовские, Бурятии), эвены [12, 34-36].

Несомненно, на основе данного этиологического рассказа появилась хантыйская загадка, сохраняющая основное содержание текста: *Птицы в теплые края улетают, глухарь сидит и плачет. (Осень)* [8]. Любопытно, что предметом загадки становится фенологическое явление природы, а не наблюдаемый материальный объект.

В ресурсах Интернета отмечена эвенкийская загадка «У кого брови красные?» (У глухаря). Следовательно, процесс преобразования повествовательного текста, причем текста опять-таки мифологического (здесь перед нами этиологический рассказ) в загадку может проследиваться даже внутри одной этнической традиции: у эвенков эта сказка также имеет широкое распространение.

Сделанные наблюдения и отмеченные аналогии вскрывают наличие предметных и сюжетных акциональных связей между такими, казалось бы разными фольклорными формами, как мифологические рассказы и сказки и малые афористические жанры фольклора – загадки.

Заметно, что загадки чаще всего оказываются какими-то последними реликтами космогонических мифов и мифологических рассказов там, где данные формы утрачиваются полностью или находятся на грани исчезновения – такова ситуация с космическими

мифологическими рассказами у тунгусо-маньчжурских народов: чукчей и коряков, азиатских эскимосов, у которых, в отличие от эскимосов Аляски, Канады и Гренландии, мы пока не обнаружили ни одного образца таких рассказов по наиболее полным и репрезентативным собраниям фольклора азиатских эскимосов. В этих случаях эволюция от мифа к загадке связана с внутренними изменениями традиции или какими-то закономерностями взаимодействия фольклорных традиций более высокого уровня – например, азиатской и американской. В фольклорной традиции ханты, напротив, удастся отметить одновременное существование нарративных текстов – мифологических рассказов или сказок – и образцов малых фольклорных жанров, прямо отсылаемых к таким текстам, как загадка о глухаре, или связанных с ними опосредовано, как о звездном небе и небесных светилах. Мотив важенки, приходящей к людям [8], как думается, отражает традицию соотнесения мифологических рассказов с загадками, однако же датируется явно поздним временем, временем появления оленеводства у обско-угорских народов.

К сожалению, пока остается гипотезой возможность бытования какой-то части загадок в качестве мнемотехнического средства для запоминания мифологических повествований или функционирования загадок такого типа в качестве испытания на знание фольклорного репертуара в мифологической сфере. Возможно, какие-либо новые материалы позволят подтвердить данное предположение, тем более, что фольклор обско-угорских народов по мере того, как более фундаментально мы его изучаем, демонстрирует нам архаическое состояние не только в системе жанров, сюжетов и мотивов, но и в области прагматики, определенного содержательного наполнения и форм исполнительского применения одних и тех же сюжетов.

Литература

1. Сказки и мифы эскимосов. М., 1988.
2. Огненный шар. Легенды, предания и сказки эскимосов. Магадан, 1981.
3. Чукотские загадки / сост. и пер. на рус. и англ. яз. А. А. Бурыкина. СПб.: ООО «Миралл», 2006.
4. Бурыкин А.А. Мотив наказания за инцест в фольклоре народов Приамурья: три возможных объяснения // Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2003. 238-247 с.
5. Бурыкин А.А. Сказки обско-угорских народов в историко-типологическом освещении (заметки и наблюдения) // Этнокультурное и социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера: материалы междун. науч. конф. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2013. 26-51 с.
6. Бурыкин А.А. Малые жанры эвенского фольклора. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.
7. Леви-Строс К. Путь масок. Ревнивая горшечница. М., 2000.
8. Хантыйские загадки на казымском и сургутском диалектах / Е. А. Немысова, Л. Каюкова. СПб: ООО «Миралл», 2007.
9. Мифы, предания, сказки хантов и манси. Пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков / Сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной, под общ. ред. Е.С. Новик. М.: Наука, 1990. 568 с.
10. Чадаева А.Я. Национальная игрушка. Хабаровск, 1986.
11. Данилов Е.А. Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ. Якутск, 1991.
12. Березкин Ю.Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог // URL: <http://ruthenia.ru/folklore/berezkin/>
13. Василевич Г. М. Исторический фольклор эвенков. М., 1968.

14. Новикова К. А. Эвенские сказки, предания и легенды. Магадан, 1987.
15. Мифы, предания, сказки кетов. М., 2001.

**Образы духов в хантыйских быличках
(на материале казымского диалекта)**

С.Д. Дядюн

*Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок, Ханты-Мансийск*

Аннотация. В статье рассматриваются лесные духи в хантыйских народных быличках, исследуется степень ирреальности персонажей, их функция.

Ключевые слова: лесные духи, хантыйская быличка, язык, образ, запреты.

В конце XIX – начале XX вв. финский ученый К.Ф. Карьялайнен, исследуя религиозные верования и обряды обских угров, писал: «Современный мир духов остяков очень богат, настолько богат, что, наверно, никогда никому не удастся выявить число и имена этих духов, являющихся в этих странах предметом почитания или страха. И такие духи есть везде» [1, 6].

В качестве примера исследователь приводит рассказ остяка Демьянки: «Духи оказались везде: они есть на небе, на земле и под землей, они находятся в лесах и водах. Каждое болото, каждое озеро, каждый луг, а также каждая бухта и крутой берег реки имеют своего духа, будь то мужской или женский; в некоторых местах их несколько. Одни сильны, другие имеют меньшее влияние, некоторые могут оказать содействие во многих жизненных ситуациях, власть других ограничивается какой-нибудь небольшой обязанностью. Некоторые из них «добрые» и выступают защитниками и помощниками человека, хотя они также могут преследовать и обижать его, если находят для этого причины, другие «злые» по природе и пытаются причинить

человеку неприятности и вред, но в некоторых случаях их можно побудить к оказанию помощи. Упомянутые различия в характере духов между тем не являются настолько определенными, что бы на их основе можно было разделить духов на группы при детальном изложении материала; различия в силе только относительны, четкой границы между «добрыми» и «злыми» духами не существует и сейчас... [1, 6-7].

Мы проанализируем наиболее часто встречающихся в хантыйских быличках лесных жителей *Вөнт лөңх*, *Вүр мөңк* 'Лесной дух'; *Лон верты ими*, *Пун верты ими* '**Женщина, плетущая** сухожильные нити'. Этих персонажей не существует в реальности, однако любой носитель хантыйского языка и культуры имеет о них представление. Ему известно, как выглядят подобные существа, какова их роль в сказке, каков у них характер.

Вөнт лөңх, *Вүр мөңк* 'Лесной дух (букв.: дух леса, дух лесной гряды)' есть везде, в каждом глухом лесу, на каждом охотничьем угодье. В текстах подчеркивается его огромный, высокий рост: *Вөнт лөңх*, *Вүр мөңк*. *Луваттаң па ци вөлмал, кярэщ па ци вөлмал. Вөнт йүх-йөңк нүмпийән и шөпэл нөмән, ци мурт, тәңха, лүв ци кярэщ* 'Лесной дух, дух лесной гряды. Такого большого размера, высокий такой. Он выше деревьев наполовину, оказывается, такой он высокий'; *Кярэщ па кярэщ, вөн па вөн* 'Очень высокий, очень большой'.

Еще одно описание звучит следующим образом: *Пунәң сөмпи вөнт лөңх* 'Лесной дух с мохнатыми глазами'; *Пүнәң мулты вөнт ики, лүв муй кят муй хөләм мэтра пәлат ики* 'Какой-то лохматый (волосатый) лесной мужчина. Рост его – два-три метра'.

Этот мифологический персонаж отличается особым голосом, он издает звуки, не похожие на человеческие (нечеловеческий свист, громкий крик, от которого герои падают в обморок), например: *Щи күйтән ци хөллэллэ, тата шөхәмләт, тута шөхәмләт, йүлта ци төлы*

ин неңийэ. *Ащэл шөхты сый ци сацэл, ин һаврәмнән амтәтльәлнән* ‘Между тем слышит, то там свистнет, то тут свистнет, сзади догоняют женщину. Слышен свист отца, и дети радуются’; *Ин таңха, мәтт ахөйэл, йухлы сәм павтамтәс, муйән ийл...* *Вөнт лөңх и щальәң тўр, Вўр меңки щәләң тўр ўвтыйәлман* ‘И видно, кто-то из детишек оглянулся назад, а там что-то движется... Лесной дух диким голосом, дух лесной гряды пронзительным голосом кричит’.

В некоторых текстах отмечается, что духи являются слепыми или невидимыми: *Щацэл ими вөс сөмлы* ‘Тетя была слепая (букв.: без глаз)’; *Катра йис пүтәр, эви һаврәм атәлт көрта хайты ант рәхәл. Ант хайла, лупла, вөнт утәтән йухәтла* ‘Старинный разговор: девочек одних на стойбище оставлять нельзя. Нельзя, говорят, лесные духи придут’; *Щиты, таңха, ци шитама, Вөнт лөңх, Вўр меңк эвэн хуца вөлмәтәс* ‘Видно, как тайком дух леса, лесной дух у дочери поселился’; *Һаврәм холләты сый па антө. Һаврәм ици, таңха, сәм сайән вөл. Йа, эвэл ци вөл аңкәңәл-ащәңәл пила. Вантэ, вөлтыйән, лупла: «Сәм сай ут».* *Щи эвәлт ци, Вөнт лөңх, Вўр меңкән ици ци сәм сай утәт ци* ‘Плач ребенка тоже не слышен. Ребенок тоже, видимо, живет не в поле зрения. А дочь живет с матерью-отцом. Видишь, в жизни говорят: «За глазами живущие существа (букв.: невидимые)»’.

С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик, описывая хождения живого человека в потусторонний мир, отмечают: «Если для людей невидимы подземные духи, попавшие в наш мир, а живой посетитель потустороннего мира невидим для тамошних обитателей, то и сами земные визионеры порой оказываются невидящими – в некотором смысле слепыми» [2, 341].

Существуют определенные запреты, связанные с лесными духами, например: *Эви һаврәм атәлт көрта хайты ант рәхәл. Ант хайла, лупла, вөнт утәтән йухәтла* ‘Девочек одних на стойбище оставлять нельзя. Не оставляют: говорят, лесные духи придут’. Это подтверждает следующее предложение: *Ин эвийән йулән, атәлт ци*

хэйцэс. Имултыйэн ци хөллэллэ, мултыйэн ци йухтэм хурасэн, семэн, вантэ, а́нт кáл. Ин вантэ, вөнт лөңхэн, вур меңкэн ци йухатса. Сема а́нт нитэл, мутшиэты йа ци мутшиэллэ. Мулты нил ци таййэл ‘А дочка дома одна осталась. В один из дней слышит, кто-то к ней подселился, чувствует, а он на глаза не появляется. Видно, дух леса, лесной дух пришёл. На глаза не показывается, чувствовать – то она его чувствует. Какой-то у неё есть напарник, чувствует’. В данном примере аналогичная ситуация, связанная «с невидимым миром, невидимыми людьми» [2, 341].

Следующая формула говорит о том, что хантыйский человек может спастись от духов. Героиня сказки, прежде чем убежать от лесных существ, узнает у младшей сестры Менка, чего они боятся: *«Тáм вөлта́нэн, ны́н муй эвэлт вєра пáллэты?» «Муй вєра пáлты утэв, – луптэл, ин Вөнт лөңх эвийэн лупийэл, хáнты не а́ньхийэл пєла, – хáнтэт шөшийэлтэлэн, сылэмийэллэт сўмэт тунтэт, áтэм-ки вантлэллал, вантэ, иса нух а́нт менэмáлы. Щиты хáйты сўмэт хўца, рáньаки эвэлт муй вєра пáллэв». «Па щит тумпи, муй эвэлт пáллэты?» «Па катра пўпи хота єтлэв ки, щит вєра пáлты утэв ци»* ‘«В этой жизни, чего вы очень боитесь?». «Мы очень боимся, – говорит дочка лесного духа хантыйской снохе, – когда ханты ходят, рассекают бересту на берёзах, смотрят – если плохая, полностью не отдирают. Так оставляют на березе – такой содранной бересты мы очень боимся». «Кроме этого, чего вы ещё боитесь?». «Если нам встретится старая берлога, этого мы очень боимся»’.

На Казымской территории распространена быличка о местных духах, в которой происходит встреча охотника с семьёй лесных духов. Сюжет следующий. В одном селении жили бедные муж с женой. Мужчина отправился на охоту. Видит, посреди озера провалился под лед таежный дух. Просит этот Дух о помощи: *«Хáнты хө пухийэ, хўйат кєпа, мáнєма ньота!»* ‘Хантыйского мужчины сыночек, ради

бога, помоги мне!».

У лесного духа есть жена и сын: *Вөнт лөңх имэн, лүв па кярэц па ци вөлмал* ‘Жена лесного человека, она тоже высокая была’; *Ин вөнт лөңх пушэх, күвицэңхө луватты. Онтэп кэллал хайцтохлэт. Ыалмэл нүр камэн ци вуцийэл. Вөнт лөңхи цайьны тўр, вўр мсңки цайьны тўр ци ўвэл, ци холлэл ин ньаврэм* ‘Лесного духа ребенок, величиной со взрослого человека, одетого в теплую малицу мехом наружу. Вырывается, веревки от люльки чуть не разрываются. Язык полностью снаружи вертится. Лесного духа пронзительным голосом, духа леса звонким голосом плачет дитё’.

Главного героя былички лесной дух награждает за оказанную ему помощь, посылает удачу на охоте: *Щитэлэн, йам пелэк кувэц лыт ов вўшарэл нух менэмсэллэ па ци ханты хөйэла майслэ. Лупийэл: «Ин, йөш кўтэпэн ма нәңэна майты ут айт тайлэм. Көртэм хуца, йулэн, слты ки йухэтсэм, мойлэпсы-йа ар кўш тайсэм, нәңэна майтыа лөлән. Ин нәң таймэн вўйа, йөхэт па мулты вөнт войи уийән, йиңк хўлы уийән китлэм. Тәм йўпийән щәха, нурэмлан вөнт вой нухийән, вөнт хор нухийән вөлтэмлы тэканлэт. Щәха, нын йәма вөлты питлэтән, көсәңа йилтән»*. ‘И тогда он полоску от правого рукава гуся оторвал и отдал хантыйскому мужчине. Говорит: «Я сейчас в дороге, отдать тебе мне нечего. Если бы мы были на моем стойбище, то нашлось бы много наград для тебя. Сейчас ты возьми этот кусок, позже удачу какую-нибудь на зверя, на рыбу удачу пошлю. После этого амбары наполнятся мясом лесного быка, наполнятся мясом таежного зверя. Вы хорошо будете жить, обеспеченными людьми станете’.

В хантыйских сказках рассказчик отмечает, что лесные существа владеют хантыйским языком: *Лүв, вантэ, ханты йасәңэн нутэртал* ‘Он, видишь ли, на хантыйском языке говорит’; *Вөнт лөңхлан па ханты йасәң айт хөвөлэт!* ‘Духи леса, конечно же, знают хантыйский язык’. В текстах не указано, каким языком лесные существа еще владеют.

Хантыйского человека лесные существа охраняют от опасностей, дают возможность прийти с охоты с добычей. Охотник, рыбак в знак благодарности ставит угощение духам. В быличке имеется сюжет о неуважительном отношении к духам: Мужчина пришел в лес. Перед тем, как приступить к трапезе, он без должного уважения поставил тарелку с едой: *«Йа, – лупэл, – лөңхат, лэваты!»* ‘Ну, – говорит, – духи, ешьте!’. Вернувшись через короткое время со словами: *«Алпа лөңхлэм лэсэт!»* ‘Наверняка духи поели!’ мужчина обнаруживает пустую тарелку с носом. Далее поучительные слова все объясняют: *Муң вөн ханнехойэт луплэт: «Наң омэслэн ки ан, ушэң щирэн лупа. Ат сэвемийлэт. Муйа аңцемалэн? Вонтэң йаңхлэн, муй вўрэн вөллэн ищи вэр ици. Па шаль ки лэутээн муй аомэслэн? Щиты па, – лупэл, – луплэн? Па наң Төрэм омэсэлылты утэн, тўта омэсэлылты утэн ищи наң ищи лэсэн. Йам йэсэң хўты лупа. Вэвтэм хуты луплэн? Щиты хуты аңцемалэн. Па шальки, иса ал омсэ, иса йām»*. ‘Наши старики говорили: «Если ты ставишь угощение духам, скажи хорошим языком, пусть причащаются к угощению, зачем ты говоришь с пренебрежением? Если в лес ходишь, хоть в лесной гряде живешь, тоже самое. Если тебе жаль еду, то зачем ставишь? Ты же потом сам съешь эту еду. Скажи хорошими словами. Зачем плохо говорить? Если жалко, то совсем ничего не ставь – тоже хорошо»’.

Данные тексты рассказывались для того, чтобы научить слушателей не забывать исполнять надлежащие обряды. Если ты нарушишь запрет или забудешь выполнить какое-либо действие в лесу, вышеперечисленные духи явятся к провинившемуся. Таким образом, в текстах быличек нашли отражение такие важные параметры фольклорного образа лесного духа, как внешность, функции, которые дух выполняет, и запреты, связанные с ритуалом поклонения ему.

Следующий персонаж, распространенный в хантыйских быличках: *Лон вёрты ими* ‘Женщина, плетущая сухожильные нити’. В этнической

религии она покровительствует женскому рукоделию. В связи с этим также существовали определенные запреты: *Йэтна йил, ат пелэк са вөлты сем сай утлан нух ци питлэт, каймн хурасеп ут айтө, вантэ. Пун верты ими ай щацэн, лув ици ат (пайтлам) пелэк лавэлты най. Лув мйтты, йис путэр эвалт лупла, немасыйа омэсты тэхэл Вош йухан хуца. Немасыйа кярэц най вөл, цайта ци мет вөн Пун верты имэн хотэл вөл. Щартэн утэтэн цайта вантылэмэт, мйттыйэн, Лув ин имэн, кйт ньаврэмийэнэн тайл, эвсээн-пухэн. Ньаврэмийэнэл хот питэрн камэн йэнтэтэн ци шөшийэллэнэн. Ух пайтыйэлэн, мйтты, тыйэнэн, нурлампа тюр, лупийэллэт.* ‘Вечер настает, ночные невидимые существа встают, каких только нет, видно. Женщина, плетущая сухожильные нити, маленькая бабушка, она же «ночную» (темную) сторону охраняющая Най. В старинных рассказах говорится о том, что её настоящее местонахождение в Вошьюгане. Там есть возвышенное место, и на этом месте находится её настоящий дом. Ясновидящие люди видели, будто у нее двое детей: дочка и сын. Видели, как её дети по вечерам на улице, около дома ходят. Головы у них острые, похожи на горлышко стекла лампы. Такие дети, видно, у неё’.

В быличках отмечается, что эта женщина, плетущая нити [жилы], наказывает хозяек, нарушающих запреты на какую-либо работу, чаще всего запрет на изготовление нитей из сухожилий в вечернее, ночное время суток. Приходя к нарушительнице, *Лон верты ими* в наказание заставляет за одну ночь изготовить немыслимое количество сухожильных нитей. Героиня былички, чтобы спастись от нежеланной гостыи, поджигает кучу мусора, в которой находятся дети Женщины, плетущей сухожильные нити. Опечаленная мать произносит магическое заклинание: *«Йа, сяр, вөла! Йивлы Най сотэн эвем, йслы Най сотэн эвем! Ма сямем күй сяр хошнэлсэн, най сямэн ициты са хөнтты сяр хошнэллэм»* ‘Ну ладно, живи пока! Женщина без роду, без племени! Ты заставила мое сердце страдать, я тоже заставляю

твое сердце страдать!». Подобным пожеланием ‘Женщина, плетушая сухожильные нити’, обрекает героиню на несчастную жизнь. Хозяйка теряет своего сына: *Ин ци нэмэсыйэл: «И муйа щиты хэнты верэнтэм верэм, ин ци пята па ци ьавремиьем вэтиэсэм!»* Ин щиты са иса лапэт мар ин нэңийэн сэмэл ци хошэласа. Лапэт майр ьаврем холлэты сый ци сащэс. Йөхэт па сыйэл ци хэрлэс хулэла ‘Теперь думает: «И зачем я тогда так нехорошо поступила? Теперь из-за этого я ребенка потеряла!» Семь дней эта женщина страдала, слыша плач своего ребенка. Позже плач стих’.

Существовали и другие запреты, связанные с соблюдением традиций и обычаев жизни в лесу или на стойбище: *Кэтра йисэн иса ци вөн утэтэн вөнлталыйэв: «Тайпэр и тайхийа ал шошматы. Лупла, цимэц вөн тайпры пайэта Пун верты имэн хот верэл, щиви шушмацэл. Катра, вөн имэт леваса хэн сар, лавлэсыйэлман, па тайпрэт йира, исаиэк тум, амп йирты тайхи мухэлайа, ай пайиэва ци шошэмлайэт. И вөн пайа йнт шошэмла тайпэр, йнт рахэл* ‘В старину пожилые люди всегда учили: «Не кидайте мусор в одну кучу. Говорят, на таких больших кучах мусора женщина, плетушая сухожильные нити, дом себе сделает и там поселится». В старину взрослые женщины строго придерживались правил, обычно, они мусор вываливали маленькими кучками в стороне, где привязывали собак. В одно место мусор не вываливали, нельзя’.

Мы рассмотрели наиболее часто встречающихся лесных духов в хантыйских быличках, а также степень ирреальности персонажа, место обитания, форму проявления, запреты и установки в поведении человека при соприкосновении с такими существами.

Литература

1. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. / Перевод с немецкого и публикация д. ист. наук Н. В. Лукиной. Т.2. Томск:

Изд-во Том. ун-та, 1995.

2. Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. Невидимый и нежеланный гость
// Исследования по лингвистике и семиотике. Сб. статей к
юбилею Вяч. Вс. Иванова. / Отв. ред. Т. М. Николаева. М.:
Языки славянских культур, 2010. с. 393-408.

Роль пословиц и поговорок народа манси в воспитании подростающего поколения

М.В. Кумаева

*Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок, Ханты-Мансийск*

Аннотация. В воспитании нравственных качеств подрастающего поколения огромную роль играют произведения устного народного творчества: сказки, загадки, песни, былички и др. К образцам малых жанров народного фольклора относятся пословицы и поговорки, которые содержат поучительные наставления, похвалы, пожелания, запреты, порицания, предостережения, рекомендации.

Ключевые слова: мансийский фольклор, воспитание, пословицы, поговорки.

В жанровый состав мансийского фольклора входят малые жанры – пословицы и поговорки. «Пословица – краткое народное изречение с назидательным содержанием, народный афоризм...» [1, 568]. «Поговорка – краткое устойчивое выражение, преимущественно образное, не составляющее, в отличие от пословицы, законченного высказывания» [1, 530]. Пословицы и поговорки являются средством воспитания и развития младших школьников, подрастающего поколения. В народе с древних времен высоко ценятся такие качества человека, как трудолюбие, послушание родителям, уважение к старшему поколению, справедливость, честность, сострадание, доброжелательность.

Пословицы и поговорки имеют самую тесную, непосредственную связь с языком, являясь образными речевыми выражениями, употребляемыми в устной и письменной речи. Мы приведем примеры некоторых мансийских пословиц и поговорок, зафиксированных

нами у информанта Алгадьевой Варвары Васильевны в 1999 году в д. Менквя Берёзовского района Тюменской области:

*Наң рёгың суй ватат
хунь яныгмасын.*

Ты не на жарком бору
был выращен.

Говорят эту пословицу ребенку, когда он не слушает мать или отца. Или же так говорят:

Наң хотал рёгыл хунь яныгмасын.

Ты что, солнечным теплом
был выращен (а не родители
воспитывали)?

*Эрнэ рупата лаглыл,
камыл варае.*

Нужную работу (нужное дело)
ногами, руками выполняют
(делают), а не языком.

Используется как поучительное наставление, чтобы не мечтали, а делали (работали).

Тэнэ кат хоса.

Рука кушающего человека
«длинная».

Если некоторые блюда оказываются далеко от сидящих людей. И это выражение используется как призыв, чтобы не стеснялись. Проявление внимания одного человека к другому (к другим людям).

*Ювле хультум хотал кинсуңкв ке
патэгың, ёлнэ хотал ат хонтэгың.*

В прошлом оставшийся день
станешь искать – сегодняшнего
дня не найдешь.

Говорят эту пословицу со смыслом – не жить с обидой. Тот неудачный день давно остался в прошлом, и не стоит жить долгое время с грузом обид.

*Ёмас таьрыг рёх сусе сат
кёлыг ёлтта суйты.*

Голос хорошего журавля
за семь болот слышен.

Говорят о добром человеке, о его добрых делах. В следующем примере противопоставляется добро и зло:

*Ёмас хōтна сōт ос щунь тоты,
люль хōтна тārвит
вāрмалъ тоты.*

Хороший человек несет покой,
несет смятение человек
плохой [2, 64].

*Тāглың пасан тынтāл
хунь ёмты.*

Богатый стол даром
не дается [2,64].

Человек должен трудиться, тогда у него будет благополучие во всем, и в семейной жизни:

*Сёмьял олнэ хōтна ёнгил ёнгин
порат хунь кинсаве, тав кинсаве
рūпата вāрнэ порат.*

Выбирай невесту не на игрище,
а на работе [2, 64].

*Самыг сāt сэгрōсь
ўлтта кāсалэг.*

Видят глаза через семь
обских плесов [2, 64].

*Люкамтан лāтың касай элмипныл
āгмыңнувэг олы.*

Сплетня режет больнее
ножа [2, 64].

Ййв оc лyньсуңкве вёрми.

И дерево плакать может [2, 64].

*Лэнык такви хұрыг кйвырн ат
сялты.*

Песец сам в мешок не
полезет [2, 64].

*Хомус писаль пāтамты,
тасир ойнас суйты.*

Как ружье бабахнет,
так и эхо ахнет [2, 64].

Ёмас хōтна ёт ёрнколтāл оc ёмас.

С хорошим человеком и без
чума тепло [2, 64].

*Нак капаг ёмты ке, тōнт аквтоп
мāхум*

Коснется беда, люди словно
прозревают [2, 65].

*Няврамытн сōрни ул маен, сёмыл
нёхыс ул маен, а эрпащиң щирыл
вāрмалъ рūпата вāруңкв.*

В наследство детям не давай ни
золота, ни черных соболей,
а дай любовь к труду [2, 65].

*Лāпалахтыглы, аквтоп сās щарнэ
хольт ёхсы.*

Лжет, как береста
на огне вертится [2, 65].

Ёмас тāл кёлыг улян ат щараве.

Худое болото огонь
не берет. [2, 65].

*Люльнэ йив т̄аранэныл т̄ак, а
элмх̄олас посың номтыл (ё̄р).*

Нак капай ос нуса к̄ат хоса.

*М̄отхум āгм наңкинан ке выгын –
мутраг ё̄мтэ̄гын.*

*Хотьют т̄ārвитың сымыл ке ̄лы,
таим̄агыс акваг т̄ōрги.*

Ё̄мас ̄отырныл āмп ат ои.

*Сорумныл кос манк̄ем оен, щ̄ёровн
юил-ё̄хтавен.*

*Атың пил кинсымам, пыгум
ё̄рувласлум.*

Стойко дерево корнями, а
человек ясным умом [2, 65].

У горя и нужды руки
длинные [2, 65].

Примешь чужую боль – мудрым
станешь [2, 65].

Кто с недобрым сердцем идет,
всегда дрожит [2, 64].

От хорошего хозяина собака не
убежит [2, 64].

Сколько от смерти ни бегай – все
равно догонит [2, 65].

В погоне за сладкими ягодами
забыла сына [2, 65].

Особенностью пословиц и поговорок является то, что они состоят из простых предложений, так как «устная передача текстов диктовала еще одно необходимое условие к композиции текстов – экономии языковых средств, лаконичность... Лексический уровень текстов фольклора содержит в себе, хотя и в неявном виде, самые различные виды оценок. Это и этические нормы поведения и правила, и эстетические ценности коллектива» [2, 133-134].

Таким образом, пословицы и поговорки содержат значение поучительного наставления, похвалы, пожелания, запрета, порицания, предостережения, рекомендации. Они влияют на нравственное воспитание, на поведение подрастающего поколения. Справедливо замечают исследователи, что «в основной массе пословиц и поговорок нашли художественное воплощение все стороны трудовой деятельности и взаимоотношений людей: любовь и дружба, вражда и ненависть, отношение к науке, знаниям, природе; в них всесторонне характеризуются нравственные и моральные качества человека» [3, 117]. «Не ищи

легкого пути, ... этим ты измучаешь себя и других. Не сквернословь, не злись на всех и вся, не ругайся. Будь скромнен и требователен к себе, учись воздерживаться. Люди не боятся злых людей, стесняются совести человека. Ты – человек, у тебя есть дети. Ничто не чуждо человеку, поэтому не суди строго о поступках других, ибо такое же может случиться и с тобой, и с твоими детьми. Самое надежное в жизни – доброта: будь со всеми добр. Помогая другим, помогаешь себе. Не дели людей на бедных и богатых, на молодых и старых, на сильных и слабых, на начальников и рядовых, – ко всем относись доброжелательно» [4, 64].

Пословицы и поговорки передаются из уст в уста многие годы, не теряют своей значимости и в наше время.

Литература

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2004. 944 с.
2. Конькова А.М. Пословицы, поговорки, загадки восточных и северных манси // Народы Северо-Западной Сибири: сборник / под ред. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. Вып. 2. 64-73 с.
3. Зуева Т.В. Русский фольклор: учеб. для высш. учеб. зав. / Т. В. Зуева, Б. П. Кирдан. – 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2003. 400 с.
4. Григорян А.Б., Зуева У.Н. Основы формирования нравственного облика подростков на традициях народной педагогики: Методическое пособие для учителей национальных школ / под ред. А.Л. Бугаевой. Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2002. 74 с.

**Основные критерии выбора жениха и невесты
(на материале карельского фольклора)¹**

В.П. Миронова, кандидат филологических наук

*Институт языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН,
Петрозаводск*

Аннотация. Период поиска брачного партнера наряду со свадьбой относился к числу основных этапов в контексте жизненного цикла человека. Однако данному вопросу в карельской фольклористике до настоящего времени не уделялось должного внимания. В статье обозначаются возрастные границы юношей и девушек, которые согласно карельской традиции могли посещать праздники и беседы с целью поиска жениха и невесты. Особое внимание уделяется ключевым критериям при выборе брачного партнера. Выводы основываются на материалах, выявленных в различных фольклорных источниках.

Ключевые слова: карельский фольклор, свадьба, невеста, жених, брачный партнер, беседы.

Особое место в жизненном цикле человека занимало время поиска брачного партнера. В карельской традиции этот период длится для девушек с 15-16 до 22 лет, для парней – от 18-ти до 25 лет. Данный этап имел определенное наименование, говорили, что девушка девичничает «*neiijistäy*», а парень холостяжничает «*brihastau*». Для молодёжи это было необычное время, когда можно было ходить на беседы, праздники и игрища, знакомиться друг с другом. Яркие характеристики данного периода нашли отражение во многих фольклорных текстах. Так, пора жениховства, или холостая пора в карельских *ёйгах* представлена как «*kultani aika*» ‘золотая пора’, «*laatnoini laulu aika*» ‘ладная (т. е. приятная)

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта «Досвадебная обрядность Карелии: ритуалы и лирика». Проект № 14-14-10002

песенная пора' и «šoma šulhaissušaika» 'красивая пора жениховства', «katrilliaika» 'пора кадрили' и т.д. [1, 220-221]. Девичество наиболее ярко описано в свадебных причитаниях: «nuorukkaiset iloaikaiseni» 'молоденькие времечко радости' или «nuorukkaiset vuakloaikaiseni» 'молоденькое девичье времечко', «ihalmot igäizet» 'чудные годы', «iz'umnoit igäizet» – «изюмные годы», «kaunehet igäizet» – «красивые годы», «kuldazet igäizet» 'золотые годы', «kullanpuhtahuon igäizet» 'чистые, как золото годы' и т.д. [2, 79].

Элиас Леннрот в поэме «Калевала» также очень поэтично изображает девичью пору, сравнивая его со светлым днем:

<i>Valkie on kesäinen päivä,</i>	Светлым день бывает летний,
<i>neitinvalta valkeampi.</i>	доля девичья светлее [3, 71-72].

Основной целью поры девичничания и холостяжничания было найти себе достойного брачного партнера. В этнографической литературе имеется достаточно небольшое количество материала, подробно описывающего основные критерии при выборе жениха и невесты. Привлечение фольклорных текстов даёт возможность довольно четко определить их.

В целом все девушки, несомненно, были нацелены на брак, боялись остаться в старых девах. Недаром в народе говорят: «*Vesillä venosen mieli, tytön mieli miehoillah*» 'Лодке хочется на воду, девушке – в замужество' [4, 569]. Следует отметить, что с 22-летнего возраста девушка могла уже считаться «старой девой», по-карельски их называли *vanha tyttö*, *vanhu neičyt* или *neizakku* или *isänpenkin istuja* (букв. – «сидящая на лавке отца») или *harakan akka* (букв. – «жена сороки») [5, 224]. Про старых дев говорили, что у них: «*kašša hartiella happanou*» [6, 71] 'коса на плече истлеет', или что у них «*kassu kadaine, perze pedäjäine*» [6, 71] 'коса можжевельная, зад сосновый'. Деревенский социум наделял не вышедших во время замуж девушек определенными наименованиями, имеющими несколько негативный оттенок. Тем самым происходило их

выделение из числа обычных людей в группу неполноценных членов общества.

Поиск жениха и невесты занимал одно из центральных мест в досвадебной обрядности. При выборе брачного партнера учитывалось социальное положение и достаток: как правило, жениха и невесту искали себе в своем кругу. По справедливому замечанию финского исследователя народной культуры Пертти Вирттаранта, в целом, «богатые выходили за богатых, бедные за бедных, но ничто не мешало хорошему молодому мужчине посватать себе невесту в богатом доме» [7, 617]. Примечательно, что в карельском языке зачастую, говоря о своём суженом употребляли существительное *vastineh*, которое переводится как ровня, пара. «*Euluh sulahane hänellä aivain i vastineh*» ‘Жених не был пара для неё’ [8, 617]. Следует также заметить, что девушки из больших сел с некоторой неохотой соглашались выйти замуж за парня, живущего где-либо на хуторе. Они говорили: «*Ennem pitäš manna pokoššam (=kirkonkylän) puilla kum metsäkyläm miehillä*» ‘Лучше выйти за дерево на погосте (в данном случае имеется в виду, за дерево в селе), чем за хуторского парня’. В свою очередь парни отвечали таким девушкам: «*On sitä miehijä metsässäkin, sikojaki pappilassa*» ‘Есть мужчины и в лесу, как есть свиньи и в поповском доме’ [8, 617].

Внешние данные также были одним из критериев при выборе партнера, чаще, конечно же, невесты. Заметим, что относительно красоты девушки в народной культуре встречаются довольно противоречивые суждения. В эпической поэзии образ невесты нашел яркое отражение в сюжетах о сватовстве. При характеристике суженой в рунах чаще всего используется эпитет *kaunis* – красивый как один из наиболее значимых. К примеру, жених в южнокарельских рунах, даже не видя ранее своей суженой, обращается к ней:

«*Oi, sinä kaunis Katerin,
minä tulin sinuh sulhaziksi*»

«Ой ты, красивая Катерина,
я пришел к тебе в женихи» [9, 272].

В «Калевале» мифическая невеста также представлена как красивая дева Похъелы – «*kaunis Pohjan neiti*».

Следует отметить, что слово *kaunis* ‘красивый’ довольно редко встречается в современном разговорном карельском языке, но оно характерно для эпической лексики в целом. Финский исследователь А. Турунен отмечает, что значение определения «красивый» – *kaunis* в эпосе совпадает со значением этого слова в финском (карельском – дополнение мое. В. М.) языке [10, 106-107]. «Красивая дева» в данном контексте – это «миловидная», «приятная» девушка, в карельской руне этот эпитет чаще всего используется для описания внешних данных невесты [11, 112].

Однако в народной традиции в большинстве случаев внешность не занимала доминирующей позиции при выборе невесты. Не зря говорили: «*Čomal rožal čupukkua ei pasteta*», букв. ‘На красивом лице блина не испекут’ или «*Ei čomal rožal rokkad syödä*», букв. ‘С красивого лица похлёбку не едят’ [6, 19]. Здесь, несомненно, прослеживается соответствие данного карельского фразеологизма русскому «С лица воду не пить». Показательными в данном ряду являются выражения «*Ei čomal rožal voidu syvvä, eigo tuhmal savie survota*», букв. «С красивого лица масло не едят и на некрасивом лице глину не месят» [6, 19] или «*Kauneuves ei ole palkittu eikä ruumuives sakotettu*», букв. ‘За красоту не награждают, за не красоту денег не берут’ [4, 141], где бесспорно подчеркивается некое безразличие к внешним данным девушки. Таким образом, привлекательность могла быть каким-либо сопутствующим, вовсе не обязательным качеством незамужней девушки. Иногда даже подчеркивается, что за красотой могут скрываться те или иные недостатки. В одной из лирико-эпических песен красота девушки сравнивается с обычным пирогом:

*Moni on kakku kaunis päältä,
kovin kuorelta siliä
vaan on sirkkoja sisässä,
akanoita alla kuoren.*

Многие пироги красивы сверху,
очень гладкая у них корка,
только проростки внутри,
шелуха под коркой [12, 48].

Однако обращает на себя внимание то, что юноши все же стремились взять в жёны миловидных девушек: «*Neidizii kačotah piälöi myö da brihoi jalgoi myö*», букв. 'Девушек выбирают по головам, а парней по ногам' [4, 308]. При этом «*D'ogahizel pidäy olla tšoma*»: 'Каждому нужна красивая' [4, 518]. В некоторых случаях даже неумение девушки вести домашнее хозяйство уходило на второй план, говорили: «*Kaunis on kattila tulella, vaikka vettä kiehukohon; kaunis on emäntä kotona, vaikka ilman istukoon*», букв. 'Красив котелок на огне, пусть только вода в нём и кипит, красивая жена в доме, пусть даже без дела сидит'; или «*Tšoma pidäy olla, pätsil i šitukkah*», букв. 'Красивая должна быть, пусть даже на печи испражняется' [4, 518].

Вокруг красивых девушек в деревенском сообществе шла невидимая борьба. В народе говорили: «*Kaunehuon tähden on kylä kyndysilleh, miero varbasilleh*», букв. 'Из-за красоты деревня на ногтях, мир на ногах' [4, 141] или «*Tšoman rinnal tšokittau*», букв. 'Рядом с красивой колется', 'Рядом с красивой неспокойно' [4, 518], «*Ken tšoma, sid tora*», букв. 'Где красивая, там драка' [4, 518]. Вероятно, у красивых девушек было много поклонников, женихи могли посещать такой дом неоднократно, возможно, получая отказы. В таких случаях красивых девушек предупреждали: «*Älä kohise čomuttu*», букв. 'Не кичись красотой' [6, 19]. Зачастую красивые девушки могли быть несколько эгоистичными: «*Tšoma čipus, nenä n'ipus*», букв. 'Красивая сидит в углу, нос наморщила' [4, 519]. Кроме того, полагали, что за красотой скрывается истинное нутро девушки: «*Tšoma on silmien smuttii*», букв. 'Красота обманчива' [4, 518].

Все же на первый план при выборе невесты выходила не столько красота, сколько её здоровье, т. к. любой брак был нацелен в первую очередь на продолжение рода. Именно поэтому в эпической поэзии невеста чаще всего представляется как «румяная», «краснолицая», «бодрая» [11, 380]. Отрывок из южнокарельской эпической песни доказывает нам это:

«*Menen minä tuonne sulhoisekse,* «Пойду я туда женихом,
Hiijen Himmen tyttäreh; к дочери Химмен Хийси,
punavaine on vereväine, к румяной, полнокровной
Paglan Hermandoine». Силок Хермандойне» [9, 352].

Трудолюбие также было одним из важных, немаловажных условий при выборе невесты: «*Sit on kačo neidine näbei, ruadau kui värtin vieröy*», букв: 'Тогда девушка красивая, когда работает, будто веретено крутится' [4, 308]. Полагали, что помимо красоты, девушка, несомненно, должна обладать ещё и умениями. «*Ei čomal rožal voidu syvvä, taboi tarvita*», букв: 'На красивом лице масло не поешь, умения нужны' [4, 518], «*Ei čomal rožal rožal voidu syvvä, hot huonosel da juotasel*», букв: 'На красивом лице масла не поешь, хоть на плохой, да на тарелочке' [4, 518].

Любопытно, что в трудолюбии красивых девушек во многих случаях даже сомневались: «*Ei kaunis kaskel jouva, vereväine vierdämäh*», букв: 'Недосуг красивой идти на пожар, полнокровной деревья жечь' [4, 141] «*Ei čomii kattilah panna, eigo nägo äijän rua, kaunis kaskie polta*», букв: 'Красивых в котёл не положат, (хорошая) внешность много не работает, красота пожару не сожжет' [4, 518].

Вполне естественно, что более все же ценились трудолюбивые девушки: на молодую жену рассчитывали как на дополнительную рабочую силу, помощницу для ведения домашнего хозяйства. В карельских *ёйгах*, к примеру, одним из ключевых является вопрос, сумеет ли девушка-невеста исполнять/выполнять по наказу свекрови нелегкие домашние работы (по хозяйству): «*olkatyöt*» букв.: 'подплечные, т. е. трудные работы'; «*sujottatyöt*» 'суетные работы', «*ankehet työt*» 'трудные, тяжелые работы' и т. д.:

Tulonko osra uurahäini
uitija kotiutumeh ulkotöllä (olkatöillä)?

<...>

valmistelomašša vaimaloita töitä?

Будет ли ячмень (т. е. невеста) трудолюбивой,
будет ли ходить на хозяйственные работы вне дома?

<...>

(сумеет ли) выполнять домашние (тяжелые) работы? [1, 60-61].

Таким образом, едва ли не основной стороной брака была экономическая составляющая, поскольку создание новой пары осмыслялось как некий хозяйственный акт: прием в свое хозяйство работника и продолжателя рода.

В этой связи следует отметить еще один довольно любопытный факт: девушки на выданье старались меньше есть в присутствии парней, к примеру, не только на беседах и в гостях, но даже при сватовстве и в первые дни в доме мужа. Они старались воздерживаться от чрезмерного приема пищи, даже если они были очень голодными. Севернокарельские женщины вспоминают, «часто девушек уводили от праздничного стола в кладовую, и только там они могли наесться вдоволь» [7, 618]. Возможно, некогда холостых парней предупреждали, что нельзя брать себе в жены ненасытную девушку.

Итак, при выборе невесты учитывалось её социальное положение, внешние и физические данные девушки. Немаловажную роль, несомненно, играло её трудолюбие и умение вести домашнее хозяйство. К примеру, в Южной Карелии (в Ведлозере) сваты смотрели, «бойкая ли девушка, мастерица ли, быстра ли на работу, чистокровна ли и пригожа, статна ли, здорова ли и полнокровна» [13, 57].

Однако девушка, несомненно, должна была обладать некой внутренней привлекательностью, «лемби». При всем описанном трезвом подходе к выбору жениха и невесты в народе существовало убеждение, что суженый, как и судьба в целом, были предречены свыше. Недаром говорили: «*Ozas piäliči et hypie*» ‘Через судьбу не

перепрыгнешь»; или «*Ei ole oza ostamoine, lykky tiel löydämöine*» ‘Счастье нельзя купить, а судьбу (долю) найти на дороге’ [4, 341].

Большую роль при выборе невесты придавали целомудрию девушки. В целом, как отмечали собиратели начала XX века, «что касается до карельских женщин, то они известны своим целомудрием» [14, 111].

Повсеместно был распространен обычай осматривания брачной постели. Однако «нечестность» девушки чаще всего не обнаруживалась [16, 17], в случае нечестности все могло «проходить потихонечку» [15, 29]. Хотя зачастую о целомудрии объявляли при помощи различных обрядов. Наутро молодым и всем гостям подавали кисель. Если невеста была нечестной, то жених брал кисель ложкой с середины и клал обратно. Гости тут же бросают ложки и уходят. Если невеста честная, жених брал кисель с краю и ел [16, 47].

После брачной ночи «патьяшка будил молодых и спрашивал: «Не надо ли в баню?» А если и не надо (девушка нецеломудренна – В. М.), всё равно топили, стыда не сделают. Да и честные были (девушки), люди видят все» [15, 25]. Перед посещением бани у жениха спрашивали: «*Mittuot astiet pidäy murendua, lujat vai murendetut?*» ‘Какую посуду надо разбить: целую или потрескавшуюся?’ В зависимости от целомудрия невесты, битые или целые горшки разбивали об дверь бани [15, 71]. После омовения направлялись к теще на блины. Если невеста не была раньше «испорчена», то зять ел блин, начиная с края, в противном случае – с середины: делал в блине большую дырку, растягивал и показывал всем присутствующим [16, 21]. Нецеломудренные девушки осуждались, если девушка оказывалась таковой, приносили хомут и говорили: «Вот, сватушки да сватыюшки, принимайте позор [15, 37]. В некоторых случаях хомут попросту, без каких-либо слов вешали у печки [16, 9]. По сообщениям многих информантов, нецеломудрие девушки могло привести к разводу, такие пары «плохо жили».

Основные критерии при выборе жениха в фольклорных

источниках отражены гораздо слабее. Наиболее ярко образ молодого парня, жениха описан в карельских ёйгах. Он представлялся высоким, статным, в текстах для его изображения используются такие иносказательные выражения как, *korkievarsi*, *suurivarsi* 'высокий стан', *parašvarsi* 'лучший стан' *šorievarsi* 'красивый стан', *suorivarsi* 'стройный стан'. Внимание уделялось и привлекательности жениха: *kaunistuoto* 'красивый облик', *komeamuoto* 'прекрасный облик'. Окружающими оценивалось и его физическое состояние, и наличие хорошей родословной: молодой человек должен был иметь красивую кровь (*šomaveri*), лучшую кровь (*parašveri*), светлую кровь (*valoveri*), чтобы получить хорошее потомство [1, 216-217]. С точки зрения деревенского социума, привлекательность, так же, как и причисление жениха к представителям хорошего рода (семьи), были, скорее, некими сопутствующими, но немаловажными для невесты и её семьи факторами. Первостепенное значение имело наличие хорошего крепкого хозяйства. Недаром родственники невесты отправлялись в дом жениха после сватовства. В Северной и Средней Карелии этот обряд, скорее, напоминал гостьбу. В карельском языке закрепились даже определенные наименования за подобными действиями: беломорские карелы говорили, что «едут винопийцы» *«männäh viinanjuojat»*, сегозерские: *«gost'at»*. В Южной Карелии, напротив экономическая сторона выступала на первый план: родственники невесты ездили в дом жениха «смотреть дом», «смотреть место». «А там уже осмотр места; это из всех дел самое важное, самое важное время: [смотрят] что дальше делать, как готовить свадьбу, вот тут и есть «приказ», когда свадьбу решают устраивать. И от приказа начинается свадьба. <...> Если будет свадьба – едут с колокольчиками, колокольчики под дугой, когда едут с «места» [17, 276].

Кроме того, жених должен был, несомненно, обладать определенными умениями. В карельских рунах невеста проверяет способности сватающегося к ней жениха, предлагая ему для исполнения

различные задания: вспахать змеиное поле, поймать огромную щуку и т. д. Здесь нужно проявить не столько свое мастерство, сколько магические знания.

Таким образом, создание новой семьи, воспринимающееся в основном как некий экономический акт, предполагало в качестве брачного партнера невесту (жениха) из хорошей богатой семьи. Обязательным условием было наличие крепкого здоровья, необходимого для продолжения рода. Однако немалое внимание молодых людей было сосредоточено также на внешних данных. Свидетельством сделанных выводов являются многочисленные примеры карельских пословиц, *ёйг* и свадебных причитаний.

Литература

1. Карельские ёйги / изд. подгот. Н. А. Лавонен, А.С. Степанова, К.Х. Раутио. Петрозаводск, 1993.
2. Степанова А. С. Словарь языка карельских причитаний. Петрозаводск, 2004.
3. Леннрот Э. Калевала / перевод Э. Киуру, А. Мишин. Петрозаводск, 1999.
4. Karjalaisia sananpolvia / toim. L. Miettinen, P. Leino. Helsinki, 1971.
5. Макаров Г. Н. Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990.
6. Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск, 2000.
7. Virtaranta P. Vienen kansa muistele. Porvoo, 1958.
8. Словарь карельского языка / изд. подгот. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.
9. Карельские эпические песни / изд. подгот. В. Я. Евсеев. М.-Л., 1950.
10. Karjalan kielen sanakirja / päätoim. P. Virtaranta. Osa 2. Helsinki, 1974.

11. Turunen A. Kalevalan sanat ja niiden tausta. Helsinki, 1979.
12. Kanteletar. Petroskoi, 1985.
13. Karjalan kielen sanakirja / päätoim. P. Virtaranta. Osa 1. Helsinki, 1968.
14. Чубинский П. П. Статистическо-этнографический очерк Корелы // Труды Архангельского статистического комитета за 1865 г. Кн. 2. Архангельск. 1866. 111 с.
15. Научный архив. Фонд 1. Опись 50. Ед. хр. 3. Л.17.
16. Научный архив. Фонд. 1. Опись 29. Ед. хр. 49. Л. 47.
17. Endine svuad'bu // Образцы карельской речи / изд. подгот. Г. Н. Макаров, В. Д. Рягоев. Л., 1969. 276 с.

Человек и его окружение в песенном творчестве народа манси

Л.Н. Панченко

*Обско-угорский институт прикладных исследований и
разработок, Ханты-Мансийск*

Аннотация. Главным действующим лицом и предметом изображения в личных песнях манси является человек и его окружение в разных его ипостасях. В обозначении персонажей преобладают антропонимы и лексемы, определяющие родственные отношения.

Ключевые слова: человек, окружение человека, лексемы, песня, родственная терминология.

Поэтика фольклора, в том числе и народной песни, имеет ярко выраженные национальные особенности. Константин Сергеевич Аксаков по этому поводу сказал, что «В народных песнях высказывается народ; в них он является со всем своим богатством, во всей своей силе; они также изустно повторяются, они поются, и элемент музыкальный, соединяясь с поэтическим созданием, также высказывает дух народа» [1]. Это суждение справедливо и в отношении мансийских песен. Они неразрывно связаны с жизнью народа, с историей, бытом, трудом, его мифическими представлениями. И независимо от того, являются ли они лирическими, историческими, героическими, медвежьими песнями, в основе их лежит человеческое миропонимание, его отношение к окружающей действительности и глубинные внутренние переживания. Поэтому-то песня по своей природе является глубоко лирическим поэтическим произведением.

Главным действующим лицом и предметом изображения в искусстве является человек. И, соответственно, человек и его окружение обязательно присутствуют в песнях народа манси.

Для анализа нами было отобрано 2 сборника песен (28 песен)

[2; 3], 2 компакт-диска с песнями (24 песни) [4; 5], полевой материал, зафиксированный у северных и лозьвинских манси. Количество слов, связанных с образом человека в данных песнях, составило 96. В основном в личных песнях представлена пара: это, как правило, мужчина и женщина, например, в песне «*Пасыр-Я-Пāvлын Тропим āги, Тарья, эргум эрыг*» ‘Из деревни Пасыр-я павыла Дарья, дочь Трофима спела песню’

<i>Пасыр-Я луйил вольныйл</i>	С реки Пасыр-Я с северного плёса
<i>Хōнхан ўрантэгул?</i>	Кого я ожидаю?
<i>Петр Капитоныч</i>	Петра Капитоновича,
<i>ятыл румам,</i>	дорогого друга,
<i>Наңын ўрантылум.</i>	тебя ожидаю

В этом примере можно увидеть два персонажа: саму девушку, влюбленную в Петра Капитоныча, и молодого человека.

Но наряду с ними встречаются и родители главных лиц, родные и близкие, сваты и т. д. Причем в некоторых песнях представлено от одного до четырех и более фольклорных персонажей. Например, в мансийской личной песне «*Хōслох пāвыл Нила эква*» ‘песня четырёх женщин из деревни Хошлог’, представлены сразу пять персонажей, названных по их собственным именам, это *Виктор ойка мāнь Марьякве* (маленькая Мария, (дочь) мужчины Виктора), *Улякси ойка мāнь Окупья* (маленькая Агафья, (дочь) мужчины Алексея), *Виктор ойка мāнь Овотья* (маленькая Авдотья, (дочь) мужчины Виктора), *мāнь Митри ойка мāнь Марьякве* (маленькая Мария, (дочь) маленького мужчины Виктора), и пятый персонаж – это *Мёров Вāська* (Меров Василий).

<i>Мёров Васька вāрапалум</i>	Изготовлена Меровым Василием
<i>Ты ййиве тē мāsьтыр хāпыл</i>	На лодке, мастерски изготовленной из дерева
<i>Агит та товантанэтева....</i>	Девушки, гребём (на вёслах)...
<i>...Акватёва хōнха олум?</i>	Кто же первая из нас?
<i>Виктор ойка мāнь Марьякве...</i>	Мужчины Виктора (дочь) маленькая Мария...
<i>...Мōтантёва хōнха олум?</i>	Кто же другая из нас?
<i>Улякси ойка мāнь Окупья...</i>	Мужчины Алексея (дочь) маленькая Агафья
<i>...Хурмитатёва хōнха олум?</i>	Кто же третья из нас?
<i>Виктор ойка мāнь Овотья...</i>	Мужчины Виктора (дочь) маленькая Авдотья...
<i>...Нилитатёва хōнха олум?</i>	Кто же четвёртая из нас?
<i>Мāнь Митри ойка мāнь Мāрьякве...</i>	Мужчины маленького Дмитрия (дочь) маленькая Мария...
Или же в песне «Хурум Кукин āги эрыг» ‘Песня трёх девушек Кугиных’, представлены пять персонажей, это <i>Кукин Семьён Контратевитич</i> (Кугин Семён Кондратьевич), <i>Кукин Аннэ Васильовнэ</i> (Кугина Анна Васильевна), <i>Кукин Оксинья Ювановнэ</i> (Кугина Аксинья Ивановна), <i>Кукин Катярина Ювановнэ</i> (Кугина Екатерина Ивановна), <i>Сайнахова Петуся Ювановнэ</i> (Сайнахова Федосья Ивановна).	
<i>...Хурум Кукин āги эргитёва...</i>	Три девушки Кугины поём,
<i>Хурум Ювановнэ эргитёва</i>	Три Ивановны песни исполняем,
<i>Месыг пāвыл хултёва</i>	Древню Месыг оставляем.
<i>Кукин Семьён Контратевитич</i>	Кугин Семён Кондратьевич,
<i>Хурум хōтал мāн магсыл</i>	На три дня для нас данных (для переезда)
<i>Манарыга ёхталамыкē</i>	Зачем пожаловал?..
<i>...Кукин Семён Контративитич</i>	Кугин Семён Контратьевитич,
<i>Потранытен сака саль</i>	Наши жалобные речи (о нашем нежелании уезжать)

Минзегекен сака салькве

Тебя не задевают? Нет желания у
нас уезжать.

Хурум Ювановнэ люньситёва

Три Ивановны плачем:

Кукин Аннэ Васильовнэ

Кугина Анна Васильевна,

Кукин Оксинья Ювановнэ

Кугин Акси́нья Ивановна,

Кукин Катярина Ювановнэ

Кугин Катерина Ивановна,

Сайнахова Петуся Ювановнэ

Сайнахова Федосья Ивановна, –

А́гит оса э́ргатантёва

Девушки, снова поём.

Итак, из анализируемого нами песенного материала выявлены следующие лексемы, характеризующие человека. Их можно условно подразделить на:

а) **лексемы, характеризующие внешние данные:** *сагунэ* ‘женщина с косами’, *хури́н нэ* ‘красивая женщина’, *не́тнэ нэ́кве* ‘красивая девушка’, *най а́ги* ‘красивая девушка’;

б) **лексемы, определяющие возраст:** *матум э́ква* ‘старая женщина’, *не́с ма́хум* ‘старожилы’;

в) **лексемы, определяющие место обитания:** *лу́сумнэ* ‘лозьвинская женщина’, *сипи́р ма́ньси* ‘сибирские манси’, *маньси а́ги* ‘манси́чка’, *маньси ми́р* ‘мансийский народ’, *мотпа́л хо́н са́в ми́рквена* ‘люди других стран’, *Ме́сыг па́выл на́лыман а́ги* ‘сорок девушек из деревни Месыг павыла’, *э́рзян а́ги* ‘э́рзяночка’;

г) **лексемы, определяющие характер человека:** *е́втың нэ* ‘с луком женщина (алчная)’, *какры́н нэ* ‘чувствительная женщина’, *куль а́ги* ‘дочь злого духа, (злая)’, *сымн нэ* ‘сердечная женщина’, *Хуль на́йер а́ги* ‘дочь Хуль наера (злая)’, *сымн хум* ‘сердечный мужчина’, *то́нтнэ* ‘желанная, милая гостья’;

д) **лексемы, определяющие действие, совершаемое в песне:** *аюм нэ́кве* ‘пьяная женщина’, *аюмнэ* ‘пьяная женщина’, *сй́й ай́нэхум* ‘чай пьющий’, *пут тэ́нэхум* ‘едающий’, *ху́рум хо́талыл ху́льтум а́ги* ‘в трехдневном возрасте оставшаяся без матери девочка’, *ся́ньта́л ма́глыл*

яныгмам айи ‘без материнского молока вскормленная девочка’, аймын мйрув ‘больные’;

е) **лексемы, характеризующий социальный статус:** *капайнэ* ‘богатая, зажиточная женщина’, *марнэ хум* ‘неимущий человек’, *ласяр нуиң пальтын хум* ‘мужчина в старом суконном пальто’, *канась* ‘князь’, *аяң хум*, *пояр* ‘барин, важный человек’; *мā кӯщай* ‘хозяин земли’, *вит кӯщай хум* ‘хозяин воды’, *Най* ‘хозяйка дома, семьи’, *яныг ойка* ‘глава, князь’, *яныг нэ* ‘старшая, главная женщина’;

ж) **местоимения:** *ам* ‘я’, *наң* ‘ты’, *тав* ‘он, она’, *тән* ‘они двое’, *тāн* ‘они’, *ман* ‘мы’;

з) **лексемы, определяющие социальный статус человека:** *алысъланэ мāхманува* ‘добытчики’; *сāлы ўрнэ ойка* ‘пастух-оленовод’, *утарник* ‘ударник’, *истарсин* ‘старшина’, *ойкарись* ‘мужичок’, *рума* ‘приятель’, *хōтпа* ‘человек’, *мйр* ‘народ’, *хумикве* ‘милый человек, милый муж’, *хумрьсь* ‘мужичок’, *юрт* ‘друг, подруга’, *ōты юрт* ‘ласковый друг, подруга’, *юртум* ‘мой друг, мой муж’; *юрт* ‘друг, товарищ’;

и) Больше всего песен, где встречаются **имена собственные (антропонимы)** (40 имён). Их также можно распределить на **просто имена:** *Лāтимир* ‘Владимир’, *Пāска* ‘Пашка’, *Потепка* ‘Фотей’, *Ющам* ‘имя’, *Тарась ойка*, ‘мужчина Тарас’, *Тимк ойка* ‘старина Тимка’, *Василиса аңквум* ‘мама Василиса’, *Матрана эква* ‘женщина Матрёна’, *Петя ойкам* ‘мой муж Петя’, *мāнь Маярыща* ‘маленькая Маечка’, *мāнь Мйхайла* ‘маленький Михаил’, *Нуса Аннэ* ‘бедная Анна’, *мāнь Митри ойка* ‘милый Дмитрий мужчина’, *мāнь Сахарка* ‘маленький Захарка’, *Мāрья Викторōвна* ‘Мария Викторовна’, *Кӯренька Сēмановна* ‘Куринька Семёновна’; на **имена, которые указывают на конкретные персонажи**, например: *Тāгт канась яныг ойка* ‘сосьвинский главный князь’, *Хоривāt ойка* ‘мужчина Хориват’, *Пāстыр мāхум* ‘народ Пастыр’, *Рōсь пāвыл ойка* ‘мужчина из Рось павыла’, *Месыг хум* ‘мужчина с деревни Месыг’, *Виктор ойка мāнь Марьякве* ‘Виктора мужчины маленькая (дочь) Мария’, *Улякси ойка мāнь Окупья* ‘мужчины

Алексея маленькая Агафья', Виктор *ойка* *мань* Овотья 'Виктора мужчины маленькая (дочь) Авдотья', *Мань* *Митри* *ойка* *мань* *Марьякве* 'Маленького Дмитрия мужчины маленькая (дочь) Мария', *мань* *Митри* *ойка* *яныг* *аги* 'старшая дочь мужчины Дмитрия', *Мувыңкес* *Ванька* *мань* *Овотья* 'Милая Авдотья (дочь) мужчины Ваньки из Мувынкеса'; *Ватищупов* *мань* *Щёнякве* 'Вадичупов маленький Сенечка', *Соип* *мань* *Пашакве* *Соип* маленький Пашечка', *Союп* *мань* *Матьвойка* 'Соип маленький Матвейка', *Лаверин* *мань* *Таня* 'Лаверина маленькая Таня', *Сотомин* *аги* *яныг* *Туца* 'Садомина старшая дочь Дуся', *Шесталов* *яныг* *Ювана* 'великий Юван Шесталов', *Соип* *Овотья* 'Соип Авдотья', *Сотам* *Михаил* 'Садомин Михаил', *Юван* *мань* *Олякве* 'мужчины Ивана маленькая Ольга', *Мёров* *Васька* 'Меров Василий'.

В песнях встречаются имена святых духов-покровителей, например: *Нёрен* *ойка* 'божество, святой дух-покровитель', *Най* *эква* 'богиня, святая покровительница'.

Антропонимы ярко показывают не только национальную специфику песен, но и то, что эти люди когда-то жили на данной территории, и их имена, как свидетели прошлого, навсегда запечатлелись в текстах песен.

В отличие от современных песен, антропонимы в народных песнях отнюдь не случайны, и не используются произвольно. Они конкретны и историчны, так как за ними стоят реальные люди, которые немеркнущими делами и подвигами прославили свой род и навсегда остались в памяти благодарных потомков.

к) **лексемы, относящиеся к родственной терминологии (46 лексем):** *аки* 'дед', *ат* *вāпсытем* 'пять зятьков', *ащум* 'мой отец', *ащикве* 'милый отец', *номтың* *ащум* 'мудрый отец мой', *маньнэ* 'невеста', *манииг* 'две невестки', *нэ* 'женщина, жена', *няврамаквет* 'дети', *нёсум* 'сват', *нёсумнэ* 'сватья', *нюсумнэкве* 'сватья', *ома* 'мама', *тының* *оматем* 'дорогая мамочка', *о́ня* 'сноха', *пāньтя* 'шурин', *пыг* 'сын, парень, юноша', *пыгкве* 'сыночек', *пыгкенув* 'наши сыночки', *пыгум* 'мой сын', *пыгыт*

‘юноши, парни’, *сянь* ‘мать’, *хум* ‘муж, мужчина, человек’, *ятыл* *хумим* ‘мой милый муж’, *яг* ‘отец’, *яг āгияныл* ‘братьев девушка (сестра)’, *ягпыг* ‘брат’, *ягпыгквега* ‘два наших братика’, *вāt* (*хус*) *ягпыгатем* ‘тридцать (двадцать) моих братьев’, *яныг пыг* ‘старший сын’, *яныг пыгрись* ‘старший мальчик’, *элалъ хāйтнэ пыг* ‘сын на выданье’, *āги* ‘дочь, девушка, девочка’, *āгит* ‘дочки, девушки, девочки’, *āгикве* ‘доченька, милая девушка’, *āгилисит* ‘девчущечки, дочурочки’, *āгилисъквет* ‘девчоночки, доченьки’; *āгикенув* ‘наша доченька’, *āги-лупта* ‘доченька-цветочек’, *ат āгиквем* ‘пять дочек’, *тының āгитем* ‘дорогая доченька’, *элалъ хāйтнэ āги* ‘дочь на выданье’, *āнкв* ‘женщина-красавица, мать’, *ōйка* ‘муж, мужчина, старец’.

Как видно, в них, помимо идентификации самого человека перечисляется множество других лиц, находящихся с ним в кровнородственных или весьма близких отношениях.

В песне «*Миснэ ēрыг*» отразилось такое явление, как левират:

Жен.

Жен.

Паньтъя-паньтъя-паньтъя-паньтъя-го, *Шурин-шурин-шурин-шурин*,

Āнум тāлттыглḗлына-го,

Меня посади (на лодку, на нарту),

Āнум тотыглḗлына-го.

Меня возьми (замуж).

Ам саптаң пāl ḡвылұма-го

На моих нарах, покрытых ковром
(циновкой),

Аквёт унlāглылмёна-го,

Вместе посидим,

Аквёт олḡглылмёна-го.

Вместе проживём.

Муж.

Муж.

Ōня-оня-ōня-ōня-го

Сноха-сноха-сноха-сноха,

Ул кос талттыгланұвлум-о,

Я посадил бы тебя (на лодку,
на нарту),

Наң саптаң пал ḡвлына-го

На твоих нарах, покрытых ковром,

Ул кос ūнлынұвлумёна-го,

Сидели бы вместе.

Мāхар аньта лаглың сūнума

Но мои нарты с ножками из

Сунум ялпың-ялпың-ялпың-о.

мамонтового рога,
Слишком священны (для
пользования женщиной).

В песенном творчестве манси отражается быт народа. Приводится перечень конкретных объектов, относящихся к бытовой сфере. Лексемы, обозначающие предметы быта, характеризуют манси, раскрывают колорит народа, его образ жизни. Широко распространенные среди них этнографические термины показывают, как жили и чем занимались манси, как они добывали пищу, чем питались и т.д. Среди предметов домашнего и хозяйственного обихода в песнях манси особо выделяются лексемы, связанные с оленеводством, охотой, рыболовством.

Таким образом, из выявленных нами лексем наиболее используемыми в личных песнях являются лексемы, обозначающие родственные отношения и антропонимы.

Личные песни манси являются источником устной информации о духовной и материальной культуре народа. Как высказался К.Д. Ушинский: «В языке одухотворяется весь народ и вся его родина; в нем претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчизны, ее воздух, ее физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури и грозы – весь тот глубокий, полный мысли и чувства голос родной природы, который говорит так громко о любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне и родных напевах, в устах народных поэтов» [6].

Литература

1. Высказывания о народной песне [Электронный ресурс] // URL: <http://otvet.mail.ru/question/29288269> (дата обращения 20.05.14)
2. Мансийские (вогульские) песни на мансийском и русском языках / сост. Е. И. Ромбандеева, Л. П. Акст. Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 1998. 56 с.

3. Мансийские «Песни о судьбе» (Личные песни) (В записи Арттури Каннисто, 1901-1906 гг.) / Авт.-сост. Т. Д. Слинкина. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2013. 110 с..
4. Тресколье (по мотивам песен народов Севера) [электронный ресурс] – эл.диск CD LAND records
5. Anna Liszkova enekei [электронный ресурс] – SchEK 4. Budapest, 2008 г. – эл.диск .CD ROM
6. Высказывания о народной культуре [Электронный ресурс] // URL: <http://narodnaya-kultura.ru/vyskazyvaniya-o-narodnoy-kulture/> (дата обращения 20.05.14)

Мансийские «личные песни»: «судьба» в один век.

С.А. Попова, кандидат исторических наук

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск*

Аннотация. В данной статье речь идёт об одном из неисследованных жанров традиционного песенного искусства манси – личной песни. Это песни-импровизации, создаваемые конкретными лицами, выражающие личные чувства и переживания. Но, будучи созданы одним лицом, они становятся известны в народе, передаются из уст в уста, поскольку несут на себе и груз времени, и связь с судьбой своего народа на каждом этапе его истории. Задача автора статьи выявить, что в авторских песнях «личное», а что «судьба».

Ключевые слова: классификация, жанр, «личные песни», судьба, эпоха, вехи истории.

В классификационном делении песенных жанров «Личные песни» по свойственным им содержательным и структурным признакам относится к «Неприуроченным жанрам». К этой сфере принадлежат жанры, не закреплённые за ритуальным, ритуализированным либо игровым контекстами.

Венгерский учёный Б. Мункачи, изучавший язык и фольклор манси в XIX веке (1888 – 1889 гг.), даёт классификацию жанров устного народного творчества манси, где выделяет до десяти самостоятельных видов народной поэзии, в том числе и личные песни. Все песни этого жанра, как женские, так и мужские, он обобщает и даёт одно название – «песни судьбы». Общее представление о жанре он характеризует: «... песни судьбы, в которых современный или недавно живший автор, определённо известный, чаще всего называемый в самой песне,

излагает главнейшие моменты, опыт и чувства собственной жизни, иногда в виде подлинной биографии, в которой начинает рассказ со своего рождения и кончает полным завершением своей судьбы. Такие песни часто попадают в далеко расположенные окраины и передаются из поколения в поколение ... Некоторые из них обладают ценностью исторического источника, другие же ценны, как верное зеркало социальных и жизненных условий...» [1, XIII]. Всего Б. Мункачи опубликовано 66 текстов, из которых 58 текстов – женские песни и 8 – мужские.

В самом начале XX в. (1901-1906 гг.) среди манси жил и работал финский учёный-лингвист А. Каннисто. Помимо разностороннего материала по лингвистике, истории, духовной культуре и прочее, он записал и мансийские «личные песни» [2, 385]. Сам Каннисто никак не охарактеризовал тексты личных песен. Двенадцать текстов песен и три песни-причитания в его записи опубликованы Т.Д. Слинкиной [3, 110], которая проделала работу по их транслитерации с латиницы на кириллицу и перевела на русский язык. В начале книги она даёт обширное предисловие, а в конце – обстоятельные комментарии к каждой песне и список их словарного состава.

В самостоятельный вид мансийского фольклора выделяет личные песни и В. Н. Чернецов (20-е годы XX в.) в своей классификации, где делит весь фольклор на десять различных жанров [4, 183]. Но он также не даёт никаких комментариев по их поводу.

Е.И. Ромбандеева в конце 90-х – начале 2000-х гг. на основе имеющихся материалов даёт свою классификацию жанров мансийского фольклора, где также выделяет «личные песни». Кроме того, она публикует тексты мансийских (вогульских) песен на мансийском и русском языках, даёт анализ каждого текста и комментарии к ним [5; 6, 480-518].

В самом конце XX в. (1993-1999 гг.) мне удалось записать 39

личных песен от известных современных исполнителей: Садоминой Т.Р. и Москвиной У.П. из с. Сосьва; Сетовой Е.К. из села Саранпауль, Тасьмановой И.И. из Ванзетура, Алгадьевой Г.К. из Хулимсунта, Самбиндалова Н.П. из Яныгпауля.

В статье используются материалы А. Каннисто в обработке Т.Д. Слинкиной, которые дают представление о старой традиционной песне, и материалы записей автора от исполнителей современности. Одна из задач данного сообщения – обратить внимание исследователей традиционного песенного искусства манси на его малоисследованный жанр. С другой стороны, он обозначен и как «песни судьбы», а судьба – это «степень обстоятельств, не зависящих от воли человека, ход жизненных событий [7, 676]. Поэтому попытаемся на достаточно длинном отрезке времени – в сто лет (конец XIX – конец XXвв.) отследить, хотя бы схематично, какие понятия «о судьбе» вложены сочинителями в личную песню.

Наибольшее бытование, во всяком случае, на современном этапе, данный вид жанра приобрёл в женской среде. Все личные песни – авторские. По половозрастной направленности – женские, мужские, детские (колыбельные).

Содержание или выражаясь музыкальным термином – поэтические мотивы традиционных личных песен – разнообразны, но чаще всего обусловлены временем их сочинения. Поэтому на их материале можно проследить не только судьбы человеческие, но и, в какой-то мере, историю и этнографию народа. В таком контексте текст воспринимается не только как песня о личной судьбе, но и как «моя судьба в истории народа». Именно такой тип личных песен бытует в обозначенное столетие, богатое на события и перемены в жизни не только мансийского народа, но и всего края. Имеющиеся тексты песен, сочинённых в ранние периоды, несут более личную, интимную нагрузку. В них рассказывается о жизни женщины в семье,

о её нелёгкой доле, о любви, о сватовстве, нередко о тяжелой жизни с нелюбимым мужем. Женщина – хозяйка дома, хранительница семейного очага, на ней лежит забота о пище, об одежде. Много песен посвящено главной женской ценности – детям, в которых женщины не скупятся на всевозможные поэтические сравнения, например, «доченька – бабочка», «сыночек оленёнок (годовалый, двухлетний)». Или – «лук и стрелы [имеющие] мои сыновья – вверху летящих крылатых зверей, внизу бегущих ногастых зверей добывающие – сыночки мои». Песни раннего периода отличаются и тем, что в них мансийский язык раскрывается во всей своей полноте и красоте, в них нет заимствованной лексики.

В песнях, записанных А. Каннисто, сравнительно позднего времени, как в зеркале отражается мировоззрение и быт народа в определённый исторический период его жизни. Например, с конца XIX века мотив несчастливой судьбы и социального неравенства рисуется уже совсем по-иному. Ключевые слова в личных песнях этого времени – кабак, чарка, вино, купцы, неравный брак, богатство, бедность, ассигнации. Несвойственное для мансийских женщин поведение – развлекать и сопровождать купцов. В этих песнях нашло своё отражение начало проникновения русского торгового капитала, который наложил печать на весь быт народа, ускорил ломку старого патриархального уклада. Далее, вплоть до середины прошлого века, личная песня получила особенно большое распространение. В ней отмечены все переломные этапы истории, что делает её своеобразной летописью нашего времени.

Послереволюционный период отражён тематикой преобразований на селе и новыми формами быта – культбаза, электричество, двухэтажные дома, больница, школа, клуб, русская гармошка. Особо полюбился пароход «Шлеев» – белый, с большими колёсами. Из-за белого цвета его в песнях образно сравнивают с лебедем, а колёса – это

два его крыла, которыми он бьёт по воде.

С образованием в округе колхозов, совхозов, промхозов, воспевается коллективный труд. Нет больше хозяйки дома и хранительницы домашнего очага, есть труженица. Тематика песен тех лет – успех и достижения в промысле, на работе. Песни изобилуют новыми для народа словами: государственный план, пилорама, медаль, орден Ленина, ударник, бригадир. Знатный жених сейчас не богатый хозяин со своим домом и крепким хозяйством, а человек, имеющий на груди награды за перевыполнение планов.

Горькие нотки из-за участи репрессированных мужей, тема одиночества и навалившегося непосильного труда звучат в песнях, где женщина, как в русской поговорке: «я и баба и мужик». Например, «...если сяду я, то – женщина. Вырезаю узоры. Если встану, то я [за] мужчину. Пояс надену, лыжи прикреплю, ружьё за спину заброшу. Красных зверей, чёрных зверей полный пояс добуду». Этот период времени выступает даже более чёрным периодом, чем война. На войну уходили молодые, их провожали, и была надежда на послевоенное их возвращение. Но и после их возвращения женское счастье коснулось не всех, поскольку женихов не хватало, как не хватало и мужских рабочих рук. В песнях этих лет наравне с девичьими страданиями о неразделённой любви говорится и о тяжком физическом труде женщин, когда им приходилось вместо мужчин сопровождать олени обозы с продуктами, заниматься извозом, охотой и рыбным промыслом.

В послевоенные годы в среде оленеводов, которые в силу специфики своего образа жизни и до сегодняшнего дня остаются единственными носителями традиций, ещё сохранялись традиционные песни о сватовстве, об уводе невесты. Истории в них озвучены живо: олени в упряжке ждут – день, два, три, пока невеста не даст согласия на побег. Иногда, жених, чтобы поторопить

девушку говорит ей, что в другой деревне тоже есть девушки, которые его ждут. Бывает, так и не дождавшись невесты, уезжают, а она не смогла убежать только потому, что бабушка спрятала её *тучаң* 'девичья сумочка'. Если повезёт и девушка выходит замуж, то её одежда и снаряжение всё самое красивое – нарты невесты лёгкие, оббиты сукном, на упряжке звонкие колокольчики, звук которых слышен издалека.

В бытовом плане – девушки ещё «с косами, в украшенной бисером одежде, [похожие на] кукол» на них «шёлковый платок, шёлковое платье». Обувь на сосьвинских девушках – няры из прокопчённых (задымленных) шкур [с ног лося]', на сыгвинских девушках – кисах (вид меховой обуви) из оленьих лап'. Сосьвинские девушки умеют управляться с ружьём, могут пробежать на лыжах до 40 км. и добыть «красного зверя, чёрного зверя».

Такие излюбленные поэтические мотивы, как тоска по родной стороне или воспевание красоты родного края описывают местность, охватывающую территорию проживания манси. Например, [как похожи на] узоры, сплетённые из прутьев, мои три плёса; [как похожи на] узоры, сотканные из прутьев мои три длинных болота. [Со] снежными спинами множество горных вершин моих, [похожих] на лицо невесты множество горных вершин моих. Край обязательно изобильный – если лес, то он такой густой, что «нос не просунуть» и в нём водится «чёрный зверь, красный зверь»; если река, то питательная (рыбная). Например, «Обь питательная, имеющая осетров, имеющая муксунов».

В песнях, сочинённых в самом конце XX века появляются новые темы – об учёных и писателях, например, «Песня о Ромбандеевой Евдокии» или «Песня о Юване Шесталове», «Песня о празднике в Ханты-Мансийске». Но дальнейшего развития они не получили. В большей степени в новых песнях звучит сравнение с прошлой жизнью.

В прошлом груз приходилось таскать на спине (горбу) или тащить (волочь) на нартах и лодках, а теперь столько техники: самоходки, железные лодки (моторки), самолёты. Но с их появлением исчезает мансийский мир, когда можно было сесть на маленькую лодочку-колданку, поплыть по любимой речке и воспеть в песне всё, что лежит у тебя на сердце и пропеть обо всём, что видишь и слышишь вокруг себя, т.е. о самом личном.

В настоящее время хотя есть сочинители стихов и в среде манси, личные песни практически не сочиняют и не поют, но это исследование не входит в нашу задачу. Мансийские «личные песни» или «песни судьбы (о судьбе)» в том виде, в котором они сохранились «созданы по традиционно сложившемуся типу песенного жанра» [5, 4] и имеют не только художественное, эстетическое, но и большое познавательное значение для тех, кто желает знать культуру и историю этого народа.

Литература

1. Munkácsi Bernat. Vogul népköltési gyűjtrmény. Budapest. I, 1892, стр. XIII.
2. Kánnisto Ártturi. Wogulische Volksdichtung: Gesammelt und übersetzt von Ártturi Kánnisto; bearbeitet und herausgegeben von Matti Liimola. Helsinki, 1963. B. VI. 385 s.
3. Мансийские «Песни о судьбе» («Личные песни») (В записи Арттури Каннисто, 1901-1906 гг.) / Автор-составитель Т.Д. Слинкина. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2013. 110 с.
4. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1987. 284 с.
5. Мансийские (вогульские) песни на мансийском и русском языках / Сост: Е.И. Ромбандеева, Л.П. Акст. Ханты-Мансийск:

ГУИПП «Полиграфист», 1998. 56 с.

6. Ромбандеева Е.И. Мансийские (вогульские) личные песни // Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей. Ханты-Мансийск: ООО «Принт-Класс», 2010 480-518 с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.

Песенный фольклор у хантов полноватского Приобья.

Р.К. Слепенкова

*Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок, Белоярский*

Аннотация. Статья написана на полевом материале. В работе автор приходит к выводу о том, что песня, созданная народом, заключает в себе обширную информацию как о жизни народа в целом, так и жизни отдельно взятого человека с его миром душевных переживаний

Ключевые слова: песенный фольклор, ханты полноватского Приобья.

Из глубины веков песня донесла до нас память о людях, которые сочиняли и пели ее: о себе, о родине, об окружающем мире, она незримыми нитями связывает времена. В процессе развития общества возникли различные виды, формы устного словесного творчества. Некоторые жанры и виды фольклора прожили долгую жизнь. Не зря термин «фольклор» означает «народная мудрость». Это устное народное творчество, которое существует в памяти людей и передается из «уст в уста», из поколения в поколение. Для устного народного творчества характерны определенные особенности. Одна из них – вариантность, так как каждый исполнитель вносит что-то свое в звучание песни, а также изменяет текст. Почти всегда хантыйские песни связаны с каким-либо действием в жизни – это одна из главных особенностей фольклора.

Фольклор – это созданная народом и живущая в нем поэзия, в которой отражается трудовая деятельность, общественный и трудовой уклад бытия, знание жизни, природы, культов и верований. В фольклоре воплощено мировоззрение, идеалы и стремления народа, его

поэтическая фантазия, богатейший мир мыслей, чувств, переживаний. Это устное художественное творчество, которое возникло в процессе формирования человеческой речи.

По мнению исследователей, народное песенное творчество является не только искусством, но и элементом всей культуры, человеческих знаний, приобретенных в процессе исторического развития, т.к. эстетическое восприятие человеком действительности было невозможно без связи с повседневностью и без контакта с окружающим миром.

В «классических» источниках немало материалов о хантыйском песенном фольклоре. В прошлом веке индивидуальным творчеством не интересовались по причине того, что крупные сакральные жанры считались самыми желательными. В первую очередь стояла задача их спасения, а простые, индивидуальные песни не представляли интереса. Это такие песни, как трудовые, личные, военные, плачевные, похвальные и песни для детей. У манси было опубликовано в прошлом веке большое количество индивидуальных песен из записей А. Регули, Б. Мункачи, а позже – А. Каннисто. А первые образцы хантыйских индивидуальных песен были опубликованы в хрестоматии А. Алквиста [1, 22-26]. Это четыре индивидуальных песни известного в свое время обдорского ханта Андрея Собрина. Затем в 1930 гг. появляются тексты песен у В. Штейница [2, 450-456].

Ханты были крепко привязаны своими корнями к территории, где родились, выросли и где проживали. Они тесно связаны энергетически с природой родного края. И когда надо было выразить свою идентичность, то они исполняли песни о своей Родине, воспевая народное название местности, название реки, сопки и т.д. У ханты, как и у многих других народов, бытуют песни индивидуальные, трудовые, личные, песни судьбы, плачевные. С появлением колхозов и совхозов возникли и групповые песни.

Песня о том, как во время колхозов строили загоны для скота.

Курлин, Курлин ин ай Щилька

Курлина, Курлина маленький

Селиверст,

Колхоз ёхлан верантылум

Колхозными людьми построенный

Ветыен нырпи, ныранг оца,

В загон из пяти жердей

Хотыям нырпи, ныранг оца

В загон из семи жердей

Ма ки кай шоши-и-илтем-ие,

Если я пойду,

Ма ки как янгхи-и-илтем-ие...

Если я схожу...

Во вводной части песен у ханты могут быть указаны: имя автора(ов), имя актуального(ых) исполнителя(ей), название воспеваемой местности и исходной точки сюжета, а также конкретная ситуация, в которой возникает потребность исполнения песни.

Личная песня, когда жених едет за невесто.

Катра турнун там холум лор

Три сора со старой травой

Катра пелсун ин холум лор

Три сора со старой осокой

Ма кай янгхи-илтем-ие,

Я проезжаю,

Ин еманг нюл там харыя

На священный мыс

Ма ки юхты-илтем-ие

Я вот приехал

Мишка ики ин ай Лиса

Маленькая Лиза, Михаила дочь

Ловиям йирты там так ангкал

Лошадь мою привязать – вот

крепкий столб

Лиса па лоли-илтал-ие...

А Лиза стоит...

В этой песне автор воспевает то, как он едет за невестой, на чем он едет, какие местности проезжает, и по тому, как встречает его невеста, слушателю ясно, что она не хочет идти за него замуж.

Есть простые песни о сватовстве, но есть и песни-сказки о нем:

[Сăран лăхсэл] ици юхтумтэс,

Друг зырянин приехал,

юхтумтэс

приехал

<i>Аңкел ки ай эви вартылы</i>	Матери младшую дочь сватать
<i>Ащел ки ай эви вартылы.</i>	Отца младшую дочь сватать
<i>Щиты дунэл:</i>	Говорит так:
– <i>«Кāt яйңалан кашацлаңн,</i>	– Два брата согласны,
<i>тынылэллн»</i>	продадут тебя
<i>Ай яйл аңт кашацэс, аңт кашацэс</i>	А вот младший не согласен,
	не согласен
<i>Ай аңхел аңт лāңхал, аңт лāңхал</i>	Младшая сноха не согласна,
	не согласна
<i>Ай эвел аңт естлэллэ, аңт мйллэ</i>	Младшую сестру не отпускает,
	не отдает
<i>Кāt яйңалан тынэл киньци</i>	Два брата дороже денег
<i>Вән тынна щиты тынысы</i>	За большие деньги продали
<i>Тынэл киньци вән вухна ци мйсы...</i>	За нее большие деньги дали...

Песня отражает ситуацию, которая могла возникнуть в жизни каждого человека: младшую сестру, старшие братья продали другу зырянину. А младшие брат и невестка не согласны, как и сама девушка. Делаем вывод, что девушки раньше не только могли выйти замуж по своему выбору, но и могли быть проданными родителями, старшими братьями и сестрами.

Песня судьбы.

<i>Эвиям шошты пайлы хйтэл</i>	Дочери моей ходить
	в хорошие дни
<i>Пухиям шошты пайлы хйтэл</i>	Сыну моему ходить
	в хорошие дни
<i>Ма кӯш пойки-ялмем(ие).</i>	Я хоть и молила, просила.
<i>Ворта пойкум ям пойкиям</i>	Духу Ворт я молилась хорошей
	молитвой
<i>Вортна аңт(ие) хэлум,</i>	Но дух Ворт не услышал,

<i>Ѓнт(ие) холум</i>	не слышал.
<i>Хона пойкум ям пойкиям</i>	Высшему Богу я молилась
	хорошей молитвой
<i>Хонан Ѓнт халум, Ѓнт(ие) холум. ..</i>	Высшее божество не слышало,
	не слышало...

Автор сочинил эту песню в 80-х гг. 20го века. Он очень переживает за своих уже взрослых детей, которые вели неправильный образ жизни.

Песня-тоска о малой Родине.

<i>Полнавт ими ленгкен хуты</i>	Из Полновата женщина я
<i>Куль Полнавт вуранг нюхи</i>	Полноват – это с темным мясом
	[птица]
<i>Ин войиен ки шивалалты</i>	Если птицу – охранителя вы
	увидите
<i>лайла холуп ниты войям</i>	Чёрного ворона, хорошую птицу
<i>Лупал: тут-юх сэварты ар ненгиям</i>	Говорит: – «Дрова рубящие
	множество женщин
<i>Йингк тоты ар ненгиям</i>	Если в воду носящие множество
	женщин
<i>Ин войиен ки шивалалты</i>	Если птицу хорошую увидите
<i>Щит ма щи порлылумем-ие</i>	[Знайте] это я летаю
<i>Ма щи маньлумимем-ие</i>	Это я хожу.
<i>Полнавт ими ленгкен хуты</i>	Из Полновата женщина
<i>Куль Полнавт вуранг нюхи...</i>	Полноват – это с тёмным мясом
	[птица]...

Воспеваемые местности делятся на несколько категорий, в первую очередь по признаку сакральности. К сакральным относятся места обитания духов (небесных, лесных, водных), которые и считаются настоящими «хозяевами» этих мест. Представим фрагмент личной

песни для сравнения. Дело в том, что современные песни уже отличаются от тех, которые исполняли наши предки.

<i>Карты вошан волтэм кепи</i>	Хоть и живу я железном	
		городе,
<i>Самиям каши, каши ие</i>	Сердце болит, болит,	
<i>Нумсыям шоки, шоки ие</i>	Душа болит, болит	
<i>Ай Тукьяканг кортям паты</i>	По маленькой деревне Тугияны,	
<i>Ай Тукьяканг вошиям паты</i>	По маленькому городу Тугияны...	
<i>Тухал ки тайсум тайсум ие</i>	Были бы были крылья у меня,	
<i>Кортыям вантты ци порласум</i>	Слетала бы я деревню	
		посмотреть,

Вошиям вантты ци порласум... Слетала бы я город посмотреть...

Во время Великой Отечественной войны в деревнях и селах работали женщины и дети. Они и выполняли государственный план по рыбодобыче. Поэтому больше песен записано от информантов именно на эту тему. Для сравнения представляю три песни: одна из д. Ванзеват, другие из д. Тугияны и п. Полноват.

Песня о том, как рыбачили.

<i>Лампин ойка</i>	Мужчины Ламбина,	
<i>Ин вэн-лє пйлан</i>	Большой план [по рыбодобыче]	
<i>Эвет мўң ловялтэв, эви-лєңкет.</i>	Девушки – мы гребём, девушки	
<i>Ветхуцьян микруп вөн сйран хоп</i>	С пятнадцатью опругами	
		большая зырянская лодка.
<i>Йошна мўң ловялтэв, эви-лєңкет</i>	Руками мы гребём на вёслах, –	
		девушки...
<i>Лапйтсот мєтра вөн-лєңкен тухэл</i>	Семьсотметровый большой	
		невод
<i>Эвет мўң тйхум(ө), эви-лєңкет(ө).</i>	Девушки – мы бросаем [в реку],	
		девушки

<i>Сохлэң щурăспи ин вон-лє тухэл</i>	[подвязанный] деревянными грузилами большой невод
<i>Лупэл: «йош-пăт сєңкман мўң-лє талмев</i>	Говорит: в ладошки стуча, мы тянули
<i>Кевəң щурăспи вəн-лє тухэл</i>	[подвязанный] каменными грузилами большой невод
<i>Кўр-пăт шəңхман мўң-лє талмев».</i>	Ногами топая мы тянули.
<i>Ламтин ойка ин-лє вон пăлан</i>	Мужчины Ламбина большой план
<i>Эвен сăр рəпитэл, эви-лєңки(ə)...</i>	Девушки – мы выполняли, девушки. ..

Якова-мужчины дочь Онисья

<i>Якўв ики ай Оницья</i>	Якова-мужчины дочь Онисья
<i>Хоп-юх (ə) лыпăт пăлат ай нє,</i>	С осиновый лист ростом маленькая девушка
<i>Воньщумут (ə) лыпăт пăлат ай нє</i>	С брусничный лист ростом маленькая девушка
<i>Эвина (ə) шəшийилтєм (иє)</i>	Девушка я похаживаю.
<i>Карăң супри нăрăң ай Сури</i>	По шероховатой, как спина лягушки, священной земле Сури
<i>Сомăң супри нăрăң ай Сури</i>	По шероховатой, как кора дерева священной земле Сури
<i>Эви-най(ё) шəшийилтєм (ə) (иє).</i>	Девушка, я похаживаю.
<i>Калңăң (ə) кəрты калңа (иє)</i>	Пристань имеющая деревня на пристань
<i>Ма ки (ə) шəшийилтєм (ə) (иє)</i>	Если я пойду,
<i>Лаптыен (ə) мєтра хўват вəн невадник</i>	семь метров длиной в большой неводник,
<i>Эви-най (ё) ЛєЛийиЛтєм (иє)</i>	Девушка, я сажусь,
<i>Эви-най (ё) яңхийиЛтєм (иє) (ə)</i>	Девушка, я еду.

<i>Тăл ийем (ə) хăтăл ин ки вєртал</i>	Зимние дни если наступят
<i>Лаптыен (ə) сартуп кўл еңкие</i>	В семь саженей толстый лёд
<i>Порха алмийилтєм (ие).</i>	На спину я поднимаю.
<i>Лўңиен (ə) хăтăл ин ки вєртал</i>	Летние дни если наступят
<i>Халумсот (ə) метра ин вєн тухăл</i>	В триста метров большой невод
<i>Эви-най (ё) ловалмилтєм (ие)...</i>	Девушка я вытяну...

**Как во время войны молодые девушки
выполняли план по рыбодобыче**

<i>Лўңєн хăтăл ин ки вєртал</i>	В хороший летний день
<i>Нуви хўлы вєн Асєва</i>	С белой рыбой по большой реке
	Обь
<i>Эвет мўң ловăлты-илтєв(ие)</i>	Девушки – мы погребѐм,
<i>Эвет мўң ноптăлты-илтєв(ие).</i>	Девушки мы поплывѐм.
<i>Карəң ухпи ин вєн сăхəт</i>	С шероховатыми головами
	больших осетров
<i>Нух мўң алми-илтєв(ие).</i>	Мы [из воды] поднимем –
<i>Полна юхан хəлум эви</i>	С полноватской речки три
	девушки
<i>Полна юхан тăм нял эви...</i>	С полноватской речки вот уже
	четыре девушки...

В основной части отмечено описание местности с позитивной оценкой. В каждой деревне существует некий стандарт ориентировки для отображения географических мест: например вниз по реке, вверх по реке, от точки отсчета певца. Места географическо-транспортного значения включают в себя развилины и устья рек, мысы; далеко виднеющиеся возвышенности, границы растительной среды. Бывает, определяется очередность ситуаций или одновременность действий, например, по маршруту поездки, по месту работы.

Песня о воспевании родной земли.

<i>Паши́т-э нэ́рэй-э йи́нкев-э</i>	Пашторска священная земля,
<i>Ху́лэй-ле-вэ Паши́т-э</i>	Рыбные Пашторы на
<i>нэ́рэй-ле-вэ му́вев</i>	священной земле...
<i>Йи́нка ки лелтэ́в-э-ие</i>	Если в воду мы ступим
<i>Му́вэй-ле-э киньши э́маң па вэлтал.</i>	От земли она священной бывает;
<i>Му́вэйла ки-э пэрми-илтэ́в-э</i>	Если на землю мы ступим,
<i>Йи́нкай-ле-э киньши э́мэй</i>	От воды земля
<i>па-э вэлтал</i>	священной бывает
<i>Вусты́ям-э ваниши этма́ң-э му́в</i>	Зеленой осокой заросшая земля
<i>Вусты́ям-э турэй е́маң-э му́в...</i>	Зеленой травой заросшая
	земля...

Тўкьякаң корт ар.

<i>Лапэ́т тэру́м(ө) орту́м(а) му́в(ө)</i>	Семью богами разделенная
	земля,
<i>Хө́тла төру́м(ў) орту́м(а) ям му́в(ө)</i>	Шестью богами разделенная
	земля.
<i>Нў́миен кө́рты(ө) нў́миенна(ө)</i>	В южной стороне деревни,
	южнее
<i>Хуйтэ́н омсы-илтал(ие)(вө)?</i>	Кто восседает?
<i>Аки омсы-илтал(ие),</i>	Дядя—дух восседает.
<i>Ай шупа́р вух(ө) нө́лэң аки(ө)</i>	С маленькими серебряными
	монетами, со стрелами дядя-дух,
<i>Ай ками вух(ў) нө́лэң аки(ө)</i>	С маленькими золотыми
	монетами со стрелами дядя-дух
<i>Аки омсы(ө)илтал(ие). ..</i>	Дядя—дух восседает...

Эти две местности в песне изображены авторами так, что они как похожи и в то же время абсолютно разные. Сакральными могут быть населенные пункты в любом жанре песенного творчества, и кто их не знает, тот не может интерпретировать текст. В отношении любых

географических мест ссылка на связь со сверхъестественной сферой повышает духовную ценность произведения.

Пашторы считаются на самом деле рыбной землей, или водой. На Тогодской Оби по сей день вылавливают рыбаки ценные породы рыб. А про Тугияны певец поёт, что в древности семь богов делили землю между собой и она по сегодняшний день остаётся такой, какой и была.

Проанализировав тексты, можно прийти к выводу, что на Оби в каждой деревне исполнитель в своей песне перечисляет самые видные места, значимые для него.

Песня, когда уходили на фронт.

<i>Ай Петькай ин ай Илья</i>	Маленького Петра, маленького Илью
<i>Щиты кай аремилтем-ие,</i>	Так запою,
<i>Щиты кай лупи-илтем-ие</i>	Так говорю,
<i>Лаля мантэм ям пурайна,</i>	Когда на фронт я уходил,
<i>Пуша мантэм ям пурайна</i>	Когда на войну я уходил
<i>Муем хаймем шаль щи волмал?</i>	Что же мне было жаль оставлять?
<i>Питы вой хохлум ар лорьям</i>	Черными зверями избеганные сора,
<i>Вурты вой хохзум ар лорям</i>	Красными зверями избеганные сора,
<i>Лорлам хаймем шаль щи волмал</i>	Сора оставлять, мне было жаль.
<i>Питы ухпи кат пухиям</i>	Черноголовых двух сыновей,
<i>Вуртыел ухпи кат пухиям</i>	Красноголовых двух сыновей,
<i>Пухнгалам хаймем ин шаль</i>	Сыновей было жаль
<i>щи волмал</i>	оставлять мне:
<i>Ай Петькай ин ай Илья</i>	Маленького Петра, маленького Илью
<i>Щиты кай аремилтем-ие...</i>	Вот так пою...

Вторая песня :

<i>Сыхлаң ёх вайтаң мўвем,</i>	Тальковая земля в Рязанах
<i>Кйт ками вух ўвмаң мўвем</i>	Две серебряные монеты текущая земля
<i>Нивайлхас вәниши лолъмаң мўвем</i>	Где восемнадцать лиственниц стоят, моя земля
<i>Ваньцавайт нс, айкие,</i>	Ванзеватская женщина моя мама,
<i>Ма тәтәм ки тәм юпийян</i>	Как меня будут увозить, после этого
<i>Ма ләлтәм ки тәм юпийян</i>	Как меня посадят, после этого
<i>Посна ёвлытәм – ие,</i>	Варежкой тебе помашу,
<i>Милна ёвлытәм – ие.</i>	Шапкой тебе помашу.
<i>Ваньцавайт нс, айкие...</i>	Ванзеватская женщина, моя мама...

Военные песни совершенно разные: один автор воспекает места, где охотился, и воспекает своих детей, как ему жаль, что его забирают на фронт. А другой автор воспекает местность, где родился, и как будет уезжать на фронт, при этом он будет махать не рукой матери, а шапкой или варежками. В этих двух случаях они уже заранее знали, что их рано или поздно заберут на фронт. Заранее сочинили и исполнили песни, чтобы эти слова дошли до наших дней. Как и было указано выше, хантыйские песни, связаны с каким-либо действием в жизни, важным для человека.

Похвальная песня.

<i>Этар хатал ки вертал-ие</i>	Ясная погода если настанет
<i>Этар сух ломтлум-ие</i>	Голубое платье я надену
<i>Паланг хатал ки вертал-ие</i>	Пасмурная погода если настанет

<i>Паланг сух ломтлум-ие</i>	Пасмурное платье я надену
<i>Ярт хатал ки питал</i>	Если дождливая погода
<i>Ма питы хареп ярнас ломтлум</i>	Темное платье я надену
<i>Муй па торум каман тытал</i>	Какая бы погода ни была,
<i>Ма иицимащ ернас ломтлум...</i>	Я такое платье и надену...

Вторая похвальная песня местности.

<i>Лаптыев(ə) тəрум ортум(ə)</i>	Семью богами разделённая
<i>ям мўв(ə)</i>	хорошая земля,
<i>Хəтыев(ə) тəрум ортум(ə) ям мўв(ə)</i>	Шестью богами разделённая
	хорошая земля,
<i>Ара мўң(ə) ары-иялтэв(ие),</i>	В песнях мы её воспеваем.
<i>Сыңкиен(ə) хуны пайлы ям пан(ə)</i>	Как черняди брюхо, ровный
	хороший песчаный берег.
<i>Ийен(ə) кəрицат(ə) ин вет эви</i>	Одного роста пять девушек,
<i>Эвет мўң шəши-иялтэв(ие).</i>	Девушки мы ходим.
<i>Увсыен Асы сотəң(ə) ям мўв</i>	В северной стороне реки Обь
	сотни хороших земель,
<i>Мўң ци ванты-иялтэв(ие)</i>	Если мы посмотрим:
<i>Мень-нə вєнийəң(ə) хəлум(ə) сəңхум(ə)</i>	Как невесты лицо, три сопки
<i>Хəлма па омсы-иялтэл(ие),</i>	Три их стоят.
<i>Тонт-нə вєнийəң(ə) хəлум(ə) сəңхум(ə)</i>	Как невесты лицо, три сопки
<i>Хəлма па кəлли-иялтэл(ə). ..</i>	Три там виднеются...

Ханты, женщины и мужчины, очень восприимчивы к красоте природы. У каждого человека хранятся в душе определенные картины наиболее красивых мест, которые сопровождают его всю жизнь и дают особую энергию. Эстетические моменты выражаются в формулах-атрибутах со сравнениями и метафорами, имеются также образцы, которыми можно пользоваться. Например, если в окрестностях

деревни есть высокий обрывистый берег, то он почти обязательно будет фигурировать в песне и описываться формулой «высокая гора, в облике лица», так как обрыв считается лицом, а растительность на горе – либо волосами, либо платком.

Колыбельные песни.

<i>Олум тоты нэ имиен!</i>	Сон приносящая женщина!
<i>Корт луват вон олумна ат пунлыйн</i>	Как большая деревня, большой
	сон пусть даст
<i>Вош луват вон олумна от пунлыйн!</i>	Как большой город, большой
	сон пусть даст!
<i>Ух эватлы сора олум ат вуйлыйн!</i>	В голову быстрый сон, ты усни!

Колыбельные песни были у ханты, но их записано единицы. Поэтому могу предоставить только одну песню.

Песни с медвежьих игрищ.

Песня утреннего пробуждения.

<i>Войие, войие сәңкилые,</i>	Зверь, зверь, проснись!
<i>Войие, войие сәңкилые!</i>	Зверь, зверь, проснись!
<i>Нохәр-лєт-нє имен ал аң</i>	Кедровка твоя тётя рано утром
<i>хўвна килмал</i>	встала
<i>Кәр-кәры тўрәлны хўвна ўвтал</i>	Голосом кар-кар давно кричит
<i>Кәр-кәры ўвәлна хўвна ўвтал</i>	Криком кар-кар давно кричит
<i>Войие сәңкила, сәңкила(ие).</i>	Зверь, проснись, проснись!
<i>Шовәр(а) ий имен ими хўвна</i>	Зайчиха, твоя тётя, уже давно
<i>шөмал(ө)</i>	ушла
<i>Овлаң вөнт шәниәлны хўвән</i>	По бескрайней тайге давно
<i>навәртал,</i>	бегаёт,
<i>Войие сәңкила, сәңкила(ие)</i>	Зверушка, проснись, проснись
<i>Войие вєрәлы(и)ила!</i>	Зверушка, просыпайся!

Поскольку песен с медвежьих игрищ записано много, представим лишь маленький кусочек из песни «Пробуждение».

Песни разных местностей имели многофункциональный характер. Они исполнялись во время работы, во время застолья, во время чаепития на природе и во время отдыха. Песни пели в одиночку во время поездки, при монотонной работе дома или находясь вдали, от тоски по своей Родине.

Фольклор ханты Полноватского Приобья богат и разнообразен. Необходимо осваивать обрядность и фольклорное творчество для того чтобы оно не исчезло совсем.

Литература

1. Ahlguist A. Ueber die Sprache der Nord-Ostjaken. Helsinki. 1880.
2. Steinitz W. Ostjakische Wolskdichtung und Erzahlungen. Budapest. 1975. Т. 1.

Информанты

1. Гришкина (Лельхова) Пелагея Алексеевна, 1932 г.р., д. Пашторы, прож. – д. Тугияны.
2. Лельхова Евдокия Ефремовна, 1936 г.р., д. Пашторы, прож. п. Полноват.
3. Ользина (Гришкина) Матрена Алексеевна, 1924 г.р., д. Тугияны, прож. – п. Полноват.
4. Пятникова (Ользина) Евдокия Григорьевна, 1924 г.р., д. Суреи, прож. – д. Тугияны.
5. Собянина (Себурова) Мария Николаевна, 1935 г.р., д. Тугияны, прож. – п. Полноват.
6. Тарлина (Молданова) Тамара Андреевна, 1932 г.р., д. Ванзеват, прож. – д. Ванзеват
7. Тоголмазова (Молданова) Екатерина Кирилловна, 1937 г.р.,

- д. Муванг лор, прож. – Охт юхан (окр. Юильска).
8. Юмина (Пендахова) Татьяна Васильевна, 1927 г.р., д. Шаш вош, прож. – п. Полноват.
9. Юхлымова (Миляхова) Евдокия Николаевна, 1928 г.р., д. Чуели, прож. – п. Полноват.
10. Юхлымова (Миляхова) Прасковья Николаевна, 1930 г.р., д. Чуели, прож. – п. Полноват.

**Средства реализации когеренции текста в прозе
Народного писателя Мордовии К.Г. Абрамова¹**

Л.П. Водясова, доктор филологических наук, профессор
*Мордовский государственный педагогический
институт имени М.Е. Евсевьева, Саранск*

Аннотация. В статье рассматриваются средства реализации когеренции (содержательной связности) текста на материале прозаических произведений Народного писателя Мордовии К.Г. Абрамова; отмечается, что разная степень связности находит свое выражение с помощью эксплицитной и имплицитной типов связи, средствами реализации которых выступают вербальный и категориальный способы.

Ключевые слова: текст, связность, когеренция, эксплицитный, имплицитный, вербальный, категориальный.

В современной научной литературе, «как ни разнообразна картина лингвистических штудий, посвященных проблеме текста, по одному вопросу наблюдается в ней абсолютное единство: не возникает сомнений в том, что текст немислим вне связности» [1, 50], ибо «назначение сообщения состоит в том, чтобы через установление связей между явлениями ... передать коммуникантам свое знание предмета с той мотивацией, которая нацелена на побуждение собеседника к определенным действиям». [2, 65]. Однако в определении природы категории связности мнения ученых расходятся. Одни из них считают, что «законченные предложения целого текста большей частью связаны

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Параметры текстообразования в художественном пространстве Народного писателя Мордовии Кузьмы Григорьевича Абрамова» (проект 13-14-13002).

между собой различными отношениями, какие наблюдаются между членами предложения» [3, 3]. Другие утверждают, что «необходимым (хотя и недостаточным) условием связности текста является «повтор»» [4, 174]. Мнение третьих сводится к тому, что «связи» в тексте «ближе к тем, какие существуют между предикативными частями сложного предложения» [5, 5].

Мы разделяем мнение Е.А. Реферовской, которая считает, что связность «может быть отнесена как к внутренней, смысловой стороне текста, так и к его языковому оформлению, которое предполагает как использование определенных лексико-грамматических средств, формально осуществляющих эту связность, так и все особенности употребления языковых единиц, обуславливаемые их участием в построении текста» [6, 7]. Исходя из этого, выделяются содержательная (когеренция) связность и структурная (когезия) связность. Оба вида неразрывно связаны и накладываются друг на друга. Присутствие только одного из них еще не свидетельствует о целесообразно построенном тексте.

Следует отметить, что в работах ряда ученых понятия «когеренция» и «когезия» употребляются в качестве синонимов, однако большинство исследователей настаивает на том, что их не стоит отождествлять (М.Л. Макаров, Т.В. Милевская, О.И. Москальская, З.Я. Тураева и др.). Т.В. Милевская, в частности, указывает: «Когезия суть свойство элементов текста, а когерентность есть свойство текста в целом» [7, 61]. А.А. Худяков также использует эти термины для обозначения двух видов связности. Исследователь отмечает, что под связностью понимается логико-содержательная и формальная структурированность текста, обуславливающая невозможность перестановки его компонентов в ином порядке или включение в него каких-либо «инородных» фрагментов. Далее он говорит о том, что связность может быть формальной и содержательной. Термин «когезия» используется для обозначения формально-лингвистических

средств внутритекстовых связей, а когерентность – для обозначения содержательных средств связи [8, 156]. По мнению М.Л. Макарова, «когеренция шире когезии, она охватывает не только формально-грамматические аспекты связи высказываний, но и семантико-прагматические (тематические и функциональные в том числе) аспекты смысловой и деятельностной (интерактивной) связности дискурса, как локальной, так и глобальной – то есть формальная связность текста (когезия) соотносится с содержательной связностью (когерентностью), выступающей в качестве уточнения категорий информативности и целостности текста» [9, 195].

Таким образом, понятие «когерентность» по большей части применяется к содержательной (тематической) стороне текста. Когезия – это «видимое» сцепление единиц текста с помощью средств отдельных языковых уровней.

Когеренция предполагает внутреннюю законченность, смысловое единство текста. Это глобальная организация содержания текста, для которой особое значение имеет коммуникативная ситуация и набор знаний отправителя и получателя текста. Предлагаемая читателю информация раскрывается в соответствии с замыслом автора, который определяется ситуацией общения, характером коммуникативной задачи. Этим замыслом обусловлены и отбор фактов, явлений при передаче сообщения, и последовательность их изложения, и приемы оценки, комментирования, обобщения высказанного и т.п.

Когеренция проявляется в единстве темы и осуществляется с помощью таких средств, как склонение, лицо, время, наклонение, типы предложений по целеустановке высказывания, синтаксический параллелизм, порядок слов, неполнота (эллипсис) предложений и т.д. Повторяемость ключевых слов, тождество референции, ситуативные связи – все это также обеспечивает единство темы.

Характер и тип связности не одинаковы в текстах разной коммуникативной заданности (например, текстах-информациях,

сводах правил, научных текстах, художественных и публицистических текстах и т.д.). Сложнее и богаче они представлены в текстах художественных произведений, в которых функция сообщения синтезируется с функцией эстетического воздействия на читателя, что требует от писателя внимательного и вдумчивого отношения к отбору языковых средств, чтобы преобразовать их в образно-эмоциональные и выразить свою прагматическую установку.

Разная степень связности текста находит свое выражение в различных способах объединения высказываний между собой.

Исследователями чаще всего выделяется два типа:

1) эксплицитная связь. Она получает выражение при помощи различных языковых средств (лексических, морфологических, синтаксических). Эксплицитно выраженная связь характерна прежде всего для текстов, отличающихся стремлением к точности, лаконичности (научные, некоторые виды публицистических и т.п.);

2) имплицитная связь. Она не получает выражения при помощи отдельных языковых средств. В широком смысле это оперирование содержанием, находящимся в сознании автора и читателя. Осмысление имплицитного содержания возможно только с учетом предыдущего, а иногда – и последующего контекста.

Эксплицитная и имплицитная типы связи находят отражение в использовании цепной (последовательной) или параллельной связей. Наиболее продуктивной следует считать цепную (последовательную) связь. В прозе К.Г. Абрамова она реализуется двумя основными способами:

а) вербальным (употребляются специальные связочные средства: лексический повтор, синонимическая лексика, антонимическая лексика, перифрастические выражения, местоимения, прономинализированные послелогии, наречия и др.): *Кувать эзть сода эзятне, мезе тееви Обран ошонть маласо. Тосо жо апак учо кепететь од ош. Аволь се тарканть, косо ульнесь Обран ошось, седе ало енов. Се улосонть,*

косо Окась пры Равонтень, ашти сэрей пандо. Те пандонтъ пряс Олодмирэнь ине князесь теузе од ошонть ды лемдизе Нижней Новгород. [10, 346]: «Долго не знали эрзяне, что происходит вблизи города Обрана (Абрама). Там же неожиданно поднялся новый город. Не на том месте, где был город Обран (Абрам), немного ниже. В устье, где Ока впадает в Волгу, стоит высокая гора. На вершине этой горы великий князь Владимирский построил новый город и назвал его Нижним Новгородом». В первом предложении (зачине) указана тема этого текста – события, происходящие вблизи города Обрана (Абрама). Второй компонент имеет конкретизирующий характер: *тосо ... кепететьс од ош*: «там ... поднялся новый город». Наблюдается смысловое повторение путем указания на место, в котором происходят описываемые события (в качестве средства связи выступает местоименное наречие *тосо* – «там», выполняющее заместительную функцию по отношению к словосочетанию *Обран ошонть маласо* «вблизи города Обрана (Абрама)». В третьем предложении высказанная мысль уточняется, но это не простое уточнение, но прежде всего подведение под определенную квалификацию: *аволь се таркантень* – «не на том месте» (использование распространенного абстрактного имени существительного), затем выделение частного момента: *седе ало енов* «немного ниже». Четвертый компонент содержит дополнительную информацию о том, что в устье Оки стоит высокая гора. Формальных показателей связи этого предложения с предыдущими нет (параллельная связь). Последний, пятый, компонент можно считать центральным, так как в нем рассказ о событиях действительности приведен к логическому концу. С предыдущим предложением он связан посредством лексического повтора, распространенного указательным местоимением (*пандо* – «гора» – *те пандонтъ пряс* «на вершине этой горы»);

2) категориальным (в роли связочных средств выступают грамматические формы частей речи (имени существительного или

глагола): *Ларька – ломанесь сэрей ды мазый рунго. Якстере чама бокасонзо налксить апокишке яминеть. Раужо усанзо пуртнезь ды пишти пест вануть верев* [11, 19] «Ларька (Илларион) – человек высокий и статный (букв.: [с] красивым туловищем). На [его] красных щеках играют небольшие ямочки. [Его] Черные усы завиты, и [их] острые концы смотрят вверх». Тему текста определяет первое предложение. Второе предложение связано с первым, а третье – со вторым и зачином одновременно. Между предложениями перечислительные отношения. Текст носит в целом описательный характер. Роль связочных средств выполняют притяжательные суффиксы имен существительных. В формах *чама бокасонзо* «на [его] щеках», *усанзо* «[его] усы» они показывают на принадлежность предмета третьему лицу единственного числа и, по существу, заменяют лично-притяжательное местоимение *сонзэ* «его», в форме *пест* «[их] концы» – на принадлежность предмета третьему лицу множественного числа и заменяют лично-притяжательное местоимение *сынст* «их». Формы *чама бокасонзо* – *сонзэ чама бокасонзо* «на [его] щеках», *усанзо* – *сонзэ усанзо* «[его] усы», *пест* – *сынст пест* – «[их] концы» являются синонимичными.

Следует, однако, отметить, что отдельные предложения образуют текст не только потому, что между ними существуют какие-либо (вербальные или категориальные) средства связи. Главным, как было сказано выше, является их семантическое единство. Так, при параллельном типе связи вообще нет формальных показателей сцепления предложений, тем не менее, они образуют текст, так как объединены по смыслу: *Цеторкинэнь семиязо покиш. Полок лангсто, каштом чирева, эземстэ ды мик эзем алдо неявить тейтерькань ашо прят. Кемгавтово эйкашит – весе тейтерть. Совицятнень каршо каштомо икельде лиссь Цеторкинэнь низэ, Наста баба. Рунгозо таго неяви эчкекс – канды кемголмовоце* [12, 72] «У Цеторкина семья большая. С полатей, края печи, со скамейки и даже из-под скамейки

видны белые головы девочек. Двенадцать детей – все девочки. Навстречу входящим из-за печки вышла жена Цеторкина, баба Наста (Настя). Стан [ее] снова кажется толстым – беременна тринадцатым». Все предложения этого ССЦ автосемантические, за исключением последнего, синсемантического. Роль связочного средства выполняет притяжательный суффикс имен существительных *-зо*. Он показывают на принадлежность предмета третьему лицу единственного числа и заменяет лично-притяжательное местоимение *сонзэ* – «ее», ср.: *сонзэ рунгозо* – «ее стан».

Связность проявляет себя в частных содержательных категориях, таких, как выделение элемента семантического повторения, выражение идентичности понятия, локализованность во времени, градация важности, подведение факта под определенную квалификацию, комментарий, оценка факта. Наряду с ними выделяют яркость и глубину смысла. Яркость смысла – это информативная ценность сообщения для адресата, глубина – последовательное или одновременное осмысление нескольких содержательных планов высказывания. Глубина смысла связана с прозрачностью высказывания, степенью его ясности для адресата. Процесс декодирования значения сообщений и затем понимания общего смысла текста всецело связан с речемыслительной деятельностью читателя, в этом процессе именно он оказывается главным звеном в триаде «автор – текст – читатель».

Литература

1. Кожевникова К. Об аспектах связности в тексте, как целом / К. Кожевникова // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. 49-67 с.
2. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / под ред. Т. В. Булыгиной. – 2-е изд., стереотип. М.: ЛКИ, 2007. 176 с.
3. Фигуровский И. А. Синтаксис целого текста и ученические письменные работы. М.: Учпедгиз, 1961. 171 с.

4. Беллерт И. Об одном условии связности текста: пер. с польского / И. Беллерт // Новое в зарубежной лингвистике: лингвистика текста. – Вып. 8. М.: Прогресс, 1978. 172-207 с.
5. Лосева Л. М. Как строится текст. М.: Просвещение, 1980. 98 с.
6. Реферовская Е. А. Лингвистические исследования структуры текста. М.: Наука, 1983. 215 с.
7. Милевская Т. В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты): дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 2001. 390 с.
8. Худяков А. А. Теоретическая грамматика английского языка: учеб. пособие для студ. филол. фак. и фак. ин. яз. высш. учеб. заведений. – 3-е изд., стер. М.: Академия, 2010. 256 с.
9. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003. 252 с.
10. Абрамов К. Г. Пургаз: роман-сказание. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. 480 с.
11. Абрамов К. Г. Исяк якинъ Найманов – Вчера ходил в Найманы: Роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. 318 с.
12. Абрамов К. Г. Ломантне теевсть малацекс – Люди стали близкими: роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1961. 428 с.

**Функционально-семантическая многозначность образа дома в
повестях Ювана Шесталова (на примере повести
«Синий ветер каслания»)**

С.С. Динисламова, кандидат филологических наук
*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск*

Аннотация: В творчестве Ювана Шесталова образ дома занимает одно из центральных мест. Понятие «дом» для северного писателя – это особый уклад жизни, это отношение к родным местам, близким людям, обычаям и традициям, хозяйству и быту, родному языку. «Дом» – это и образ страны.

В целом особенностью раскрытия образа дома является представление его в пространственно-временной значимости.

Ключевые слова: «Синий ветер каслания», Юван Шесталов, образ дома, традиционная культура, чум, шалаш, палатка, обряды, манси.

Дом относится к числу основополагающих, всеобъемлющих архетипических образов, с незапамятных времен функционирующих в человеческом сознании. Эквиваленты слова «дом» обозначают широкий круг понятий: кров, семью, жилище, строение, некое определенное место. Он также включает в себя понятия, связанные с культурно-экономической организацией жизни: хозяйство, быт семьи или народа, наследство, иерархию, порядок. В целом, с образом дома связано понимание всего родного и близкого для человека.

В творчестве Ювана Шесталова образ дома занимает одно из центральных мест. Он имеет свою специфическую культурную окрашенность и является выразителем национальной мансийской культуры. Понятие «дом» для северного писателя – это особый

уклад жизни, это эмоционально-положительные отношения к родным местам, к родителям, к близким людям; к знакомым с детства обычаям и традициям, к хозяйству и быту семьи и народа, к родному языку, чувство глубокой сердечной привязанности к России. Особенностью раскрытия образа дома является представление его в пространственно-временной значимости. Например, автору, а вместе с ним и герою, все знакомо и мило в родном доме: «И каждая тропинка, и каждый ручеек. Здесь качалась люлька моя берестяная; править юркой лодочкой я научился здесь; здесь впервые я почувствовал и нежный трепет рыбы и человеком себя почувствовал» [1, 367], или «Ленинград... Мой Ленинград... <...> Дома твои мне показались выше снеговых гор. И на твоих улицах я был, словно в ущельях. Кругом камень. И не видно солнца, хотя где-то над домами оно лениво бродило в дымке. Я привык к другому солнцу – солнцу, отраженному в зеркальной глади воды, солнцу, дробящемуся в листьях деревьев на тысячи маленьких светил. Солнце глядело в мою постель» [1, 419]. Данные примеры представлены из первой повести Ю. Шесталова «Синий ветер каслания» (1964). Лирический герой после завершения учебы в Ленинграде возвращается в родное село, в свой родной дом, однако осознать значимость своей малой родины помог ему именно город. Сначала он показался ему «жестоким и некрасивым», когда же он встретил свою возлюбленную, солнце улыбнулось ему, как в детстве, город стал «светлее и просторнее», стал его домом.

В повести воспоминания детства позволяют осмыслить действительность. Через героя писатель показывает, как непрост путь от «тысячелетнего сна» к современной действительности, связанной с городом, школой, нефтегазовым освоением Сибири. Образ героя представлен противоречивым, не определившимся до конца, борющимся с пережитками прошлого. Так, в начале

повести, когда герой соглашается ехать в каслание для помощи оленеводам, а потом сожалеет о своем поступке – дом – чум, в котором он живет вместе с оленеводами, показался ему холодным, серым и грязным. Он, чтобы улучшить, облагородить жизнь соплеменников, думает о лёгких дюралевых домиках и «световых чумиках» из пластмассы.

Вместе с другими людьми герой спит на оленьих шкурах, постеленных на еловые ветки и снег, вместо одеял у них – меховые шубы. В центре чума стоит железная печка. Герою холодно и одиноко. Его одолевают мрачные мысли. Но вот стали просыпаться люди, уже «трещит железная печь, через щели дверцы летят искры, и уже струится мягкое, нежное тепло, без которого чум будто холодное подземное царство» [1, 329]. Вскоре, как в сказке, перед героем появляется низенький столик. На нем железная зеленая чашка. Такие же столики устанавливают для своих семей и другие обитатели чума. На столе появляется «стружками вкусная-превкусная, мерзлая-премерзлая печень оленя», люди наслаждаются едой, и улетают «ненастные мысли»... И вскоре жизнь в каслании показалась герою родной и близкой. Он восклицает: «Кажется, дышал я тысячу лет этой жизнью, кажется, и совсем не жил я. И потому чувствую себя так, как будто текут во мне две бурные речки» [1,31].

Интересны в повести размышления героя, когда он начинает понимать функциональное значение каждого предмета в чуме и место человека в этом пространстве. Например: «Чум спит. Люди спят. Их головы лежат, словно по окружности. А сами они как будто радиусы, тянущиеся от окружности к центру. У всех ноги сходятся у печки, у центра. Удивительно, ни один не лег головой к печи. Даже я, и то почему-то лег, как все. Странная геометричность спящего чума немного отвлекла меня, и я забыл про холод» [1, 328].

Через размышления героя раскрывается и семантическая структура дома-чума: например, образ пограничной зоны – стены, верхнее отверстие жилища и отверстие, заменяющее двери. Отверстие-дверь находится «в стороне от чума, куда печь смотрит железной решетчатой дверцей», оно завешено оленьей шкурой. «Стены» жилища – это «шкура, гладкая, поседевшая от времени», она наклонно «убегает... все выше и выше», наверху (верхнее отверстие) на связанные черные жерди «наброшен лоскуток синего неба», откуда «смотрят бледные звездочки». В данном случае границы конкретно жилой зоны человека достигают запредельных высот и, конечно же, выходят далеко за горизонт, ведь для оленеводов дом – это земли «от Оби до Урала». В этом доме, помимо ежедневного труда, герои «с удовольствием пьют горячую оленью кровь», едят сырую мороженую печень оленя – «лакомство богов», пьют ароматный чай. Убранство общего дома – «широкоплечие кедры», «лесная речка», «каменистые перекааты», «избушка на курьих ножках», «ели, да кедры, да небо, да снег, снег, снег без конца и края» [1, 322].

Разновидностью дома в повести представлена и брезентовая палатка. Комсомольцы, думая, что она более удобна для проживания, решают жить в ней. Оленеводы называют ее «Дом старушки, делающей нитки из жил. В жилу в ней превратишься от холода». («Старушка, делающая нити из жил» – это *Тан-варп-эква* – мифологический персонаж дисгармонического характера. Она делает нити из жил (сухожилий) человека). Новое жилище у молодежи получилось уютным. Посреди просторной палатки с окнами стоит стол, накрытый зеленой скатертью, на столе – журналы, газеты, радиоприемник, по которому вещала Москва. Показывали в палатке и диафильмы. Функциональное значение данного дома в культурно-просветительной работе, в соответствии с этим, комсомольцы называли свой дом «Красный чум».

Следующим лексическим обозначением дома можно назвать чум-шалаш. Мальчик *Епа* не захотел вместе с другими оленеводами спать под открытым небом – общим домом. Он знает, что в их общем доме ночью бывает холодно, и он ставит небольшой чум из снега и еловых веток. В свой чум он пытается втащить шкуру оленя, но она не вмещается в жилище. Дом Епы не был похожим на куропачий чум, который делается только из одного снега, его дом – это конусообразный чум из веток, связанных наверху тынзяном.

В повести домом для самых маленьких кочевников служит берестяная люлька. Люди спят в тайге у костра. Рядом с родителями спит в люльке завернутый в сахи – женскую меховую шубу – Маньпыг. Над ними скользят синие лучи луны, «они спят спокойно, как будто нет мороза, как будто это все обыкновенно...» [1,343]. К люльке относятся особенно заботливо: «Мать вытряхивает мокрую труху из ночной люльки... Все спали в такой люльке, со связанными руками и ногами... Хоть и неудобно, зато живешь, в чуме живешь, на нарте живешь, когда поет выюга – живешь, когда всех клюет дождь – а тебе тепло, а ты живешь!» [1, 352]. Говорится в повести и о дневной люльке.

Для оленеводов жизнь в каслании приходится в постоянном движении. Основное средство передвижения – олени нарты: «А утром – опять дорога. И стадо движется. И жена, и дети в нартах... Бегут олени, бежит дорога, пляшет мороз – и так всю жизнь!..» [1, 458]. Применительно к жизни оленеводов нарты также можно соотнести с семантическим полем образа дома, но их можно рассматривать и как предмет большого дома кочевников – тайги.

В тайге людям уютно в любое время года. Одно из основных средств создания уюта – костер: «Развели костер. И скоро была готова уха. Поели, попили чайку. И тепло, как в летний вечер, стало» [1, 320]. Есть в большом главном доме и обстановка: «Мы сидим за маленьким столиком с короткими ножками. Рядом пылает костер. А на небе

солнце. Тает снег от костра, солнца и от нас. Даже столик вот-вот провалится в снег. Но мы не идем в чум. Там нет солнца, костра, этого чудного бескрайнего простора. Квартира под голубым небом – лучшая квартира в мире: самая светлая, просторная, чистая» [1, 358].

В повести «Синий ветер каслания» обращает на себя внимание и символично-мифологическое значение образа «дом». Представители старшего поколения – люди, признающие только традиционную культуру – бережно охраняют свои дома от новых, современных влияний времени на жизнь народа манси. Наста – человек новой формации, она поднималась на крышу дома, из-за чего теперь «старые манси не хотят в дом зайти», считают его оскверненным, нечистым. Ее свекровь – *Яныг-турпка-эква* – выговаривает сыну: «Шел на поводу у жены. Мужчина! Жил под поганой крышей» [1, 349]. Нарушение мансийских традиционных законов – нарушение домашнего космоса – привело к разрушению гармонии, уюта, личного счастья героев. Семья распалась, «сердце Сильки плачет». Он понимает, что «теперь нельзя так жить, как жили прежде...», но мешают привычки, обычаи дедов. Он, как и предки, «почитал шайтанов», «в медведя слепо верил». Угождая матери, старался «сохранить в чистоте представления о мансийской чести». Силька не намерен отказываться от своего национального, ведь человек, потерявший связи с родным краем, народом, не достоин уважения. В подтверждение данной мысли Шесталов раскрывает образ другого героя – Иосифа. Для Иосифа, отказавшегося от родных традиций и родного дома, т.к. там «нет условий для культурного отдыха», символика дома, как семейного очага, утрачена, дом у него приобретает планетарный размах: «Моя родина – планета Земля. Мой народ – земляне». Уподобление дома космосу, казалось бы, связано с мифологическим сознанием, но только не в этом случае. Иосифа испортила городская жизнь: «Курсов много. И поступить

легко – везде северянам льготы: одежда, бесплатное питание. Всюду танцы, музыка. Не жизнь, а сладкая морошка!» Иосиф еще не осознает свою «бездомность» – возможно, и не способен постичь этого своим разумом, но «отмежевание» от традиций уже произошло, и, как следствие, – утрата личности.

Далее, говоря о мифологическом значении образа «дома», отметим и то, что дом у Шесталова чаще всего отождествляется с семейным очагом, вокруг которого собираются члены семьи, совершают ритуалы; представлено и отношение людей к дому как безопасному пространству, охраняемому духами-предками: «На столе стояли большие чаши. Ароматным паром дымилась голова оленя, разрубленная на куски. Из одной деревянной чаши смотрели глаза рогатого. В другой лежал его язык. Восторженные лица, плавные движения, таинственный полусшепот наполняли торжественностью мансийский ужин. Кажется, стол расширился, кажется, дом расширился, кажется, весь мир огромный сегодня в этом доме. Кажется, над этим паром, что чуть не светится радугой при тусклом электричестве, вьются наши боги...» [1, 316]. В доме проводятся обряды поклонения духам-покровителям: «Надо бы сначала подняться вам на крышу и отнести шайтану, хозяину нашего дома, дымящиеся глаза оленя, да хотя бы чарочку пылающей воды» [1, 317]; или: «И вот затлел где-то в доме сэныг. Наполнился дом волшебным воздухом, которым дышат только шайтаны в небе» [1, 371], а «вечером все родственники собрались вместе. У южного угла дома убили оленя для пиршества. По обычаю, на этом месте были одни мужчины».

В завершение отметим, что в повести «Синий ветер каслания» Юван Шесталов представляет картину жизни народа манси с ее исконными традициями, своеобразным бытом. Именно образ дома является у мансийского писателя одной из важных семантических составляющих национальной картины мира. Исследование показало,

что образ дома вобрал в себя множество понятий: семья, очаг, память о предках, соблюдение традиций, связь поколений. У каждого дома есть свои святыни. В целом, дом ассоциируется с мирной жизнью, любовью, уютом, домашним теплом. Дом – это и образ страны.

Литература

1. Шесталов Ю.Н. Собрание сочинений. СПб. Ханты-Мансийск: Фонд космического Сознания, 1997. Т. 1. 480 с.

Картина мира в структуре контекстного анализа современного художественного произведения в вузе

Е.А. Жиндеева, доктор филологических наук,
*Мордовский государственный педагогический институт
имени М. Е. Евсевьева, Саранск*

Аннотация. В статье предложен исследовательский материал, касающийся специфики контекстного анализа изображаемой в образах современной русской и мордовской прозы картины мира.

Ключевые слова: картина мира, авторское сознание, художественное произведение, контекстный анализ, современная русская проза

Любое художественное произведение – это попытка воссоздать картину мира в соответствии с авторским представлением действительности и сообразно с теми целям и задачами писателя, которые он ставит в процессе создания художественного образца. Система ценностно-ориентированного подхода в изображении доминант характеров героев, в отражении социального мироустройства дает возможность читателю сопоставить свои собственные ориентиры с позицией автора художественного произведения, представляет собой соединение замысла писателя и его понимания читателем. В таком случае картина мира не просто узнаваема читателем, но и принимаемо осознана.

Методологические споры по поводу представления картины мира в художественных произведениях – явление в наше время вполне закономерное. Охват литературы во всей сложности образующих ее элементов, концентрация смысловых отношений между знаком и словом, словом и мыслью, модификация внешнего символическо-культурного состояния общества с внутренней прогрессией

развития литературы является здесь отнюдь не фоном, а скорее требованием, предъявляемым к изображению картины мира, что и представляет значительный интерес как для специалистов в области литературоведения, культурологии, регионологии, социологии, психологии и т.п., так и для философской интенции в целом.

В таких условиях интеграция получаемых знаний и разработка эффективных механизмов реализации личностного подхода к анализу образцов русской и мордовской прозы в вузе требуют выработки концепции «новой профессионализации» специалистов, которые должны уметь работать критически с большим потоком научных данных и информации, адекватно оценивать свои возможности в моделировании деятельности обучающихся в системе парадигмы, знаний.

Главная задача сегодняшнего дня в литературном образовании – подготовка высококвалифицированных специалистов-филологов нового поколения, способных адаптироваться в быстро изменяющихся социально-экономических условиях, создавать и использовать технологические резервы обучения, владеть приемами интерактивного обучения, владеть навыками различного анализа и умением вовлекать в осмысление литературного процесса в целом. Нужно отметить, что инновационные программы современных высших профессиональных заведений направлены, в первую очередь, на достижение намеченной цели обучения: развития способности формировать свое мнение в процессе приобретения информации, ее осмысление и объективную оценку, изменение своих взглядов при обнаружении новых сведений. Все это в целом работает на формирование у обучающихся личной педагогической, литературоведческой платформы, которая в процессе работы в дальнейшем будет совершенствоваться.

При изучении современной русской литературы студенты сталкиваются с массой трудностей объективного характера.

Современная литература нуждается в компетентном читателе, в то время как филологический «багаж» студента не всегда достаточен. Между тем, литературная ситуация последних пятнадцати – двадцати лет такова, что ориентироваться в ней нелегко даже ученому-специалисту, тем более – будущему учителю. Сложные философские и культурологические построения писателей, критиков, литературоведов, теоретические и практические эксперименты (например, в современной русской поэзии) становятся объектом исследования и преподавателей, и студентов.

Ориентация на контекстный анализ в филологическом образовании требует обновления учебного процесса, введения новых технологий обучения, интеграции существующей обновляемой системы образования в мировое образовательное пространство. В этом плане, на наш взгляд, контекстное обучение является стратегическим в системе подготовки учителя-словесника. Контекстное обучение отталкивается от положения теории деятельности, в соответствии с которой, усвоение социального опыта осуществляется в результате активной, «пристрастной» деятельности субъекта. В нем получают воплощение следующие принципы: активность личности; проблемность; единство обучения и воспитания; последовательное моделирование в формах учебной деятельности студентов содержания и условий профессиональной деятельности специалистов. В качестве средств реализации теоретического подхода в контекстном обучении предлагается в полном объёме использовать методы активного обучения.

Активизация учебно-познавательной деятельности в контекстном обучении достигается за счёт повышения уровня учебной мотивации, который, в свою очередь, наблюдается при максимально возможном приближении темпа, направленности и других аспектов организации учебного процесса к индивидуальным стремлениям и

возможностям обучаемых. Если за основу рассуждений по поводу филологического образования взять точку зрения А.А. Вербицкого [1] на знаково-контекстное (или просто контекстное) обучение как форму активного освоения совокупности навыков и умений, предназначенных для трансляции знаний в процессе преподавания учебного предмета, то, на наш взгляд, следует говорить о моделировании и воспроизведении ролевой функции учителя словесности в пределах получаемого профессионального образования. Системное использование профессионального контекста, постепенное насыщение учебного процесса элементами профессиональной деятельности дает возможность познания и освоения совокупности предметных задач, организационных технологических форм и методов деятельности. Обратимся к конкретному примеру.

Изучение любого художественного произведения базируется на осознанном знакомстве с системной информацией текстового образца. Если учесть, что основной единицей контекстного анализа является ситуация, то любой вопрос, связанный с пониманием произведения, возникающий перед обучающимися, требует определения возможного его решения и выбор наиболее эффективного, из ряда существующих путей, получения ответа. Анализ слов, грамматических форм, синтаксических связей, текстовых категорий позволяет получить представление о лексической и грамматической семантике языковых единиц в изучаемом тексте, о связях между единицами высказываний и, в конечном счете, о содержании всего текста в ходе восприятия его как некоего целого. Исходя из того, что содержание художественного текста – это размышления писателя о мире, о тех или иных явлениях действительности, а форма – система средств и приемов, в которой эти размышления находят свое воплощение, необходимо выяснить причины обращения писателя к воссозданию именно этой картины мира непосредственно этими средствами и приемами. Таким образом, воз-

никает вопрос соответствия формы и содержания, чье диалектическое единство является аксиомой реалистического текста, но вполне может быть нарушено в экспериментальном художественном образце, к которым можно отнести постмодернистские тексты, а в начале XXI века – частично и образцы постреализма.

В теории контекстного анализа картины мира, отображенной в художественном произведении, важны три основополагающие составляющие: семиотическая, имитационная и социальная. Так, скажем, при выявлении жанрового понимания ряда образцов современной русской литературы может быть выдвинута та или иная модель, как базовая; оставшиеся могут быть использованы как факультативные. При анализе произведения Т. Толстой «Кысь» работа может быть построена следующим образом: первый вариант, в основу которого положена семиотическая модель, требует выявления причинно-следственных знаковых связей. Совокупность знаковых ситуаций позволяет выделить концепты «книга», «взрыв» и т.п. Исследовательский потенциал обучающегося может быть реализован в определении знаковых составляющих текста, сопоставлении своей точки зрения с мнением коллег и литературных критиков. При этом контекстный подход поможет не просто смоделировать ситуацию научно-учебного поиска, но и создаст предпосылки для активного и осмысленного участия, создания некой гипотезы самостоятельной семиотической теории обучающегося. Второй вариант предполагает использование имитационного модуля в осознании картины мира в художественном тексте. Не нужно думать, что такой подход сконцентрирован только на форме деловой игры, основанной на распределении ролей (учитель – ученик). Здесь, на наш взгляд, уместен несколько иной подход. Воспроизведение (в том числе возможная театральная постановка, создание сценария и т.д.) позволит не только обратить внимание на сюжетообразующие детали, нюансы авторских характеристик и т.д., но и даст эффект сопричастности ав-

торскому замыслу и, как следствие, позволит обнаружить герменевтические указатели, на основе которых и возможно понять общую картину мира в пределах одного художественного произведения. Третий вариант носит наиболее прагматичный характер и основан на следующих необходимых знаниях обучающихся: о категориях и этапах развития художественного искусства, специфике чтения произведений различных жанров, о категориях видения подтекста.

В таком ракурсе анализ избранного нами для примера художественного произведения позволяет обнаружить модель меняющегося общества, органически связанного с нашей историей и сегодняшним днем. При таких условиях в филологической подготовке на первый план выдвигаются выявление и оценка способности студентов к решению новых, разнообразных задач, связанных с дальнейшей профессиональной деятельностью. В итоговой оценке учитывается: уровень теоретического осмысления своей деятельности (цель, задачи, содержание); степень сформированности профессионально-педагогической компетентности; уровень выполнения учебно-профессиональных заданий (целенаправленность, планирование, организация своей работы, способы выполнения задач); уровень профессионально-методической компетенции по анализу художественного текста.

Литература

1. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: компетентностный подход. М.: Высшая школа, 1991.

**Универсальное и национальное
в современном мордовском романе**

С.В. Шеянова, кандидат филологических наук, доцент
*Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева, Саранск*

Аннотация. В статье рассматриваются литературные универсалии, воссоздающие общечеловеческие духовные ценности и позволяющие расценивать мордовское романное слово как часть всемирной культуры, и анализируются пути реализации национального в романе, аккумулирующего мировоззренческие, этические и эстетические представления мордовского народа.

Ключевые слова: универсальное, национальное, роман, мотив, сюжет, этнообрядность.

Контактно-генетические связи, типологические схождения, междисциплинарные взаимодействия привели к возникновению литературных универсалий – единиц самой разной художественной и языковой плотности, раскрывающихся на разных уровнях анализа текста – характеров, мотивов, концептов, сюжетов, «метатипов», ключевых слов, ситуаций, событий [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Однако следует упомянуть и о другой сфере литературы, аккумулирующей в себе философию, эстетику и духовные ценности конкретной национальности. В условиях поликультурного общества особую значимость приобретают вопросы национальной идентификации, позволяющей раскрыть мировоззрение, мировосприятие народа, этнопсихологию, этнофилософию – уникальный «национальный мир». Рассмотрение в литературных фактах, в частности, в современном мордовском романе, национального, уникального, неповторимого и универсального позволяет выявить содержательно-поэтическое

богатство и эстетическую целостность романых образов.

В романе Е. Четвергова «Ванине» («Ванечка») [7] реализуется универсальный образ-символ огня, занимающий большое место в мировой культуре, мифологии и литературе. В сложных мифологических системах классовых обществ огонь становится объектом религиозного поклонения и восприятия его как сверхъестественного начала, особым образом влияющего на жизнь человека, «как очищающей и целительной силы» [8, 240]. В поверьях древней мордвы огонь наделялся прекрасными очистительными свойствами, ассоциировался с сугубо священной стихией, воплощением божественной справедливости. Так, священные свечи – штатолы – символизировали связь между небесным и земным. В мифологии эрзян и мокшан мотив огня гуманизирован и окрашен моральной идеей. Этой традиции следует и Е. Четвергов. Гибель главного героя Ванечки в огне символична: он очищается огнем от аморального поведения и безнравственности. Только огонь может очистить нравственно деградировавшего, духовно опустошенного человека.

В эпистолярном романе Е. Четвергова «Тесэ ды Тосо» («Здесь и Там») [9] правомерно, на наш взгляд, выделить универсальный христианский мотив бесконечности духовного бытия и широко распространенную историю взаимодействия обывателей земного и загробного миров – сюжет, имеющий «весьма древнюю историю и восходящий к дохудожественным – мифологическим – текстам и представлениям» [10, 268]. «Загробное» у Е. Четвергова реализуется в двух субстанциях: Подземный и Небесный миры – первый ассоциируется с чистилищем, второй – с раем. В загробном мире человек утрачивает телесность, но обретает всеведение – знание о настоящем и память о прошлом. Загробное бытие в романе вечно, там есть движение, но нет ощущения процессуальности, прогресса, оно устроено по определенным законам и канонам, которые невозможно постичь живому человеку.

В романе А. Брыжинского «Вечкеманть тюсонзо эсензэ» («У любви

краски свои») [11] дано универсальное и эстетически ценностное обоснование того, что смысл жизни человека – в любви, любовь – нечто высшее и непререкаемое. События жизни главного героя Петра Паксяськина имеют лирико-драматический подтекст, создающий двойную перспективу изображения: с одной стороны, личное счастье и личная драма, универсальность идеи – с другой. Любовь в той или иной степени свойственна всем людям, это общечеловеческое чувство, однако каждая история любви уникальна и неповторима. Интенсивность любовного чувства у А. Брыжинского тесно связана с нравственно-этической сущностью личности, обуславливает мотивы ее поведения, душевные движения и импульсы. В ряде эпизодов любовь поэтизируется, снимается конкретика индивидуального чувства, возникает ощущение «всепроникновения» универсальной эмоций.

Литературное творчество, как часть национальной культуры, естественным образом впитывает национальное мироощущение, традиционные эстетические, нравственно-этические нормы. Отечественный исследователь Г.Д. Гачев сводит мысль к тому, что природно-географические, психологические, этнографические и другие факторы формируют особенности национального образного мышления, национальную систему ценностей и своеобразие мировоззрения народа, что объединяется в понятие «национальный образ мира» [12].

Национально-художественная идентичность романного слова Мордовии проявляется на разных уровнях формально-содержательной структуры эпического целого – в принципах построения сюжета и художественного образа, мотивационных структурах, способах и приемах психологического изображения, организации речевого материала.

В современном историческом романе одним из составляющих национально-эстетического целого являются ценности материальной

и духовной культуры, в трансформированной форме интегрируемые в романский нарратив. Они создают национально-эстетический колорит эпического пространства, раскрывают «философию» этноса, становятся художественным средством стилизации текста и конструктивным способом организации сюжетно-композиционной системы, выражают национальное в тесной взаимосвязи с индивидуальным и общечеловеческим.

Этнокультурные составляющие любого народа наиболее ярко проявляются в традиционной обрядности. Обращение Народного писателя Мордовии К. Абрамова к художественной интерпретации традиционных обрядов и обычаев в романной прозе следует оценивать не только как возможность придать повествованию национально-этническую самобытность, но и как факт этнического ренессанса. В романе-сказании «Пургаз» [13] особенно запоминаются сцены родовых молений (озксы), являющихся одной из составляющих традиционной обрядности мордвы.

К. Абрамов представляет моление родов Обрана, Инюша и Лемеша в Великий день, ранней весной, когда на деревьях лопнули почки, и кроны зазеленели молодой листвой, а лесные поляны покрылись травой и цветами: «Старейшины молян зажгли толстые восковые свечи, поставили их на полотно и повернулись к восходу солнца. За ними встали мужчины, за мужчинами — женщины и девушки. Все скрестили руки и прижали ладони к подмышкам. Поляна затихла. ... Моление началось. Тихим голосом старший из молян поблагодарил Ине Шкая за добрую весну и горячее солнце, которое согрело землю и людей, и стал просить у него удачи на урожай и скот, на зверя и рыбу, на молодых жен и народившихся детей, на теплый дождь и первые всходы. После каждой просьбы старейшины молян кланялись Великому богу, и, глядя на них, кланялись все остальные. Старейшина долго упрашивал Ине Шкая, чтобы он защитил их землю и людей от страшных набегов врагов с юга и севера, с запада и востока.

Моление продолжалось долго, пока не истощились все большие и малые просьбы к богу. И, чтобы Великий бог был милостив к ним, старейшины преподнесли ему жертву. После этого они стали отрезать от жертвенного мяса куски и раздавать молящимся: сначала мужчинам, потом – женщинам и девушкам» [13, 51]. Моления, жертвоприношения, наряду с разнообразными обрядовыми действиями, отражают традиционную систему представлений народа о строении мироздания. Творческое видение писателя, воссоздающее этномифологическую художественную модель мира и человека, усиливает онтологическое звучание поднятых автором «вечных» тем и проблем. Кроме того, это способствует непрерывному самопознанию эрзянским народом собственного, поистине неисчерпаемого, этномифологического феномена.

Итак, для современного мордовского романа характерно воссоздание «национальной картины мира» во всем его многообразии и самобытности, гармоничная взаимосвязь национально-неповторимого и универсального (сюжеты, мотивы, образы). Художественные поиски современных писателей подводят к констатации истины: творческое утверждение национального и есть утверждение универсального, общечеловеческого.

Литература

1. Володина Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. М., 2010. 256 с.
2. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Л., 1978. 424 с.
3. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М., 1994. 140 с.
4. Созина Е.К. Степные пленники. Литературная универсалия и ее фактуальная контекстность в отечественной словесности первой трети XIX века // Кормановские чтения: ст. и мат. Межвуз. науч. конф. Ижевск, 2011. Вып. 10. 35–46 с.
5. Универсалии русской литературы: сб. ст. под ред. А. А.

- Фаустова. Воронеж, Воронеж. гос. ун-т, 2009.
6. Универсалии в русской литературе (символично-функциональные аспекты): сб. ст. под ред. А. А. Фаустова. Воронеж, Воронеж. гос. ун-т, 2010.
 7. Четвергов Е. Ванине: роман на морд.-эрзя яз. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2011. 204 с.
 8. Токарев С. А. Огонь // Мифы народов мира: в 2 т. Т. 2. М.: Совет. энцикл., 1992. 239-240 с.
 9. Четвергов Е. Тесэ ды Тосо: сермасо роман // Четвергов Е. Тесэ ды Тосо: сермасо роман, келей евтнема ды евтнемат. Саранск, 2013. 3-180 с.
 10. Логунова Н. В. Русская эпистолярная проза XX – начала XXI веков: эволюция жанра и художественного дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. 2011. 445 с.
 11. Брыжинский А. У любви краски свои: роман. Саранск: [б. и.], 2007. 308 с.
 12. Гачев Г. Д. О национальных картинах мира // Народы Азии и Африки. 1967. № 1. 77-92 с.
 13. Абрамов К. Пургаз: роман-сказание / К. Абрамов. М.: Современник, 1989. 444 с.

НАШИ АВТОРЫ

Biro Bernadett – аспирантка Сегедского университета, Сегед, Венгрия

Sipőcz Katalin – доктор филологии, доцент Сегедского университета, Сегед, Венгрия

Бахтиярова Татьяна Прокопьевна – научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск

Бурыкин Алексей Алексеевич – доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург

Водясова Любовь Петровна – доктор филологических наук, профессор Мордовского государственного педагогического института имени М.Е. Евсевьева, Саранск

Возелова Любовь Геннадьевна – младший научный сотрудник Научного центра изучения Арктики, Салехард

Динисламова Светлана Селиверстовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск

Дядюн Светлана Даниловна – старший научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск

Жиндеева Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор, Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева, Саранск

Исламова Юлия Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск

Каксина Евдокия Даниловна – научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Белоярский

Кумаева Мария Владимировна – научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск

Лельхова Федосья Макаровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск

Миронова Валентина Петровна – кандидат филологических наук, Институт языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН, Петрозаводск

Нахрачёва Галина Леонидовна – научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск

Онина Софья Владимировна – кандидат филологических наук, преподаватель, Ханты-Мансийский технолого-педагогический колледж, Ханты-Мансийск

Панченко Людмила Николаевна – научный сотрудник отдела мансийской филологии и фольклористики, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск

Попова Светлана Алексеевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск

Потпот Римма Михайловна – научный сотрудник филиала Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Белоярский

Сергеев Олег Арсентьевич – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, заведующий отделом языка Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, Йошкар-Ола

Слепенкова Рима Константиновна – научный сотрудник филиала Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Белоярский

Соловар Валентина Николаевна – доктор филологических наук, заведующая отделом Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск

Хорват Чилла – младший научный сотрудник Института языкознания Венгерской академии наук, Будапешт, Венгрия

Шеянова Светлана Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры финно-угорских литератур Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, Саранск

Шиянова Анастасия Антоновна – кандидат филологических наук, заведующая лабораторией Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск

ЗАМЕТКИ

ЗАМЕТКИ

**Проблемы и перспективы
социально-экономического и этнокультурного
развития коренных малочисленных
народов Севера**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
(28-29 мая 2014 г., Ханты-Мансийск)

Оригинал макет подготовлен ООО «МАКС-ПРИНТ»

Подписано в печать 13.08.2015г.
Формат 640*900/16. Усл. п.л. 15,7
Тираж 150 экз. Заказ № 250703/1

ООО «МАКС-ПРИНТ»
394019, г. Воронеж, ул. 9 Января, 107а, кв 19
Тел.: (903) 855-48-40.